ПИОНЕР 8

1984

Малая Пионерская Энциклопедия

Операция

Хлеб...

Есть только одно слово, которое равнозначно слову «хлеб». Это слово — «жизнь».

В самые трудные для молодой Республики дни и часы Ленин думал о хлебе.

В самые трудные для блокадного Ленинграда дни коммунисты думали о хлебе.

В самые напряженные часы освоения целины каждый, кто приехал туда, на целину, по велению сердца и долга, думал о хлебе.

Первый звездный сын земли — Юрий Гагарин — приземлился на хлебное поле.

Хлеб...

Есть только одно слово, которое равнозначно слову «хлеб». Это слово — «жизнь».

О хлебе думает землепашец. О хлебе думает инженер, когда создает новый комбайн. О хлебе думает ученый, когда долгие годы выводит новый сорт пшеницы или ржи. О хлебе думает государственный деятель, ибо хлеб — это богатство Отчизны. И недаром в Государственном гербе Союза Советских Социалистических Республик есть хлебный колос.

Хлеб возвеличен в музыке. Хлеб воспет в стихах.

Буханка хлеба — это
настоящий
Осколок солнца на моей
земле,
Огонь обогревающий,
горячий
Извечно на обеденном
столе.

«ЗЁРНЫШКО»

Эти замечательные строки литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса звучат как гимн простому понятию — ХЛЕБ.

История нашей пионерской организации знает немало славных страниц, когда пионеры вместе со старшими заботились о хлебе. В 20-е годы юные ленинцы помогали старшим — создавали первые колхозы, разоблачали кулаков, которые прятали зерно. В 30-е годы пионеры боролись с грызунами, создавали отряды легкой кавалерии по охране урожая. В грозные годы войны миллионы ребят вслед за комбайнами, косилками шли и собирали колосок за колоском, чтобы фронт и тыл получали пионерские центнеры, тонны зерна.

Следуя этим добрым традициям, пионеры наших дней активно участвуют в операции «Зернышко».

В ноябре 1976 года на легендарной целинной земле, в городе Целинограде собрались ребята со всех союзных республик. Это был сбор самых лучших представителей «Зернышка». И каждый из них привез с собой заветный мешочек. В них были зерна пшеницы. Зерна с Украины и Прибалтики, с Нечерноземья и Кавказа, Сибири и Казахстана...

Эти зерна собрали вместе, помололи, а из муки лучшие пекари Целинограда испекли «каравай дружбы». Какой это получился замечательный каравай! Вместе с героями целины отведали хлеба ребята в красных галстуках — те, кто работал помощниками комбайнеров, те, кто работал в ученических производственных бригадах, те, кто спасал от огня хлеб, те, кто давал концерты на полевых станах...

Операция «Зернышко» продолжается и сегодня...

Ребята дежурят на дорогах, чтобы из кузовов машин на дорогу не упало ни одно зерно. Пионеры помогают убирать урожай. Пионеры берегут хлеб.

И ты, наш читатель, живешь ли в городе или на селе, всегда должен думать о том, как сберечь хлеб, потому что слово «хлеб» равнозначно слову «жизнь».

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

Лето — время походов, поисков и открытий.

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

ОТРЯД В ПОИСКЕ

Лето — время походов, поисков и открытий. Надо не пропустить счастливого летнего времени — не прозевать радости творческого познания мира.

Мы получили письмо из Бердянского Дома пионеров имени Е. М. Рудневой. В нем — РАССКАЗ об экспедиционном отряде «ПОИСК».

Отряд «ПОИСК» собрался из ребят разных школ — №№ 9, 10, 11, 13, 15 и других. Наталья Валентиновна Болгарева, работник Дома пионеров, стала старшим другом отряда. И начался ПОХОД в прошлое пионерской организации Бердянска. Первопроходцами, изыскателями быть не просто, но радостно.

Вот лежит перед ними фотография далекого 1929 года. Первый пионерский отряд — «Водников». Почему «Водников»? Да потому, что отряд организовали при клубе «Водников». Все пионерские отряды того времени создавались при заводах, фабриках, клубах. Это рассказывает председатель совета отряда Александр Николаевич Морозов. Он вспоминает, как пионеры помогали клубу, участвовали в субботниках. Работали кружки: стрелковый, морской, спортивный, безбожников, «Красный галстук». Конечно, они не думали, что творят историю, они просто жили весело и интересно. Они делали свое пионерское дело и были на этом пути первыми. А теперь по старой пожелтевшей фотографии их разыскивают сегодняшние пионеры, чтобы записать по их воспоминаниям пионерскую биографию своей организации.

Полезность своих исследований и открытий они почувствовали, когда к ним стали обращаться за справками, за помощью. Писатель Дмитрий Андреевич Головко попросил их прислать материал о юном коммунаре Николае Игнатьевиче Таратонове для работы над книгой, которая потом вышла в издательстве «Веселка». Таратонов был одним из первых пионеров в городе, потом пионервожатым, руководителем художественного коллектива «Синяя блуза». Участвовал он и в организации «Юные коммунары». Красные следопыты записали и переслали писателю воспоминания Н. И. Таратонова.

По заданию газеты «Юный ленинец» пионеры отряда «ПОИСК» нашли ветерана гражданской и Великой Отечественной войн Александра Ивановича Семенова, который принимал участие в создании на Украине первых пионерских отрядов.

В фонде Музея пионерской славы 732 экспоната (теперь, пока готовился к печати этот материал, их стало больше). Коллекция музея помогает заниматься научными исследованиями, изучать историю пионерской организации, писать рефераты. При музее есть Совет друзей — ветеранов. Отряд «ПОИСК» отмечен грамотами и наградами, назван одним из лучших пионерских экспедиционных отрядов. Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина отметил работу красных следопытов отряда Почетной грамотой.

*Все это мы узнали из письма **ИРИНЫ КУРТОВОЙ,** заместителя командира Музея пионерской славы. И рассказали вам как напутствие.*

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

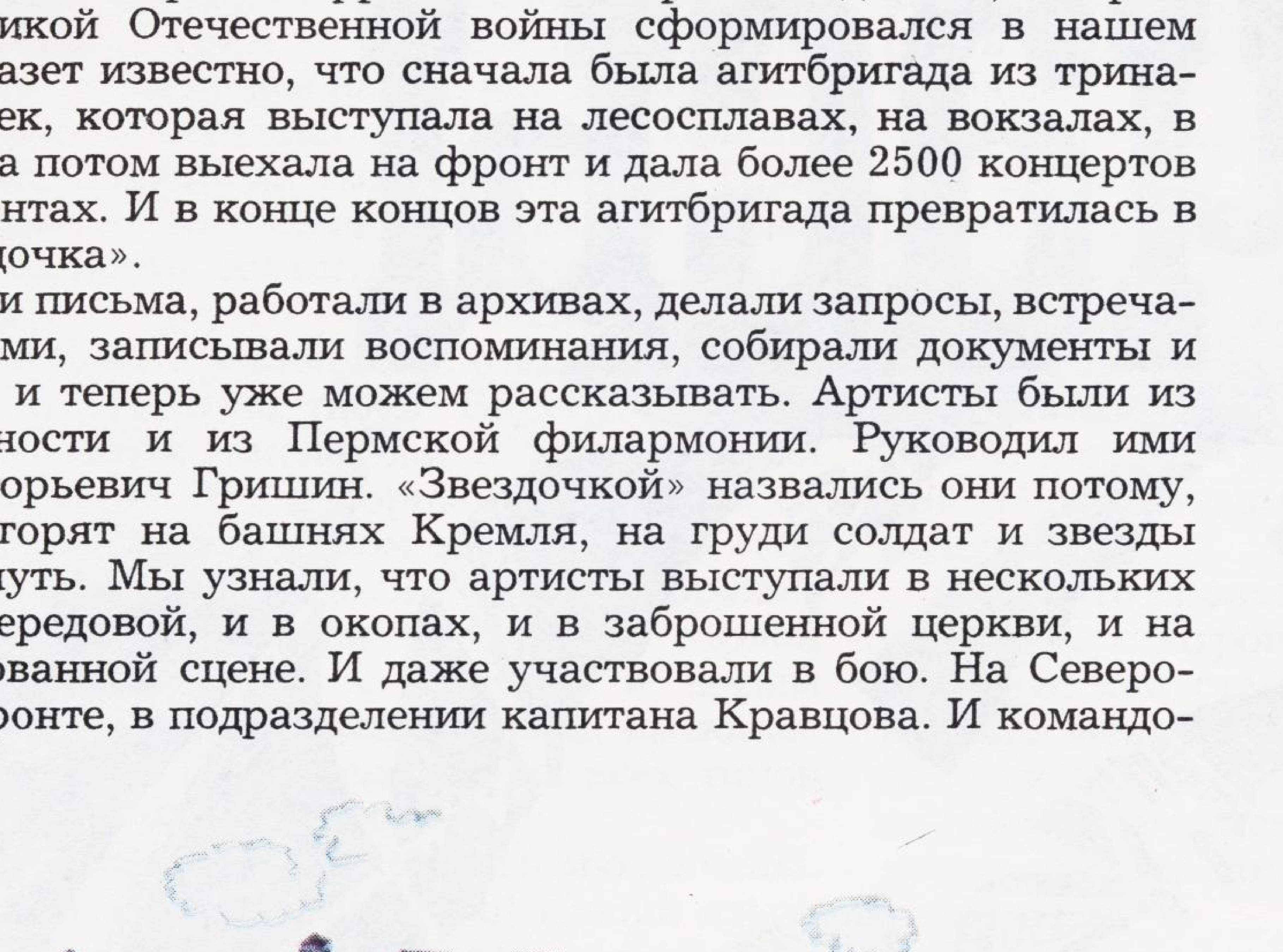
Каждый пионерский отряд по-своему решает, как он будет участвовать в пятилетке трудовых пионерских дел. Украинская газета «Юный ленинец» рассказала о пионерах, которые стали незаменимыми помощниками на опытных полях Всесоюзного ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени селекционно-генетического института.

Этот институт находится в Одесской области и занимается выведением новых сортов пшеницы, ячменя, других сельскохозяйственных культур. Что же делают там пионеры? Они охраняют посевы от птиц, делают записи при сортировке зерна, моют пробирки в лабораториях института. Ребятам постарше доверяют обмолачивать ячмень, работать помощниками комбайнеров на небольших комбайнах, предназначенных для специальных опытных участков. Отряд из институтского поселка не теряет летнего времени даром. Участвует в большом и интересном деле, которым можно гордиться.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

Мы, родители бывшего 6 «а» класса 60-й школы города Перми, вместе со своими детьми решили принимать участие в сборе-поиске «Верность красному галстуку». По заданию музея боевой славы мы стали собирать материал о фронтовом театре «Звездочка», который в годы Великой Отечественной войны сформировался в нашем городе. Из газет известно, что сначала была агитбригада из тринадцати человек, которая выступала на лесосплавах, на вокзалах, в госпиталях, а потом выехала на фронт и дала более 2500 концертов на семи фронтах. И в конце концов эта агитбригада превратилась в театр «Звездочка».

Мы писали письма, работали в архивах, делали запросы, встречались с людьми, записывали воспоминания, собирали документы и фотографии и теперь уже можем рассказывать. Артисты были из самодеятельности и из Пермской филармонии. Руководил ими Андрей Григорьевич Гришин. «Звездочкой» назвались они потому, что звезды горят на башнях Кремля, на груди солдат и звезды указывают путь. Мы узнали, что артисты выступали в нескольких метрах от передовой, и в окопах, и в заброшенной церкви, и на импровизированной сцене. И даже участвовали в бою. На Северо-Западном фронте, в подразделении капитана Кравцова. И командо-



вание наградило их значками «Гвардия». Вспоминают артисты, как однажды поутру, выйдя из палатки, увидели они бомбу, по счастливой случайности неразорвавшуюся. Вспоминают, как сопровождали эшелон — 64 вагона, который пермяки отправили на фронт с подарками для бойцов: полушубки, валенки, варежки, мыло, консервы, сухари, конфеты и полтора миллиона уральских пельменей. Вспоминают, как в феврале 1943 года выступали в мороз в легких платьицах и костюмах. И бойцы, глядя на них, опускали воротники, снимали шапки и варежки.

Среди всех рассказов больше всего нравились ребятам рассказы о самом юном артисте — баянисте Геннадии Пестове, который теперь преподает в Пермском политехническом институте.

Каждая встреча с артистами фронтового театра делала ребят чище, добрее, ответственнее. Заставляла задуматься о жизни, о себе. А материал, собранный ребятами, пригодился не только для школьного музея боевой славы, частично он был передан и в Музей культуры имени М. И. Глинки.

Дорогой «Пионер»! Если можно, расскажи о фронтовом театре «Звездочка». Он стал нам так дорог, а люди, с которыми мы познакомились, родными и близкими.

По поручению пионеров 6 «а»
и по велению собственного сердца
ЕВДОКИЯ АКИМОВНА УТКИНА.

Мы и взрослые. Как решаем мы сложности, возникшие в наших отношениях?

Дорогая редакция! Сначала и не хотела тебе писать, думала, не поймут меня. Но решила все же попробовать.

Меня зовут Оля. Живу я под Ленинградом. Люблю рисовать, петь, кататься на коньках, писать рассказы. Еще давно я поняла, что дети и взрослые — разные люди. Казалось бы, детский мир очень прост, но в то же время он сложен. Он хрупок, и его легко сломать. Взрослые иногда этого не понимают.

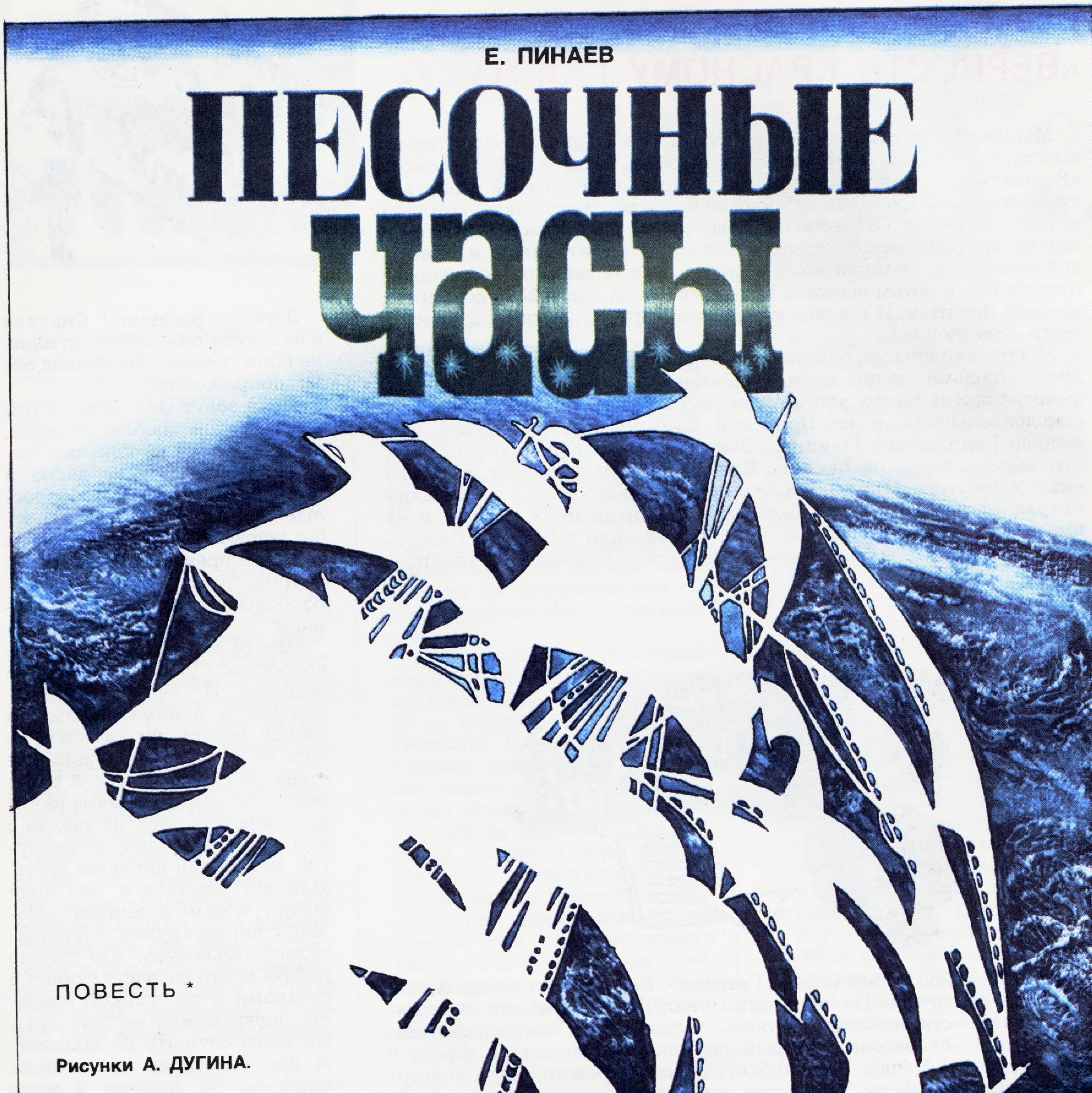
Мне 14 лет. По-моему, я уже подросток. Это переломный возраст. И очень трудный. Раньше я понимала маму, а сейчас что-то нас оттолкнуло друг от друга. Словно выросла стена. Я прихожу домой вечером в одиннадцать, мама начинает кричать. Что, да где, да с кем? А я гуляю просто с подругой, нет у меня никакого друга. Или вот: сказала я, что хочу собаку, а мама крикнула: «Может, слон тебе нужен?» Я попыталась объяснить, что другие ребята моего возраста гуляют с собаками и что в таком возрасте очень нужен верный друг. Но мама слушать не захотела. И про велосипед не захотела слушать. Не ладятся у меня отношения и с отчимом. Постоянно я с ним ссорюсь. Нет, вы не думайте, что я предательница и жалуюсь на своих родителей. Я просто хочу посоветоваться, как мне быть? Что делать, чтобы взрослые нас понимали? Буду ждать ответа.

РЕБЯТА! Попытаемся все вместе ответить Оле. Вспомним, что делаем мы сами для того, чтобы взрослые понимали нас. МЫ и ВЗРОСЛЫЕ. Как решаем мы сложности, возникшие в наших отношениях? Что можем мы посоветовать Оле? ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ.

Мы не называем фамилии Оли и ее точного адреса по ее просьбе, а на конверте просим вас делать пометку: «ОЛЕ Ш. из Ленинградской области».

Е. ПИНАЕВ

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ



ПОВЕСТЬ *

Рисунки А. ДУГИНА.

Чтобы стать настоящим моряком,
надо остаться мальчишкой навсегда.

В. КОНЕЦКИЙ

«Мы прощаемся с Москвой, перед нами путь большой!» — грянуло в вагоне. Пришлось слегка убавить громкость репродуктора, который орал почище Зойкиного магнитофона. Борькина сестра накручивала его во дворе, и с утра до вечера над огородами раздавалась единственная песня: «Ах, ле-е-ето!»

Я считал лето пропавшим. Зимой отец заговорил о поездке на Балтику к своему другу Федору Анисимовичу. Родители собирались взять и меня с собой. Но вдруг мама достала какие-то путевки.

А потом все переменилось. И вот уже я, и не только я, но и Борька «прощаемся с Москвой». Правда, пути осталось меньше суток, теперь он маленький, крошечный, а большой начинался в вагоне поезда «Караганда — Москва».

— Борька,— сказал я,— приедем — держись с достоинством. Хотя и говорит отец, что их Петька хороший пацан, а вдруг начнет задаваться: мол, сухопутные приехали!

Борька повернулся ко мне и пропел: «А-ах, ле-е-то!» — и мы засмеялись.

...Когда-то ни я, ни Борька не думали о море: живем в степном краю, где только у Окуневска, на небольшом пятачке, громоздятся сопки, шумит лес и плещутся озера. Но как-то по телевизору показали огромнейший парусник «Крузенштерн». Красавец! Куча парусов, высоченные мачты, по которым курсанты ползают. Где-то под облаками! Я сразу

* Журнальный вариант.

вспомнил про рисунок, что всегда висел над столом отца.

На пожелтевшем тетрадном листке простой ручкой был изображен парусный корабль. Он мчался среди штормового моря, вокруг вздымались волны, и ветер раздувал паруса. Я долго разглядывал его, а потом спросил у отца, чей это рисунок. «А ты посмотри в углу...» — «Тут год написан: тысяча девятьсот сорок третий, и две буквы: А и Р».— Рисовал Артур Репп, мой дружок из эвакуированных эстонцев».— «Пап, а тут и название есть: «Корабль «Фортуна»...» — «У него все парусники назывались «Фортуной», а он их столько перерисовал! Талантливый был мальчишка да умер в одночасье. Простудился, схватил воспаление легких. А время военное: ни лекарств, ни питания. Сгорел...» — «А каким был этот... Артур?» — «Стриженым, не вам чета, долгогривым! — улыбнулся отец,— да лобастым. Чем-то походил на твоего Борьку».

А позже дядя Федя прислал две толстые книжки «Морского словаря». Мы с Борькой прочли их от корки до корки. Первым делом нашли слово «корабль». «Корабль парусный (тип вооружения),— было написано на триста двадцать первой странице,— парусное судно с прямым и косым парусным вооружением на всех мачтах, имеющее не менее трех мачт и обладающее из всех типов судов наибольшей парусностью».

В словаре и другие суда расписаны и обозначены. Две книжицы названий и терминов! Целый язык, наука! Даже обычные слова на флоте имеют иное значение. К примеру, у некоторых парусов есть «бородка», а «верблюжонок» — деревянная накладка на румпеле. Для прочности.

И тут я вспомнил, что как-то раз Ольга Аполлоновна, наша классная, сказала, будто моряк — это не профессия. Я рассказал об этом отцу, и он меня успокоил. «Профессия, Гешка, и еще какая профессия. Настоящая! Федор, тот всю жизнь на море. Капитан! И ордена имеет за отменную работу. Соображай!»

Я воспользовался моментом и снова заныл про сорвавшуюся поездку. Как же так? Зачем мне всякие санатории да курорты? Задумался отец и пообещал написать дяде Феде. Если тот согласен принять гостя, то... Тут я закинул удочку и насчет Борьки. Нельзя ли и его пригласить. Оказалось — можно, оказалось, что вдвоем надежнее и безопаснее.

И теперь мы подъезжали к Приморску.

— Хлопцы,— сказал дядя Федя, когда привез нас с вокзала,— я тороплюсь на судно, а за хозяина остается Петька. Отныне все вопросы решайте сообща. А вечером обсудим, что и как.

— Есть будете? — поинтересовался Петька, но мы не хотели, и он предложил «отчалить» на канал, купаться.

...Петька отмахивал кролем, и мы догнали его слишком поздно. Опоздали. Рыжая макушка уже мелькала на гребне большущей волны, что шла винтом от высокого парохода. Он, как мне показалось, чуть не наехал на нас. Сначала мимо проскочил высоченный борт, а потом, под черной кормой, показались лопасти винта. Самые кончики. А вокруг вздувалась пузырями зеленая вода: водоворот, крошево! А вдруг и затянет? Бр-р-р! Но вокруг орали и веселились. Волны накатывались на берег, и повсюду, как поплавки, взлетали мальчишечьи головы. Шум, гвалт — весело!

Потом мы валялись на травке и грызли яблоки.

Петька понравился сразу: и рыжий и свойский. Я смотрел на него, слушал рассказы про здешний колхоз «Красная Балтика» и не верил, что всего несколько часов назад мы липли к вагонным окнам, маялись нетерпением, но не догадывались о существовании залива и канала, тех причалов, где стоит дяди-Федин «Беркут», и огромных пароходов, которые запросто могут плавать рядышком, у самого берега.

— Отец на «Беркуте» временно,— рассказывал Петька.— Попросили немного поработать на Балтике. Правда, тралец сейчас на ремонте, но машину почти перебрали. Скоро закончат и пойдут на ходовые.

— А что такое «ходовые», Петька? — спросил я.

— Двигатель испытывают на ходу. Гоняют в разном режиме. Сначала бывают «швартовые испытания», а потом и в море. Вот бы сходить!

— А может, возьмет дядя Федя, если попросим? — предложил Борька.— Они же ненадолго уходят, а?

— Спросим,— пообещал Петька,— а сейчас — домой. Мама наказывала доставить вас сегодня пораньше.

А день-то пролетел! Дворик, развесистые каштаны, домик с багровыми закатными стеклами встретили нас как старых знакомых. И тетя Аня. Она крутила меня и Борьку, разглядывала и так и этак, но, кажется, осталась довольна. «Произвели нормальное впечатление...» — шепнул тот, дожевывая кусок пирога, полученный для «затравки» перед ужином.

Дядя Федя, грузный, но совсем домашний в шлепанцах и майке, выключил телевизор и сказал Петьке:

— Устраивай их в своем кубрике. Одного на Мишкину кровать (Мишка — Петькин брат, которого весной забрали в армию), одного — на твою, а сам будешь спать на раскладушке. Мать поставила у окна.

Комната нам понравилась. Между койками и раскладушкой стоял исцарапанный секретер, набитый книжками и журналами, и небольшой верстачок с тисочками, паяльником и грудой радиохлама.

— Мишкино хозяйство...— пояснил Петька.— А это его работа! — Петька достал с секретера модель небольшого судна и поставил на подоконник.

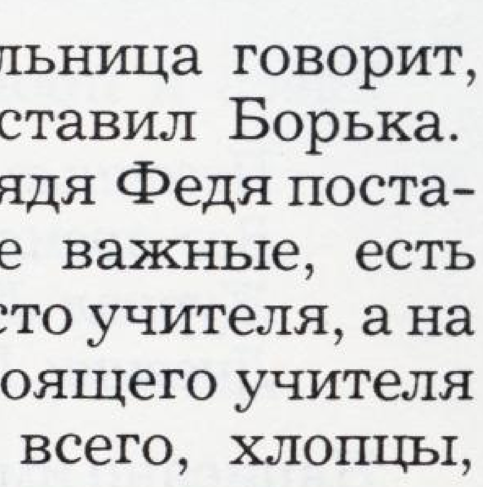
— Средний рыболовный траулер, хлопцы.— Дядя Федя стер пыль и укоризненно посмотрел на сына.— Работяга, каких поискать! Теперь другая техника. Сложная. Все по науке. Требует настоящих профессоров. Так что учитесь, хлопцы, как следует.

— А наша классная руководительница говорит, что моряк — это не профессия,— вставил Борька.

— Все на свете — профессия! — Дядя Федя поставил модель на место.— Есть более важные, есть менее... Я бы поставил на первое место учителя, а на второе — хлебороба. Но только настоящего учителя и настоящего хлебороба. Важнее всего, хлопцы, превратить заготовку — не обижайтесь, но школяры всего лишь заготовка! — в достойных людей, которые сумеют хозяйничать на земле и беречь ее. А рыбак — тот же хлебороб. Только морской. Тоже пашет от зари до зари и кормит людей и тоже, как землю, обязан блюсти море. Вот и решайте сами — профессия это или нет.

На кухне ударил колокол. Настоящий, морской. Мы его сразу приметили, да не посмели дернуть за язык.

— Команда ужинать! — объяснил дядя Федя, и мы гуськом двинулись к столу.



Никто не жаловался на отсутствие аппетита. Тетя Аня постаралась для «юных путешественников», и те не подкачали: котлеты исчезали без остатка, пирожки таяли во рту, компот мигом испарялся из стаканов. Дядя Федя посмеивался и командовал: этому долить, тому добавить.

Я ел, а сам разглядывал комнату — старый штурвал на стене, раковины и большие песочные часы. Из-за плеча капитана виднелся лишь верхний конус с медным ободом, покрытым буквами в хвостатых вензелях. Такие значки и двуглавый орел посредине обода встречались на старых монетах из школьного музея. Значит, часы-то древние, из царских времен.

К концу ужина я разобрал надпись. «Фортуна» —1710», значилось на ободе. Смотри-ка! Точь-в-точь как название судна на рисунке того Артура! Здешние цифры тоже скорее всего означают год. Наверное, часы морские.

— Да,— сказал дядя Федя,— это старинные морские часы.

Он повернул их, а там снова — «Фортуна». И снова кружево из букв вставлено между орлом и датой. Она, по словам капитана, могла означать год постройки судна. Его построили без малого двести шестьдесят лет назад! Значит, товарищ отца рисовал с картинки.

— Дядя Федя, а где вы купили эти часы?

— Купил! Это не бублик с маком. Их привез мой отец после разгрома Квантунской армии. Там, в Китае, помнится, кто-то их подарил. Но за что, по какому поводу... Был не любопытен, а потом стало поздно. Хороши, верно?

Еще бы! Литые конусы зеленоватого стекла были стянуты деревянным пояском и заключены в тяжелые медные основания. Орлы и надписи размещались между выпуклой окантовкой из веток и лент. Четыре женские фигурки-статуэтки, изображавшие, по словам дяди Феди, «утро», «день», «вечер» и «ночь», служили стойками. Они состояли из двух половин, соединенных по центру медным же венком. Одним словом, красивая вещь. Как украшение.

— И украшение, конечно,— усмехнулся дядя Федя.— Пожалуй, место им в капитанской каюте, а не на баке, где матросы переворачивали часы и каждый час «били склянки» в колокол. Послушайте, хлопцы, как написал о часах поэт:

В базарной суете, средь толкотни и гама,
Где пыль торгашества осела на весы,
Мне как-то довелось в унылой куче хлама
Найти старинные песочные часы.

Здесь я пропускаю, а дальше:

Песочные часы! Могли они, наверно,
Все время странствуя, включить в свою судьбу
Журнал Лисянского, промеры Крузенштерна,
Дневник Головнина и карты Коцебу!

Написано именно про такие часы, между прочим.

Я слушал разинув рот. Даже Борька, который не любил читать, а стихи и вовсе не переваривал, перестал жевать и притих.

И тогда я рассказал про рисунок, про нашу, домашнюю «Фортуну». Может быть, перерисовка?

— Трудно что-либо сказать...— Капитан чуть помедлил.— В свое время я пытался найти в архивах и библиотеках следы корабля. И, представьте, не обнаружил ни одного изображения «Фортуны». Следует предположить, что корабль был рядовым, ординарным и не оставил следа в истории. Но ты, Геша, поспрашивай у отца. Вдруг припомнит какие-нибудь подробности. Если его приятель постоянно рисовал одно и то же судно, возможно, на то были причины? Тем более парнишка — эстонец, так сказать, коренной балтиец. А здешние корни — вещь удивительная. Порой такое преподнесут, что ахаешь и охаешь: жил, выходит, рядом с историей, да поленился нагнуться и поднять.

Тетя Аня начала убирать со стола. Мы подхватили тарелки, потащили на кухню стаканы, ложки, вилки. Дядя Федя вышел во двор, присел под каштанами на деревянную скамью, которая пискнула под его грузным телом.

Мы разбирали постели и видели в окно неподвижную фигуру капитана. «Замаялся отец с ремонтом,— шепнул Петька,— того нет, этого, говорит, не хватает...» Он высунулся в окно.

— Пап, на ходовые скоро?

— Скорее всего через неделю. А что?

— Возьми нас с собой! Ну, пожалуйста!

— Подумаю.— Дядя Федя поднялся.— Но сие зависит от вас, от вашего, так сказать, поведения и дисциплинарных нюансов. Петька, бди, а вы, хлопцы, помните, что кругом вода, а вода — это соблазны летние и опасность. Говорю как моряк.

— Гешка будет загребным, а ты, Борька, садись на правое весло.

Петька оттолкнулся пяткой от дощатых мостков и свалился на корму вельбота. Тот качнулся и скользнул прочь, потащив за собой блестящие складки.

Нам к гребле не привыкать, но здешние весла оказались слишком длинными и тяжелыми. К тому же ноги у Борьки не доставали до упора. Он и пыхтел, и сопел, пытался грести стоя и в конце концов грохнулся навзничь. Петька почесал затылок и предложил поменяться местами. Борька проворно сел за руль.

Ветра не было, а без паруса долго не выдержать. Однако Петька рассчитывал на залив, где обязательно подует. И еще мы надеялись на фортуну. И фортуну-удачу, и свою «Фортуну». Вчера нос вельбота украсился этим названием. Как сказал дядя Федя: во имя укрепления традиций.

Я греб, уставившись в небо поверх Борькиной головы. Солнце уже село, но белесые сумерки продолжали висеть над водой. Будто остатки дня провожали нас до залива. Канал, по сути, был тем же заливом. Прибрежную часть его отгородили широкой дамбой, края укрепили толстыми сваями, забутили камнем середину и засыпали землей. Сверху посадили деревья и кустарник. Получились длинные острова, перерезанные узкими проходами. Один из них выходил в залив почти напротив колхоза.

Ветра не было и за дамбой. Мачту все-таки поставили и вздернули парус. Так называемый «разрезной фок». Он пришнуровывался к рейку и подымался наверх при помощи капронового фала и ракс-бугеля, стального кольца с крюком, которое скользило по мачте. Эти названия я вызубрил, как формулу или теорему.

Борька клевал носом, Петька стелил на решетках настила старые полушубки — готовил постель, а я все прикидывал, как приспособить подобный парус к своей озерной лодке. Даже самая большая и добротная запросто перевернется от гораздо мень-

Я разглядывал комнату: штурвал на стене,
причудливые морские раковины
и — большие песочные часы.

Andromeda

шего куска парусины. Приделать киль? Можно что-нибудь придумать.

Ночная синева сгущалась на горизонте. Там лежали острова — цель нашего путешествия, а сейчас вспыхивали слабые искры далеких огней. Петька набросил шкоты на железные загогулины-утки, сел к румпелю, а нам предложил поспать. Борька сразу нырнул под байковое одеяльце. Я пристроился рядом, но уснуть не мог.

...Мы прожили в Отрадном (так назывался колхозный поселок) две недели, но ни разу не были в заливе. Петька не заговаривал о вельботе, зато показал в поселке каждый закоулок. Мы побывали в сетепосадочном цехе, где ремонтировали старые и строили — именно строили! — новые сети и тралы, заглядывали к столярам и строителям, не пропустили механический цех, смотрели, как делают консервы, и угощались вяленой рыбкой. И все-таки причалы да пляж были единственными местами, где мы пропадали чаще всего.

И еще была школа. Петька ею очень гордился, хотя наша в Окуневске ничем не отличалась: типовая трехэтажная коробка с внутренним двором. Все то же самое, но в здешнем дворе стоял настоящий корабль! Ладно, пусть не корабль, пусть кораблик, и не ахти какой, а деревянный рыболовный бот, зато без обмана. Он высился перед крыльцом, подняв под крыши единственную мачту и опустив на асфальт широкий трап-сходню.

Корма у бота торчала метрах в трех от дверей, по обе стороны которых, слева и справа, стояло по якорю: новехонький, блистающий свежей краской и до того проржавевший, что слоистое железо напоминало дерево. Этот якорь попал в трал дяди-Фединого судна. Рыбаки вспомнили про школу и привезли его на берег, не забыв прихватить огромное ребро допотопного кита. Его тоже подцепили на дне. Поначалу я решил, что это бревно: стоит в углу какая-то лесина, чуть кривая и без коры.

Впрочем, ребро-то я особенно и не разглядывал, а сразу потянулся к блестящему колоколу. Он тоже висел у дверей, и конопатый мальчишка, не старше второклассника, натирал бронзу толченым кирпичом. И это доконало окончательно. Этот и подобные ему головастики круглый год толкутся среди настоящих сокровищ, а мы с Борькой уедем и, может быть, только во сне «отобьем склянки».

Я отодвинул малыша и рванул за обрывок троса. Звон, голосистый и радостный, всколыхнул двор. С бота свесились пацаньи головы, а из рубки выглянул усатый старикан.

— Петька, чего трезвоните не ко времени? — проворчал он. — Шабашить начнем через двадцать минут.

— Ошибочка, Егор Иваныч! — Петька дернул меня за руку и потянул на выход. — Пойдемте-ка, хлопцы, смотреть наш, домашний, лайнер. Маленький — зато свой и на ходу.

Я проснулся от сырости.

Борька сопел под одеялом. Было темно. Рубаха и волосы — хоть выжми. Шлюпка слегка покачивалась, за бортом булькало и всхлипывало, а легкое журчание говорило, что мы не стоим, а движемся. Да и парус вздрагивал и нехотя надувался, смутно виднеясь в белесой размазанной ночи. Вот оно что — туман...

Петька сидел, навалившись на румпель. Жесткая рыбацкая куртка делала его похожим на громоздкий и бесформенный куль. Увидев меня, Петька разогнулся, повел руками и хриплым, отсыревшим голосом попросил достать компас. Он лежал в ахтерпике, клинообразном закутке под кормовым сиденьем. Вспыхнула крохотная плошка и осветила белый кружок картушки. Петька глянул на нее и слегка повернул румпель. Парус напрягся, потянул. Журчание за бортом усилилось. Петька сунул мне румпель, посоветовал держать «зюйд-вест по компасу», слегка подобрал шкоты и улегся возле Борьки.

Я остался один на один с ночью, туманом и шлюпкой. Желтый огонек едва освещал белый кругляш компаса. Картушка ходила туда-сюда, я нервничал, дергал румпель — парус хлопал, что сырая простыня на веревке. Но ветер был слишком слаб, и я решился проявить самостоятельность. Взял и задул лампадку — обойдусь. Дамба — справа, а при нынешнем ветре не страшно и выскочить на нее. Если воткнусь в острова — тоже неплохо. А Петьку разбужу, если усилится ветер.

Итак, приятели, жив-вей, развора-ачивай па-арус!

...Не сразу мы научились разворачивать парус.

Вельбот привел нас в состояние тихого восторга. Мы не орали и не прыгали, но ощупали каждую дощечку, каждый выступ, каждую железку. Петька безотказно объяснял и пояснял. Наконец Борька решил поумерить ахи да охи и, кривя душой, заявил, что «все ничего, но тесновато». «Тесно из-за воздушных ящиков. — Петька ткнул ногой в жестяные короба у бортов. — Видите? Будет полнехонек воды, а не потонет!» «Это хорошо... — деловито заметил Борька. — Ребята, а почему фрегат не имеет названия? Вижу мачту, парус — все как у настоящего фрегата. Куда смотрит капитан безымянной посудины?»

«Капитан» был озадачен. «Есть номер — шлюпка зарегистрирована. Так чего ж вам еще? И вообще...» «И вообще, Петька, ты ржавый морской сухарь! — меня воодушевила Борькина идея. — Есть песочные часы, есть шлюпка с парусом и компасом, а ты плетешь про какой-то «номер». Давайте назовем шлюпку «Фортуной» и отчалим в залив?!» «На «Фортуну» — согласен, а в залив — дудки. Осводовцы всыплют по первое число. Вы можете отличить фал от шкота? А знаете, в чем разница между поворотом через фордевинд и оверштагом? То-то... Ну-ка, ставим мачту и — за дело!»

Мачту поставили быстро, но с вантами, проволочными растяжками возились порядочно. Узлы! Петька только объяснял, но сам ничего не трогал, давая возможность «салагам» прочувствовать все до конца. И прочувствовали.

Едва закрепили ванты и вздернули парус, как Борька схватил отпорный крюк, напоминающий и багор и копье. С криком «на абордаж!» он бросился на нас. Мы приготовились к отпору, но «пират» зацепился ногой за вантину и грохнулся за борт.

С того дня и началась зубрежка: шкотовый угол, фаловый, галсовый... А это что? А то? И Петька с готовностью объяснял, что эта деревяга — реек, на ней петля — «третья стропка», а это, мол, раксбугель с капроновым фалом. Добрались и до поворотов, которые крутили в канале на глазах у осводовских дядек. Они не слишком артачились и разрешили сходить на рыбалку в залив. Только попросили сообщить о дне выхода.

Труднее пришлось с тетей Аней. Она и слышать не хотела о ночевке на островах. Если бы не заступничество дяди Феди, то не бывать приключениям. Не только нынешним, но и будущим.

...Ветер усилился. Я слегка забеспокоился, но Петьку будить не стал. Пока ничего страшного: парус тащит исправно, туман как будто редеет.

Наверное, от усталости перед глазами мелькали серые клочья. Вот погожу чуть-чуть и разбужу капитана...

Пелена тумана заметно светлела. Вдруг под кромкой паруса мелькнуло темное пятно. Неужели берег? Я откинулся вправо и вытянул шею, но ничего не успел рассмотреть. Шлюпка ударилась о что-то мягкое: бум-м! И сразу — плеск, крик.

Я вскочил, пытаясь хоть что-то увидеть и понять, и тотчас у борта вынырнула голова человека. Он отфыркнулся, ухватился за вантину и перевалился через борт прямо на Петьку и Борьку. Теперь заорали они, а я как вскочил, так и стоял, не в силах оторвать глаз от взбешенного лица.

Человек отпихнул ребят и вытер лицо.

— Та-ак... Детский сад — пчелиный рой, детки плавают гурьбой... Вы что же не смотрите, что делается под носом?! — рявкнул он и задумчиво посмотрел на меня.— Утопить или дождаться Леву? Вы же весь улов мне загробили!

Борька ойкнул и юркнул под сиденье. Но человек успел-таки схватить его за штанину и выдернуть к мачте.

Борька вцепился зубами в жилистую руку. Кулак разжался. В тот же миг Петька прыгнул на корму, а Борька скользнул под кливер. Человек опешил.

— Давайте, пацаны, разойдемся, как в море корабли.— Стало настолько светло, что лицо неожиданного «гостя» выступило из серой мути во всей небритой рельефности.— Я забуду про моральный и материальный ущерб, а вы поможете отыскать сети и лодку.

— Браконьерствуете?— Петька напрягся и был как пружина.

— Спятил, малец?! Я обычный прохожий. Скребу на ушицу и детишкам на молочишко. Еще раз предупреждаю...

Ветер усиливался, растаскивал туман. Впереди, неожиданно близко, открылись кудрявые острова. Мы смотрели на Петьку: как он поступит? Петька молчал.

— Ну-у! — заорал человек и, падая вперед, попытался схватить Петьку. Дальше все произошло молниеносно.

Борька развязал фал, и намокший парус накрыл упавшего навзничь браконьера. Пока мы вдвоем удерживали его, Петька отхватил перочинным ножом кусок шкота, скрутил затяжную петлю и стянул ею ноги нашего пленника, а потом и руки. Как нам удалось справиться, я до сих пор не пойму.

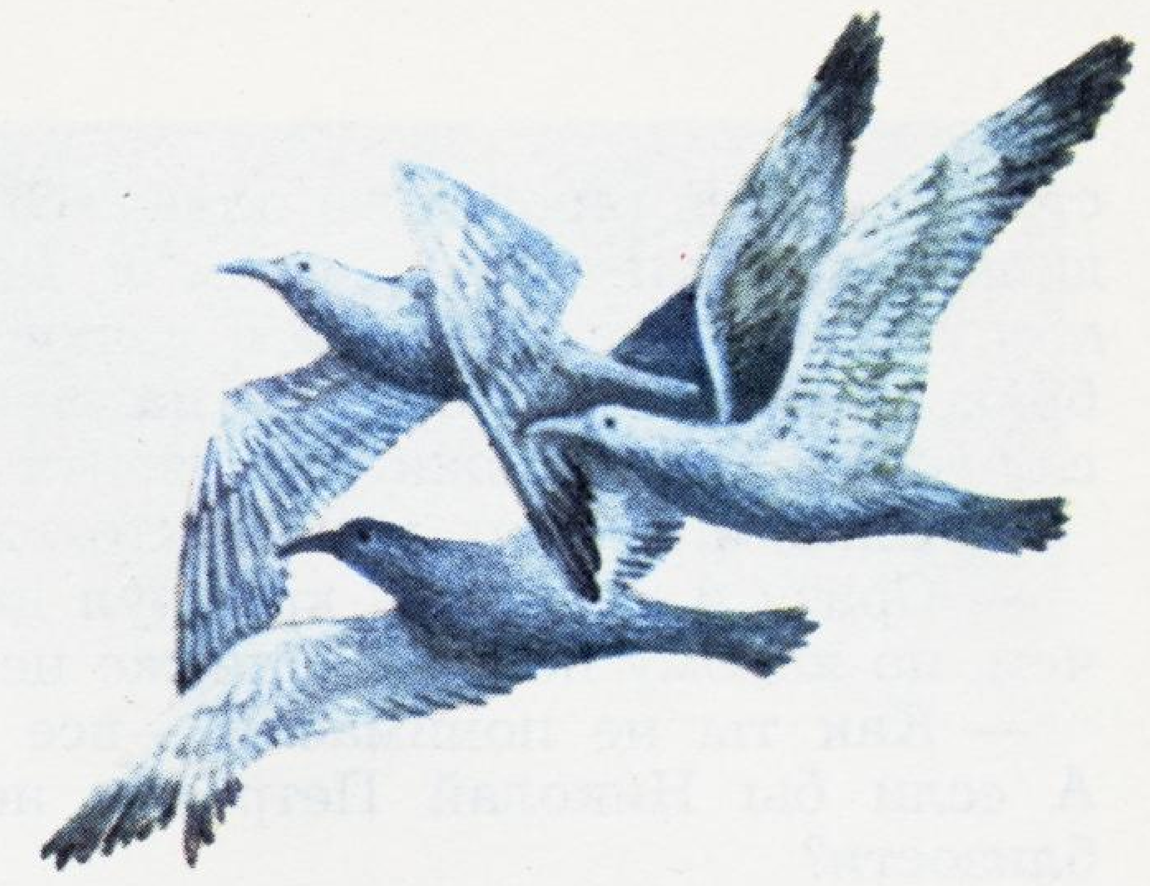
...Туман стал редким, как марля. Солнце взошло незаметно. Вода дымилась, прорастала островами. Дамба оказалась совсем близко. А метрах в трехстах покачивалось черное пятно резиновой лодки.

Ночная сырость пропитала одежду, но мы-то подрагивали от страшноватых неожиданностей минувшей ночи. Меня бил озноб, Борька тоже вздрагивал и ежился, а Петька хотя и бодрился, но стал не то чтобы заикаться, а странно тянул слова.

Вот и лодка. Тяжелая сеть свисала с борта, удерживая ее на месте, словно якорь. Решили забрать и то и другое и доставить в Отрадное в качестве трофея. И вещественного доказательства... Петька знал, что к чему. Он хотел спрыгнуть в лодку и выбрать сеть, но за островами прокатилось далекое татаканье мотора. Пленник заерзал, не скрывая, что узнал привычные звуки. Нас охватила тревога.

— Живо ставим парус!

Петька обрезал зачаленную лодку и прыгнул к рулю. Мы с Борькой, как подстегнутые, бросились к мачте. Сырой парус неохотно пополз наверх, но сразу расправился, набрав утреннего ветра.



Петька повел «Фортуну» к дамбе, вернее, к ближайшему проходу в канал. «Забегали, тараканы! — злорадствовал пленник.— От Левы не уйдете! Теперь посмотрим, кто из вас боится щекотки...» Мы отмалчивались. Канал был рядом, но и корпус моторки рос на глазах.

Петька не оглядывался, но мы-то смотрели, мы-то все видели, убеждаясь с каждым мигом, что парусу не тягаться с мотором.

Лева слегка задержался, чтобы взять на буксир резиновый понтон и сеть, но быстро нагнал неповоротливый вельбот.

— Сейчас он будет в дамках...— шепнул Борька сиплым голосом, и из-под сиденья раздался смешок. Пленник веселился.

— Григорий, ты живо-ой? Отзови-ись! — заорал Лева, когда лодку и вельбот разделяла какая-то сотня метров.

— Наполови-ину! — рявкнул Григорий.— Бери на абордаж юных пионеров, не тяни резину!

Но Лева не слушал приятеля. Наклонив голову, он смотрел в сторону канала. Мы тоже обернулись и сразу услышали нарастающий рев мощного двигателя. За деревьями, невидимый с залива, шел чей-то катер.

— Нет, Борька, нас еще не взяли! — Петька выхватил из куртки картонный патрон. Свинтив блестящий колпачок, он зацепил пальцем выпавшее кольцо и, подняв патрон, рванул за шнурок — в небе рассыпались и медленно погасли красные звезды.

...Моторка уходила к островам, но летел вдогон, задрав широкий дюралевый нос, милицейский полуглиссер. В проходе между зеленых свай колыхалась взбаламученная вода, и грязная пена накатывалась на берега.

Полуглиссер догонял моторку, и Лева заглушил двигатель...

— Детей не бьют по голове...— буркнул Петька, когда тетя Аня хватила его по затылку.

— Так то ж — детей! — Петька схлопотал еще раз.— А тебя лупить нужно, дурь выколачивать! Каждый день я должна волноваться и переживать!

— Мамуля, больше никаких приключений! — заверил Петька и поднял руки, признавая капитуляцию.

— В который раз обещаешь? в который?!!!

Дядя Федя решил охладить обстановку и вмешался в разговор.

— Да, гвардейцы, орешек вы раскололи подходящий! Старшина Николай Петрович и то диву дается,— принял на себя огонь капитан.— Молодцы, хлопцы!

— А все ты, ты! Ты виноват, Федор! — Тетя Аня набросилась на мужа.— Во всем потакаешь Петьке, а осводовцы тоже не лучше. Мальцам запретили в залив, а нашему, видите ли, исключение. А тонут все одинаково...— чуть слышно закончила она.

Мы с Борькой мечтали об одном, чтобы о нас забыли. Известно, что родители с большим неодобрением относятся к малейшим проявлениям само-

стоятельности геройского плана. Она не раз выходила боком для обоих, и тем не менее нынешняя несправедливость сбивала с толку. Мы не искали браконьеров, а наткнулись на лодку совершенно случайно. Такое может произойти со всяким.

— Словом, Федор, нужно что-то решать.

— Сразу и решать!— крякнул дядя Федя.— Зачем, по какому поводу? Они же не утонули? Нет.

— Как ты не понимаешь — все решил случай! А если бы Николай Петрович не оказался поблизости?

— Хорошо. Больше Петька в залив не пойдет.

— Не пойдет? Держи карман шире! Да ты не сегодня-завтра уйдешь в море, а где мне одной углядеть за оравой «гвардейцев»? Нет, Федор, ты завтра же дашь Ивану телеграмму, а следом отправишь ребят. Погостили, и ладно. Слава богу, что живы остались.

Петька жалобно поглядывал на родителей, мы тоже скисли, а Борька походил на футбольный мяч, из которого выпустили воздух.

Дядя Федя прошелся по комнате, перевернул часы и долго смотрел на бесшумную струйку песка.

— Видишь песок, Аннушка? А ведь был гранитом. Слабака жизнь запросто разотрет в пыль. Мальчишек нужно учить не только письму и арифметике. В первую очередь они должны научиться жить, ощущать себя людьми. Мальчишка — будущий моряк. Он должен вырасти мужчиной и уметь постоять и за себя и за других. Я хочу, чтобы Петька и хлопцы...

— А я хочу, чтобы Петька в первую очередь вырос добрым, а не твердокаменным истуканом!

— Доброта не лапшевник в сметане!— Дядя Федя начал злиться.— Послушай, Аня, никаких телеграмм я давать не буду. Не бу-ду! А чтобы тебе было спокойнее, я возьму хлопцев в море. И не на ходовые, а на промысел.

— С ума сошел.— Она, кажется, не меньше нас была огорошена таким поворотом событий.— Да в море за ними нужен двойной глаз!

— Только не волнуйся. Препоручу хлопцев Поликарпу и, конечно, сам глаз не спущу...

«Беркут» шел на салаку.

Неделю, пока на траулере заканчивали ремонт, мы провели на школьном дворе. Тот усатый старик, что прикрикнул за удар в колокол, учил нас морскому делу. Малыши после случая в заливе, если не тянулись в струнку, то смотрели на команду «Фортуны» с явным почтением. Но Петька сразу предупредил: не задаваться, не отлынивать и делать все, что прикажет Егор Иваныч. И мы старались. Я — с удовольствием, Борька — через силу. Старались, кажется, не зря: хоть и нахватались одних верхушек, зато появилась кое-какая уверенность.

Траулер уходил на месяц с хвостиком, величину которого не знал и дядя Федя. Ремонт затянулся — нужно успевать, пока идет рыба. «Впрочем, вам, друзья, так или иначе предстоит досрочная эвакуация на берег»,— сообщил он накануне отхода. Так это же не новость! Придет сентябрь — готовь букеты. А до них еще нужно добраться. Поездом, через Москву.

Одним словом, привел нас капитан к тралмастеру Поликарпу Никитичу и сказал:

— Вручаю тебе, Поликарп, шкетов в нагрузку. Учи, снимай стружку, а если носы будут длиннее буратиновых — делай укорот.

Поликарп Никитич здорово походил на Борьку, но теста замесили побольше и погуще. Оно пошло на внушительный живот, обтянутый зелеными подтяжками, на толстые руки и на щеки. А шеи вовсе не было. Зато имелись рыжие прокуренные усы. Мне кажется, Поликарп Никитич тоже немало дивился, разглядывая Борьку. Он дважды обошел его, как бы пытаясь обнаружить причину подобного сходства.

— Прикидываешь наследника навырост?— хихикнул Валерка Пегов, внук Егора Иваныча, и щелкнул Борьку по затылку.— Правильно делаешь, старшой. Готовь с пеленок, тогда можно с уверенностью смотреть в светлое будущее родного колхоза!

— Не застилай светлого будущего... родимое пятно,— проворчал тралмастер.— Не матросы пошли, а балаболки.

— Зато пионер — балаболкам пример!— захохотал Валерка.

— Не исключено и такое, что яйца учат курицу вроде тебя.

— Курицу!— фыркнул матрос и быстренько исчез.

...«Беркут», малый рыболовный траулер-рефрижератор, был достаточно просторен для пятнадцати человек экипажа. Жили они если не со всеми удобствами, то вполне сносно. Я почему-то решил, что нас поселят в салоне, где имелись четыре откидные койки для непредвиденных пассажиров. Но дядя Федя решил, что «скопление юнг в одном месте абсолютно недопустимо». «К тому же в салоне питается трудовой коллектив,— добавил старпом, встретивший нас довольно кисло,— и запах пеленок будет нервировать людей».

— Не знаешь ты хлопцев, Юрий Сидорович,— улыбнулся капитан,— а они способны тряхнуть Балтийское море!

— В их возрасте удобнее встряхивать море с берега. Помните пушкинского Балду? Сей зрелый муж предпочитал пакостить с пляжа. А этим — сам бог велел. У меня, Федор Анисимович, заранее трясутся поджилки от будущих переживаний.

— Эк, заладил! Ты, право, вроде моей Аннушки. У той страхи всегда впереди скачут. А я б для таких салажат, живущих у моря, создал школу-корабль, судно-игру для обучения и воспитания.

— Идеализм чистой воды...

— Морской воды. Соле-еной!

Они чуть не разругались, да вовремя вспомнили про нас.

...Борька обосновался на койке радиста. Тот, по словам Валерки Пегова, «навечно застрял между приемников-передатчиков», считая общество дяди Поликарпа, механика и моториста слишком шумным и беспокойным. Петька занял диван в отцовской каюте. Я устроился лучше всех: в шестиместной каюте мне досталась верхняя койка возле дверей. Это был настоящий матросский кубрик, а не каюта с задрипанным диваном. И вообще каюта — она каюта и есть, а кубрик... Эх, что и говорить! Кубрик — это кубрик!

Я забрался на кровать, опробовал пружины, двигал тяжелую шторку, включал-выключал в изголовье ночник. Одним словом, наслаждался. Крашеная переборка легонько вздрагивала, на графине дребезжал стакан: дз-з-з! Как муха. Так это работает двигатель! Сейчас уходим, а я прохлаждаюсь, как фон-барон.

— Загораем, милостивый государь?— Ну до чего же противная рожа у этого Пегова!— Отважные мариманы уродуются на палубе, они, так сказать, общими усилиями выпихивают в море пароход, а мы загораем?

Я чуть не ревел от злости.

— Не дуйся, пацан...— Валерка улыбнулся,

Я остался один на один с ночью, туманом и шлюпкой.

улыбнулся добродушно и похлопал меня по руке:— Моряк ребенка не обидит!

Море... Вот оно. Совсем рядом. Здесь как будто и света больше и небо выше. Оно сразило меня необъятным простором. Море, как книжка, подумалось мне, никогда не знаешь, что найдешь за обложкой. И каждая волна, как новая страница, может принести и неожиданность и неизведанность.

Мысли сами собой повернулись к далекому дому, но я не успел додумать ни одной: появился Валерка, моя тень-насмешница, и объявил о «стр-рашном желании господина тралмастера устроить на палубе тараканьи бега». Под тараканами этот болтун, конечно, подразумевал меня и Петьку, а под бегами — нашу пока еще бестолковую помощь на палубе. Борька, тот сразу пристроился в машинном отделении и вылезал наверх перепачканный тавотом чуть ли не до макушки. И обязательно с куском ветоши в руках. Хотя пачкался он, как мне кажется, специально, вид у него был важным и недоступным. «Мы, механики...» — цедил Борька сквозь зубы, поглядывая на «тараканов» с презрением.

А по мне так палуба — лучшее место на свете! Да и где еще могут вот так, запросто, ожить страницы «Морского словаря»? Ну, не страницы, а отдельные слова. Я не встретил «верблюжонка», зато познакомился с «крокодилом» — тяжеленным гаечным ключом. У него зубастая пасть со скошенными клыками на одной челюсти. Ухватится за болт — крак! — и самая ржавая резьба уступает.

И народ на палубе работает интересный. Про дядю Поликарпа я не говорю. Про Пегова — тоже. Первый старый и умный, а второй не то чтобы глупый, но какой-то легкомысленный. Любит изводить людей шуточками. А может, так и нужно? Веселее жить, если не обращать внимания. Вот Миша Скоробогатов, здоровенный увалень... И поспать любит и не откажется от лишней тарелки супа. Куда в него лезет? Или взять Лаймана Метерса, здешнего боцмана,— молчун из молчунов. Но вот когда он спит, я так и не понял. Всегда на ногах, всегда с работой в руках. Есть еще Никанор Потапыч. Дед Нептун. Он самый старый на «Беркуте». Любит посидеть с трубочкой в зубах. А ручищи у него! Огромные, корявые и в то же время страшно ловкие. Они, по-моему, могли обойтись без головы. Все делали сами. Сами что-то затевали, сами принимали решение и выполняли тоже сами. Дед

Нептун тоже больше помалкивал, так что Валерка Пегов вроде как болтал за всю палубную команду. Дядя Поликарп не лез за словом в карман, но больше по делу.

Главное, я в чем убедился? Моряки-рыбаки — народ, в общем, обыкновенный. Как отец, к примеру. Но было в них что-то от моря, от его простора и невозмутимости и от простоты. А простота, наверное, кажущаяся штука. Точно.

Я стал здесь задумываться о таких вещах — ого-го! Кажется, что может быть проще моря? Много воды. А если вдуматься? Сколько всяких сложностей обнаружится — не счесть. И жизнь, большая и маленькая, и климат, и — о! — химия на всяких уровнях. А если шторм? Наверное, самый веселый из матросов, Валерка Пегов, становится совсем другим, когда на него накатит, по его же словам, «тридцать баллов с кирпичами».

Но шторма мы еще не видали.

Первое траление я запомню на всю жизнь.

Кончилось завыванье лебедки, звяканье-бряканье скоб и всякого железа. Остались лишь попыхиванье двигателя — «Беркут» разворачивался для новой отдачи трала — и команды тралмастера. И вот... Дядя Поликарп подошел к мешку с рыбой, повисшему на грузовых стрелах, дернул за веревку, и на палубу хлынул целый поток рыбы. Как прорвало! Она лилась, вздрагивала и трепетала, растекалась по палубе, еще живая, сверкающая и влажная. А запах! Даже в носу щекотало, как от нашатыря.

По словам Валерки, «цапнули» больше трех тонн. Работала почти вся команда, а не только матросы. Да и мыслимо ли управиться с такой прорвой рыбы пяти человекам?

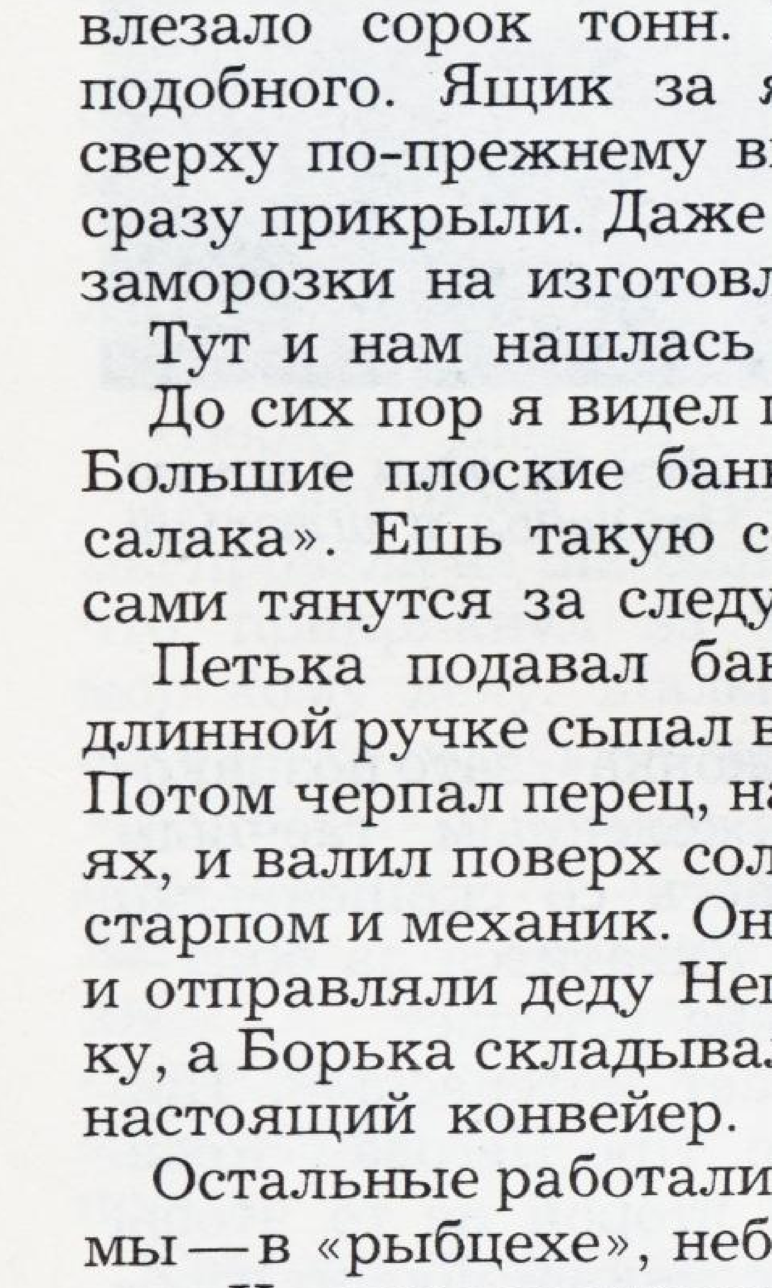
Валерка орал: «Давай, ребята, шевели плавниками!» И шевелили. Да еще как! В трюмы «Беркута» влезало сорок тонн. Кажется, немного? Ничего подобного. Ящик за ящиком исчезал в люке, а сверху по-прежнему виднелась палуба. Ее и то не сразу прикрыли. Даже когда часть команды ушла с заморозки на изготовление пресервов.

Тут и нам нашлась работа.

До сих пор я видел пресервы только в магазине. Большие плоские банки с надписью «Балтийская салака». Ешь такую со свежей картошкой — руки сами тянутся за следующей рыбиной.

Петька подавал банки, а я особой меркой на длинной ручке сыпал в них соль и кидал лаврушку. Потом черпал перец, намешанный на других специях, и валил поверх соли. Рыбу укладывали радист, старпом и механик. Они взвешивали каждую банку и отправляли деду Нептуну. Тот закатывал крышку, а Борька складывал банки в короба. Получился настоящий конвейер.

Остальные работали на палубе, под козырьком, а мы — в «рыбцехе», небольшом закутке под полубаком. К ночи я не чувствовал ни рук, ни ног. Петька и Борька тоже умаялись, а команда работала как заведенная. Только у Пегова стали реже проскакивать шуточки. Это уже потом, когда вытащили новый трал и снова с рыбой. Тут и ночь подошла, навалился ветер, «Беркут» стало раскачивать — нас затошнило. Я имею в виду себя и Борьку. Дядя Поликарп подождал, подождал и говорит: «Шабашьте на сегодня и топайте спать. Авось, поняли почем фунт рыбацкого лиха!»



На койку я еле забрался и сразу будто провалился. Не то в черную яму, не то в море. Все куда-то летел, летел, летел, а вокруг сверкала салака, сыпалась дождем на плечи и спину. Я от нее отмахивался, убегал, а ноги вязли, рыба доставала уже до груди, потом до горла, а когда начала засыпать с головой — я проснулся. Проснулся и не понял — день или ночь. Чуть не сказал: на дворе. На судне, конечно, в море.

В кубрике горел свет, но матросов не было. С нами жил еще и повар. Кок по-морскому. Его койка тоже пустовала. Дверь на трап была открыта. С палубы доносились голоса — значит, работа продолжалась. Но глаза у меня слипались и закрылись сами собой. И снова — рыба, рыба, рыба...

— Моряки — народ двужильный, — говорил мне потом дядя Федя, — а рыбаки — двужильные трижды. Помнишь, мы говорили о хлеборобах? Колхозник в поле — от зари до зари. Отдыхает, собрав урожай до колоска. Мы, Геша, тоже морские крестьяне, пахари моря. Учти, когда будешь выбирать профессию, чтоб не жалеть и не плакаться.

Учту. Только зря все эти разговоры. Не о продленке же идет речь. Я решил. Петька, уверен, тоже. Борька... Кто его знает. Молчит, но в машине возится с удовольствием. На палубе тоже не отлынивает. А мог бы. Как любой из нас. Никто нас не заставлял, никто не неволил. Правда, в первый день пришлось покряхтеть как следует. Так это специально сделали. Тралмастер позже посмеивался: «Чтобы проняло, чтобы пробрало до печенок!» Выходит, нас проверяли на прочность. А когда убедились, что не слоняемся, не бездельничаем, тот же Поликарп Никитич подергал под носом рыжую кисточку и сказал: «Кряхтите, хлопцы, смолоду, здоровей придете к старости».

«Беркут» почти не качало. Мы быстро приноровились к «колыбельной», а настоящего шторма побаивались. И Пегов донимает:

— «Три мудреца в одном тазу пустились по морю в грозу!» Вот раскачает наш «тазик», тараканы, и я посмотрю, какие вы моряки!

Злился же я, когда слышал про этих насекомых. Сразу вспоминался давешний браконьер.

Наверное, Борька полез на грузовую стрелу из-за Валеркиных шуточек.

...На этот раз заштормило по-настоящему. Трал не успели вытащить на палубу, а траулер стал взлетать, как настоящий беркут. Мешок с рыбой бился о борт, Миша Скоробогатов торопился и дал промашку: гак, тяжеленный крюк, сорвался, подскочил до кончика стрелы и застрял в блоке, как только боцман включил лебедку. Такое случалось и раньше. И всякий раз гак стаскивали вниз специальным вытяжным фалом. А в этот раз веревка, как назло, отвязалась.

Что делать? А ветер задувает, а волны так поддают, что ложись и не вставай — все равно свалишься. Мы спрятались под козырек: уже и дядя Федя грозил из рубки, и Поликарп Никитич гнал с палубы. Но сейчас ему было не до нас.

Тогда, мне кажется, Борька вспомнил пеговские подначки и решил отличиться. Показать, на что он способен. Никто и оглянуться не успел, как Борька выскочил из-под козырька, вспрыгнул на лебедку, перелез на стрелу и пополз наверх, цепляясь за грузовой шкентель. Так называется трос, на котором болтается гак. Трос этот у макушки стрелы проходит через блок. Туда и лез Борька.

А «Беркут» раскачивается, тычется в волны, а они ухают и взлетают по обе стороны носа зелеными столбами, а потом — водопадом! — прямо на па-

лубу. Жуть, что творится! Стрела тоже ходуном ходит. Но Борька добрался до макушки. Молодец! Ему никто ничего не кричал. Все понимали: бесполезно. Криком да советами можно только напортить — возьмет и сковырнется с верхотуры.

Наверху Борька передохнул, уцепился покрепче ногами и перепустил шкентель с гаком на палубу. Теперь нужно слезать, а он застрял. Глянет вниз и цепляется еще крепче. Обхватил ногами стрелу, прилип к ней животом, а пальцы, наверное, и не оторвать от скобы, на которой блок болтается. «Все. Застопорило парнишку!» — говорит дед Нептун. И дядя Федя из рубки прибежал. Он тоже видит, что Борьке долго не продержаться. Петька в плечо мне вцепился и шепчет: «Ну зачем он, зачем...»

Тогда и выскочил Пегов. В руках флотский ремень. Я еще подумал: «Для чего он ему?», а Валерка уже возле Борьки. Добрался до пяток и подставил плечо. Потом как-то извернулся и пристегнул Борьку этим ремнем к стреле. И видим, тот сразу очухался, шевелиться стал, начал сползать. Съедет немножко, упрется пятками в Пегова — Валерка скользнет вниз и Борьку тянет. Так и спустились.

Капитан не ругался, но так глянул на нас, что мы следом за ним припустили в рубку. Он молчал, пока выбирали трал. Мы тоже помалкивали и смотрели на палубу. «А Пегов,— думал я,— только с виду хлипкий. И сила есть у него, и цепкость... Ишь как — везде успевает. А шутки... Наверно, без них нельзя на море».

— Пегов отличный матрос,— сказал дядя Федя, словно узнав мои мысли,— и дисциплину знает. А у вас, друзья, выдержки не хватило. За подобные штучки и матроса не гладят по головке. Случись что, в первую очередь спросят с капитана и старпома. Так сказать, по официальным каналам. А тут — вы... И каково бы мне было? Перед самим собой? Перед вашими родителями? Ну ладно, марш по койкам. Я не мастер читать нравоучения, но, думаю, это хороший урок и мне и вам.

Прощай, Балтика!

Целую неделю штормило. Не сильно, но как по расписанию. На палубу нас не то что не пускали, но смотрели неодобрительно. Борька прятался по каютам. То у себя, но чаще у дяди Феди. Мы не приставали к нему. Понимали — переживает, что сдрейфил там, на макушке стрелы. Между прочим, Валерка не шутил по этому поводу, а все спрашивал, как там Борька. Пусть, мол, не берет в голову, то ли еще бывает и не с такими мариманами.

Завтра прощаемся с «Беркутом»... Сразу после завтрака я ушел на корму и смотрел на волны. С них постепенно сползала тяжелая непривычная синь, и всегдашняя зелень пронизывала гребни.

Я стоял и смотрел, все смотрел и смотрел, глаза слезились от блеска воды, от непрерывного качания горизонта. Порой мне казалось, что где-то позади горланивших чаек, расплывчатого мельтешенья многочисленных крыльев, за голубым суматошным мельканьем, когда я до рези в глазах смотрел и смотрел в прозрачную даль, возникает силуэт накренившегося парусника. Этим же морем, можно сказать, по этим волнам давным-давно мчалась «Фортуна». Куда? Неважно... Зато, возможно, в такой же предосенний и прозрачный день.

— Душа грустит о небесах.— Дяди-Федина рука легла мне на макушку.— Она не здешних нив жилица. Или здешних? Как, Геша?

— Ничего не пойму, дядя Федя,— я поднял глаза на капитана,— и домой ой как хочется, и отсюда бы никуда не уезжал.

— Ничего тебе, Геша, не заказано. А главное, все впереди. Слово-то, понимаешь, какое: впе-реди! Вот нам, к великому сожалению, скоро сдавать вахту. И если сдавать, то лучше в охочие, а не в равнодушные руки. Понял мысль?

— Я понимаю...

— А если понимаешь, то иди собирай чемодан. На сборы и прощание — полчаса. Я решил воспользоваться оказией и отправить вас на берег.

— То есть?..

— Во-он эстонская баржа-водолей с Сааремы. На ней и пойдете до берега. А там — автобусом до Приморска.

...Рыбацкие суденышки отсосали из баржи воду. Раньше она сидела глубоко, а теперь вся вылезла наружу. «На погруженное в жидкость тело действует выталкивающая сила,— забормотал Петька,— равная весу жидкости, вытесненной этим телом. Смотри-ка, помню!» «Все ясно,— засмеялся Поликарп Никитич,— каникулы остались за кормой, а впереди замаячили суровые школьные будни!»

Крохотный рабочий тузик запрыгал у борта. Боцман, спустивший его с кормы, забрался на палубу, а Пегов спрыгнул вниз. Дядя Федя обнял каждого из нас, Поликарп Никитич щелкнул подтяжками, дед Нептун поднял кулак с зажатой в пятерне трубочкой, и даже старпом улыбнулся. Петька бросил в тузик чемодан, и мы полезли за борт.

...Вот и все. Весла разбрызгивают синие искры. Валерка гребет сильно, не шутит. Мне кажется, каждый гребок приближает сентябрь и школьный двор, заваленный жухлой листвой. Потом заметет, завьюжит, и только «Фортуна» над столом отца будет напоминать об этом море и об этих днях.

Валерка бросил левое весло и резко гребанул правым в обратную сторону — тузик крутанулся и шоркнул скулой о ржавый борт водолея. «Эй, на барже! Принимай команду!— Пегов бросил на палубу чемодан.— Лезьте, ребята, да не обижайтесь на меня, если что было не так. Чао! До встречи на острове Таити!»

Над головами громыхнули подковы рыбацких бахил. Здоровенный дядька в вязаном свитере и такой же шапочке с помпоном нагнулся и по очереди поднял каждого на палубу: «Груз принят, корешок, кланяйся капитану!»

Вот тузик скрылся за кормой «Беркута», вот его выдернули на ростры — там я любил сидеть,— а вот и три прощальных гудка. Траулер развернулся и побежал на запад.

— А вы, что же, гости дорогие, не радуетесь? Или не узнаете меня!

Я поднял голову и обомлел — Лева!

— Григорий тоже здесь. Они-с работают у брашпиля, но вон — уже поспешают-с.

Мы совершенно непроизвольно бросились к борту, но крепкие пальцы цепко придерживали рукава курток. Лева с широкой ухмылкой обернулся:

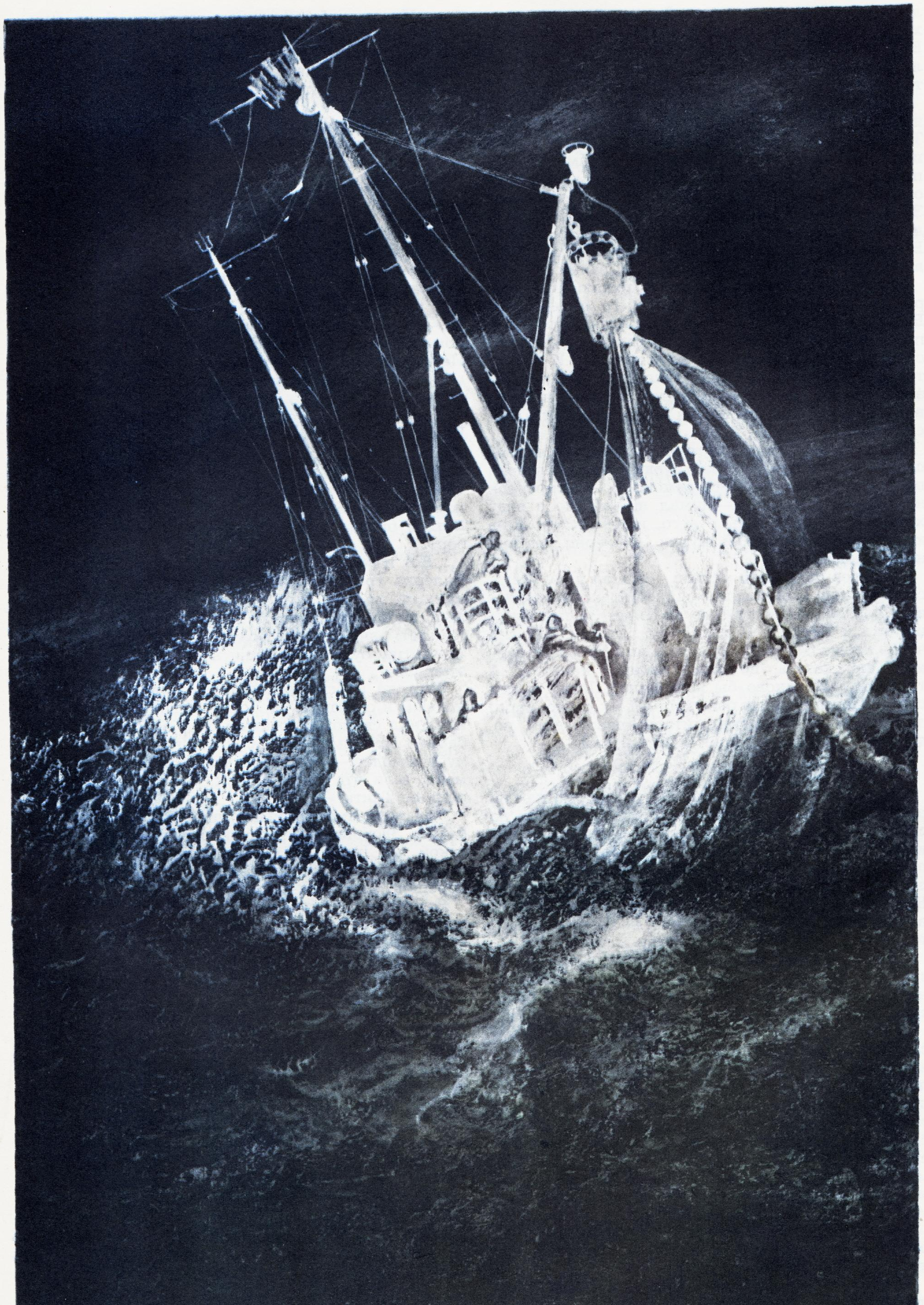
— Поторопись, Григорий Иванович. С тобой у них связаны более яркие воспоминания, а меня и не признали.

Григорий, в такой же шапочке и куцей, нелепой телогрейке, весело подмигнул приятелю: «Скоро признают!»

— Ну, что же вы?!— донеслось из белого скворечника-рубки, одиноко торчавшей на корме.— Давайте сюда гостей!

— Получай, шеф!

От пинка сапогом чемоданчик боком запрыгал вдоль палубы, а следом полетели и мы.



— В чем дело, Лева?— Нас подымали, ставили на ноги.— Григорий, в чем дело?!

— Дело — в шляпе, шеф. В этакой милицейской фуражке, куда эти гаврики упаковали меня и Леву.

Шеф, коренастый блондин в старом потертом кителе и выгоревшей фуражке, смотрел то на своих подчиненных, то оглядывал нас, красных и взъерошенных.

— Мы его на заливе с сетями поймали, вот он и злится!— Петька не смог удержаться от злорадной улыбки.

— Оставьте ребят в покое и крутите брашпиль. Пора выбирать якорь.

Шеф выглядел хмурым и неразговорчивым, а спина, обтянутая кителем, смахивала на груду перекатывающихся булыжников. Очевидно, и Григорию и Леве приходилось считаться с владельцем подобной спины. Они задвигали, забухали сапогами, а мы прошли в рубку. И тут же, гулко и надсадно, в пустом корпусе баржи застучал дизель.

Руки уверенно легли на штурвал, глаза, не мигая, смотрели на нос баржи: Лева и Григорий заканчивали выбирать якорь.

— Испугались моих охламонов?—Капитан (все-таки капитан, а не шеф) слегка повернул голову и мельком оглядел нас.

В рубке Борька чувствовал себя гораздо увереннее. Он напыжился и начал молоть чепуху, но Петька одернул его: «Не тарахти...»

— Вижу, вижу — не робкого десятка. Неужели и вправду справились с Григорием? То-то друзья-приятели явились из отпуска какие-то смущенные и даже слегка не в себе... Меня зовут Юло Эдуардович. Можете звать дядей Юло.— Он перевел ручку машинного телеграфа на «полный вперед» и поинтересовался нашими именами. Мы назвались.

— Ну, хорошо.— Дядя Юло впервые улыбнулся.

Хлопнула дверь, и вошли эти, оба. Злые-презлые. Ругались, что ли? Лева сразу сел на высокую табуретку, обхватил ее длинными ногами и уставился в окно. Дядя Юло уступил штурвал Григорию, а сам навалился на стол и начал что-то писать в журнале. Все молча, без единого слова.

Григорий легонько трогал штурвал — туда-сюда, туда-сюда, а сам поглядывал на компас и нас не оставлял без внимания. Мне даже стало неприятно. Я отвернулся и принялся разглядывать рубку.

Здешняя была совсем голая, не то что на «Беркуте». Даже дверь одна, с левого борта. Да, голо и пусто. Штурвал да компас, да еще машинный телеграф с отшлифованной до блеска медной рукояткой. Ну и стол, похожий на комод, над которым склонился дядя Юло. Там же, сбоку, приемник или передатчик, карта, в ящике исцарапанный бинокль, круглые блестящие часы на переборке, пара книжек-лоций на полочке за узенькой планкой (это чтоб не вывалились в качку) да черные блестящие плащи в углу.

Была еще одна дверь. Скорее, дверца за спиной рулевого с глубокой выемкой-приступком. Как раз из нее вылез всклокоченный механик.

— Слушай, шкипер,— механик бочком присел на стол, но дядя Юло спихнул его, и он тут же протер столешницу куском ветоши,— мне не нравится наш движок. Мне надоело его латать. Слышишь?

— Угу...

— Мне это очень не нравится!

— Васильич, мне не нравится погода. К кому прикажешь бежать? К господу богу? Ты лучше скажи: дотянет твой скакун до причала?

— Кто знает... Кольца, понимаешь...— Он подошел к окну и задрал голову, разглядывая небо. Интересно, кого хотел увидеть? Господа бога или что шкиперу не нравится в погоде?

— Должны добраться, а там — как придется. Сам знаешь, я и сейчас не чаял вернуть его к жизни.

— Пойдем в капремонт. Твердо обещаю.

— Эту лоханку, шкипер, давно пора сдать в утильстарье!— Григорий захохотал.— Капремонт! Поможет, как мертвому припарки.

— Помогут. Помогут припарки, Дорофеев.

Григорий пожал плечами.

Дядя Юло подхватил наш чемоданчик и приоткрыл вторую, маленькую дверь позади рулевого.

— Пошли, ребятки, устраиваться. А ты, Дорофеев, присматривай за морем. Особенно за нордовой частью.

— Сам знаю!— огрызнулся тот.— Тут дело о шкуре идет. Собственной!

Дверка вела на крохотную площадку. По обе стороны зияли два люка, над которыми висела общая крышка. Мы спустились к жилым каютам по правому борту. Камбуз, салон, кладовки и вход в машинное отделение, сказал шкипер, на левом.

Кают оказалось всего две. Обе двери, друг против друга, выходили в короткий и узенький коридорчик-тупичок. Здесь висел огнетушитель, а над головой виднелся квадратный люк. «Аварийный выход,— кивнул дядя Юло и усмехнулся: — На всякий пожарный случай!» Он толкнул дверь:

— Прошу в мои апартаменты! Тесновато, но путешествие будет недолгим. Располагайтесь, а я к своим охламонам.

— Вот так влипли! — Борька плюхнулся на диванчик.

— Ты про этих? Страху нагоняют...— Петька пристроился рядом.— Ничего-то они нам не сделают.

Я пихнул чемоданчик под стол и отдернул занавеску на иллюминаторе: «Так немножко светлее...»

— А так еще светлее! — Борька щелкнул выключателем.

Лампочка горела тускло, и чистенькая каюта выглядела серо и неуютно. Но я сразу забыл про все, едва взглянул на койку. Над ней, рядом с аварийным расписанием, висел знакомый рисунок. Та же рука, та же бумага. Все то же самое — я мог бы поклясться. И волны, и паруса, и склоненные мачты. Конечно «Фортуна», хотя подписи на рисунке не было.

Борька и Петька тоже успели разглядеть, что к чему. Борька свистнул и вдруг разразился стихами:

Адмиралтейские забудутся обиды,
И Беллинсгаузен, идущий напрямик,
В подзорную трубу увидит Антарктиды
Обрывом ледяным встающий материк!

Мы были так огорошены — ай, да Борька!— что ни разу не перебили и даже на миг позабыли про рисунок.

— Гешка, да откуда же здесь такое?!— заорал Борька.

— Есть о чем подумать...

— Давайте сначала подумаем, когда этот тихоня успел выучить стихи. Ты же, Гешка, говорил, что он их терпеть не может. А тут чешет, как по книжке.

— Ну и выучил. Что особенного?— Борьке, кажется, совсем не хотелось распространяться на эту тему.— В виде наказания выучил, когда скрывался

«Беркут» раскачивается, тычется в волны,
а они ухают и взлетают
по обе стороны носа зелеными столбами.

у дяди Феди в каюте. Нашел книжку и давай зубрить, и давай зубрить! И не интересно это. О другом нужно думать: почему рисунок оказался в ЭТОЙ каюте?

— Я не комиссар Мегрэ...— проворчал Петька.

— А нам и не нужно быть комиссаром. Возьмем и спросим у шкипера,— предложил я.— Про рисунок он все выложит — какой здесь секрет? А может, и про часы что-то расскажет.

— И верно!— оживился Петька.— Шкипер — эстонец. И мальчишка этот...

— Артур Репп,— подсказал я.

— Вот-вот! Тоже эстонец — сразу видно.

— А вдруг они — родня?— подскочил Борька.

— Вот и нашелся среди нас комиссар Мегрэ!

Плафончик мигнул и погас — каюта погрузилась в плотные сумерки. Только иллюминатор будто плавал в них и светился зеленым и синим. Корма глубоко присела и раз, и другой. За бортом шипело, мыльные пузыри то и дело размазывались по стеклу, делая его ноздреватым, как сыр. Мы ощутили беспокойство и вдруг поняли, что не слышим пыханья и татаканья — дизель умолк.

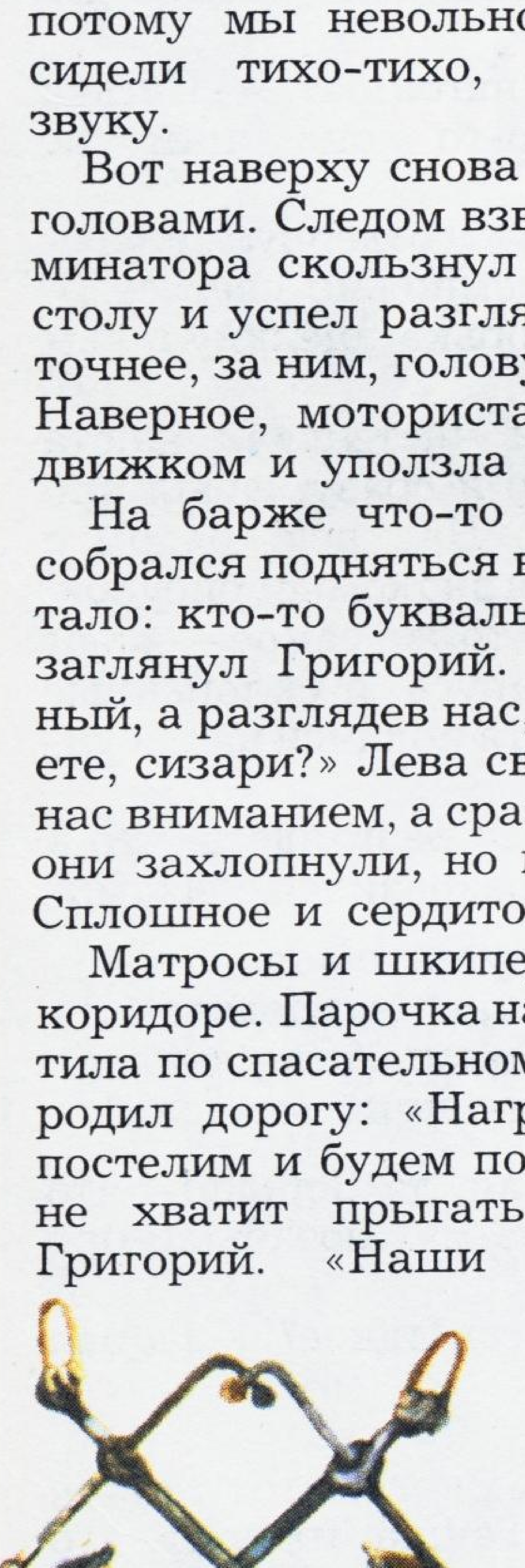
Борька выглянул в коридор и, конечно, ничего не увидел. В тупичке, как говорится, царил пещерный мрак. Зато наверху лязгали двери, бухали сапоги, о чем-то спорили люди. Потом далеко-далеко с грохотом запрыгала якорная цепь. Следом зацокала другая. Значит, встали на оба якоря. Неужели приплыли? Не похоже. За иллюминатором с чавканьем и всхлипами толкались черно-зеленые горбы, а клочковатые тучи неслись над полыхающим горизонтом. По крайней мере так виделось из каюты. И никакого признака земли. Может, с другого борта?

Подняться в рубку никто из нас не решался, а потому мы невольно прижались друг к другу и сидели тихо-тихо, прислушиваясь к каждому звуку.

Вот наверху снова забегали. Прямо над нашими головами. Следом взвизгнули блоки, и мимо иллюминатора скользнул борт шлюпки. Я бросился к столу и успел разглядеть в стеклянном кругляше, точнее, за ним, голову механика и еще одну фигуру. Наверное, моториста. Вскоре шлюпка фыркнула движком и уползла за корму.

На барже что-то происходило. Я совсем было собрался подняться в рубку, но в коридоре загрохотало: кто-то буквально сорвался с трапа. В каюту заглянул Григорий. Был он какой-то встрепанный, а разглядев нас, ехидно прошипел: «Припухаете, сизари?» Лева свалился следом, но не удостоил нас вниманием, а сразу прошел в свою каюту. Дверь они захлопнули, но голоса мы все-таки слышали. Сплошное и сердитое «бу-бу-бу...».

Матросы и шкипер едва разминулись в тесном коридоре. Парочка надела ватные куртки и прихватила по спасательному нагруднику. Дядя Юло загородил дорогу: «Нагрудники-то зачем?» «В рубке постелим и будем по очереди отдыхать. Иначе ног не хватит прыгать да кувыркаться»,— ответил Григорий. «Наши возьмите,— предложил дядя Юло.— Два ни то ни се». Один нагрудник он взял у себя в изголовье и еще два, запасных, вытащил из рундука под койкой. Они взяли их в охапку и полезли на трап. «Да лучше смотрите за якорями!—крикнул им вслед шкипер.— Особенно за левым. Мне кажется, он травится. Вы ленточный стопор хорошо зажали?» «Да уж зажали!— отозвался Лева, как мне показалось, со смешком.— Кто и открутит его, так это апостол Павел. Когда примет в рай души отважных мореходов!»



«Болтаешь, дурак!» — одернул его Григорий, и они полезли по трапу.

Шкипер сбросил фуражку и ссутулился на койке.

— Разве это моряки?— Дядя Юло покачал головой.— Подам после рейса рапорт. Надоели! Пусть списывают на берег.

— А что случилось?— не выдержал Борька.

— Пока ничего особенного. То есть случилось, конечно. Движок у нас встал. Вы же помните — механик жаловался. Стоим на якорях, а механиков я, старый дурак, отпустил на маяк: авось, обернутся в колхоз и привезут запчасти.

— А это не долго?— с тревогой спросил я.

— Теперь, пожалуй, долго. Я рассчитывал на спокойную ночь. Более или менее спокойную, да теперь ничего не выйдет. Шторм уже на подходе, а они в любом случае вернуться не успеют.

— Значит, берег рядом?— спросил Петька.

— Маяк Кипсар. Я, ребята, связался с пограничниками, а они пообещали вызвать буксир. Но будет он или нет — нужно надеяться на себя и, по возможности, все предусмотреть. В море только так.

Оказалось, что все предусмотреть невозможно. Особенно неожиданную подлость. Она что удар в спину.

В это время в каюте стало совсем темно. Дядя Юло надел фуражку, включил фонарь и туго-натуго затянул барашки иллюминатора. Даже опустил на стекло стальную крышку-броняшку. «А теперь, ребята,— сказал шкипер,— идемте-ка наверх. Чего в темноте киснуть?» Сказал, но вдруг прислушался и бросился в коридор. Мы — следом.

...Сбежали!

На опустевшей корме мотались шлюп-тали и трещал на ветру неспущенный флаг. Вельбот, очень похожий на Петькину «Фортуну», относило боком. Его так качало и бросало, что беглецам никак не удавалось развернуться по ветру. Григорий ожесточенно дергал румпелем, а Лева помогал веслами, но волны каждый раз отбрасывали нос, и он проваливался между гребнями.

На воздухе было достаточно светло. Правда, шкипер турнул нас в рубку, а сам удерживался в проеме, вцепившись в косяк и придерживая дверь, но мы ухитрились выглядывать из-под его локтей. Я, например, отлично видел, как Лева, сидевший лицом к барже, что-то сказал Григорию. Тот обернулся и на мгновение выпустил румпель. Волна ударила в руль, подбросила корму вельбота — румпель сорвался с руля и плюхнулся в воду. Григорий вскочил, но вельбот опять повалило, и матрос упал на четвереньки, едва не отправившись следом за румпелем. Он кое-как утвердился на корме и повернулся к нам.

— Прощай, шеф!— донеслось с моря.— Береги пионеров! Они...

Тут волна захлестнула шлюпку. Теперь им было не до нас. Оба схватились за весла и начали грести.

Шкипер захлопнул дверь и повернул задрайки. Шум моря стал глуше, отдалился.

— Вернетесь домой, ребята,— дядя Юло пристально смотрел на нас,— расскажите товарищам, что видели моряков, но встречали и предателей.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Анатолий **КОСТЕЦКИЙ**

Бумажный змей и я

«Я, змей бумажный, над землей,
как ласточка, лечу!
Взлететь над тучею любой
могу, да не хочу.
Ведь на веревке у меня
бежит обыкновенно
по полю, где торчит стерня,
мальчишка здоровенный.
Хочу — и влево он бежит,
хочу — свернет он вправо.
Лететь да им руководить —
пустячная забава!» —

Так думал мой бумажный змей,
что на веревочке моей
летел, куда направлю я,
ведь та веревочка — моя!

Свисток

Жил в старом ящике
свисток
такой обыкновенный,
что тот свисток
никто лет сто
не замечал, наверно.
Вздыхал он:
— Плохо быть свистком,
к тому же безработным!
Жаль, я не стал
ни кораблем,
ни быстрым самолетом.
Я мог бы тепловозом быть
и где-то мчать
по трассе!
Я даже, что там говорить,
стать хоть скворцом
согласен!..
И долго
жил бы он еще
на свете бесполезно,
когда б
мальчишка не пришел
и в ящик
не полез бы...
Свисток
мальчишку увидал,
перепугался очень:
зачем его
мальчишка взял?
Вдруг
выбросить захочет?!

А тот спросил:
— Ты кто? Свисток?
— Угу,—
сказал чуть слышно
ему в ответ свисток.—
А что?..
— Свисток? Ну что ж,
отлично!
И с той минуты
для свистка
жизнь новая настала.
Он был пилотом
в облаках
и судном
в море плавал.
Мальчишка захотел —
и вот
он тепловоз и мчится
по рельсам звонким,
и везет
для всех друзей
гостинцы.
Когда мальчишка
наконец
передохнуть присядет,
поет свисток наш,
как скворец
среди большого сада!..
И очень счастлив
тот свисток,
что он свисток,
и только.
Свисток,
которого никто
не замечал
так долго!..

Перевел с украинского
А. СТАРИКОВ.

Рисунок В. ДУДКИНА.

ЕСЛИ хочется стать ЛУЧШЕ

Каждый талантливый писатель талантлив своими героями. Их вдохновенными лицами, их судьбами, их словами и поступками. Поэтому талантливый писатель, когда думаешь об итогах его труда — окончательных или предварительных,— всегда в окружении своих героев. И волшебство подлинного художника именно в этом — в умении создать целый мир, вдохнуть в него жизнь.

К таким мастерам, которые всегда мне видятся среди разноликих, созданных собственным талантом героев, я отношу Анатолия Георгиевича Алексина.

Шесть десятилетий отсчитали стрелки его часов, а из них не меньше сорока лет он работает в литературе. Точнее, живет литературой.

Начав, как это почти всегда бывает, стихами (первый из них был опубликован в «Пионере») и ученическими, похожими на другие рассказами, он стремительно входит в художническую самостоятельность, а потом закладывает фундамент нового здания, который называется советская юношеская литература.

Но что, собственно, подразумеваем мы под этими словами?

Существует в мире литература детская — литература для детей. Вырастая, каждый человек непрестанно движется вперед, всегда испытывая жажду нового. Мир, который окружает его, становится не проще и не понятней, а, напротив, все сложней. То, что еще вчера было совершенно ясным, вдруг обретает загадочную непростоту. В цветах солнечного заката, к примеру, мы вдруг видим не замечаемые прежде переходы, в звуках, окружающих нас,— полутона. И чем больше открытий мы совершаем, чем яснее сознаем сложность мира, нам подаренного, тем глубже наши чувства и мысли, которые к нам приходят.

Волшебно-таинственная пора, когда мы сами не можем понять, что с нами происходит, называется отрочеством, и на этом переломе нас настигают важные понимания. Среди них едва ли не главное: стремление к взрослости.

Юношеская литература стоит на этом перекрестке. Она вглядывается в лица тех, кто еще вчера был ребенком, но сегодня уже совсем другой. Вместе с ними она оглядывает жизнь, отыскивая доброту и справедливость, сражаясь с нечестностью, фальшью, злом.

Так вот здание этой литературы — честной и понимающей — закладывал Анатолий Георгиевич Алексин.

На пустом месте?

Нет, конечно же! Без предтеч, без великих предшественников нельзя построить ничего серьезного, а среди великих предшественников Анатолия Алексина и Лев Толстой с его «Отрочеством», и Аксаков, и Гаршин, и Гарин-Михайловский, и Горький, и Гайдар, и Катаев, и Каверин.

И все же, мне кажется, Анатолий Алексин завершил фундамент. Его проза вглядывалась в сегодняшний день и недалекое прошлое. Она соразмеряла жизнь души с искомой истиной и справедливостью подлинной человечности. Приняв в себя гуманизм как высший критерий художественности, творчество Анатолия Алексина обратило свой голос к нынешнему пятнадцати-, шестнадцати-, семнадцатилетнему человеку, который так ищет и так жаждет.

«Третий в пятом ряду». Безусловное для меня новаторство этой повести, как и другой, «В тылу как в тылу», состоит в том, что, может быть, первым Анатолий Алексин написал повесть о войне с ясным расчетом на читателя, войны не знавшего. Специально для него.

Это великая и новая миссия — писать для тех, кто не знал.

О войне сказано много. Даже очень много. И почти всегда писатель-фронтовик пишет для тех, кто жил в одно с ним время. Но вот написать для других? Одолеть порог возраста? Время и расстояние?

Повести, о которых я говорю, написаны как бы с сегодняшней стороны черты, если такую черту можно провести во времени между прошлым и настоящим. Да, он пишет из настоящего, обращая наше сознание из прошлого в будущее. Сложное, ответственное и благородное дело, безмерно важное еще и потому, что оно поверяет наши нравственные правила высокой моралью суровых военных лет.

Вообще, говоря о знаменателе творчества Анатолия Георгиевича Алексина, о его главном русле, нельзя не заметить, что нравственность, кодекс чести, высокие моральные истины и составляют это главное. «Сердечная недостаточность», «Безумная Евдокия», «Позавчера и послезавтра», «Домашний совет», «Звоните и приезжайте», «Раздел имущества», «Здоровые и больные» — даже сами названия повестей, яркие и афористические, указывают направления нравственного поиска писателя, очерчивают территорию его интереса, назначают тему исследования.

Если человек способен предать мать во благо сомнительного душевного равновесия и ничтожества материальных благ, если другой человек лелеет собственный эгоизм, если третий подчиняет расчету судьбы ближних своих, непременно, во что бы то ни стало должен явиться им вопреки другой герой, и не один, который выше всего ценит дружбу, надежность, доброту и порядочность.

Вкушая горечь, как бы утверждает своими книгами Анатолий Алексин, человек должен непременно утвердиться в высоком идеале, в непобедимой правде чести и честности, в нравственных правилах, которые делают человека личностью.

Малы размерами повести этого писателя. Но в каждой из них такая множественность чувств, мыслей, важных и дорогих, что кажутся они пусть и небольшими, а романами. Собрание романов Анатолия Алексина можно было бы обозначить двумя словами: воспитание чувств.

Чувства надо воспитывать, что там говорить. Лучше всего воспитывать их с юных лет, с «младых ногтей», как говаривал великий Пушкин. Хочу при этом заметить, что чувства все же Анатолий Георгиевич Алексин воспитывает не любые, не всякие. Чувства добрые — вот что он воспитывает. Чувства коммунистические, если говорить строже.

И вот писателю шестьдесят!

Как тут не вспомнить полдюжины его пьес, идущих в театрах страны от Владивостока до Калининграда. Как не вспомнить его фильмы, его телепередачу «Лица друзей», деятельную работу в секретариате Правления Союза писателей России. Как не согласиться с высокими наградами Родины — Государственными премиями СССР и РСФСР, премией Ленинского комсомола и еще с одной высокой наградой — Международной премией социалистических стран имени А. М. Горького, которыми писатель удостоен за прозу, драматургию, за произведения кинематографа. Как не помянуть добрым словом его повесть «Сигнальщики и горнисты», которая родила целое пионерское начинание — день героизму и мужеству тех, кто остался там, на войне.

Ученые избрали писателя членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР, и это справедливое признание: творчество Анатолия Георгиевича педагогично от начала и до конца, от первой и до последней строчки, а служение его детству глубоко и осознанно. Его проза, как речь достойного учителя, строга и взыскующа, не терпит лишних слов и, конечно, потому воздействует на сердце, точно очищающий летний дождь.

После каждой новой книги хочется улыбнуться, хочется стать лучше, светлей.

Что может быть благородней?

Альберт ЛИХАНОВ

Фотография В. ГУСЕВА.

Видое ПОДГОРЕЦ (Македония)

Голуби

С крыши сорвались,
Взмахнули крылами
И в небе над нами
Ходят кругами
Четыре привета
Разного цвета.

Белый, как снега чистейшего горсть,
И золотой, как осенняя гроздь.
Розовый, словно заря над водой.
Синий — с небесной слился синевой.

Смотрю я, как мерно
Кругами идут
Голуби разного цвета.
Скоро вернутся
И мне принесут
От неба и солнца приветы.

Мирьяна СТЕФАНОВИЧ (Сербия)

Падает лист

Смотрите, смотрите, падает лист.
А воздух осенний прозрачен и чист.
Весной, разрывая клейкие почки,
На ветках взрывались хлопушки-листочки.

Смотрите, смотрите, падает лист,
Желтый, сухой, он теперь неказист.
Листья писали мазками теней
Портреты июльских солнечных дней.

Смотрите, смотрите, падает лист.
И лес опустевший не так голосист.
Все лето вплетали жилки лучей,
До капли впитали дождинки дождей.

Смотрите, смотрите, падает лист.
Он больше не гибок, а сух и ребрист.
Деревья уснули и спят до весны
И смотрят лесные зеленые сны.

Йован ЙОВАНОВИЧ-ЗМАЙ (Сербия)

Божья коровка

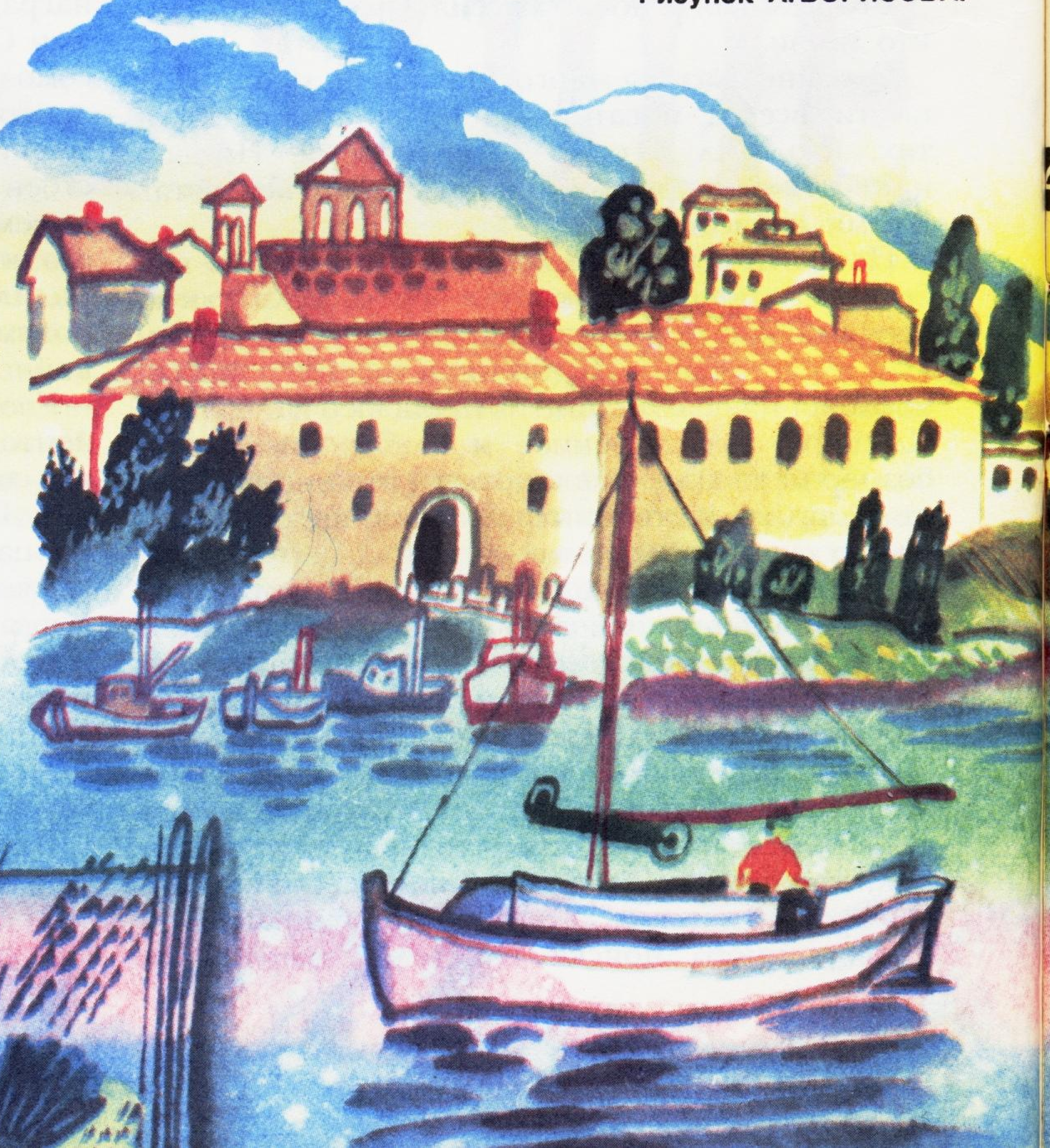
Божья коровка, божья коровка
Бежит по руке моей быстро и ловко.
Но вот на мгновенье у края застыла,
Короткие лапки слегка напрягла
И круглую спинку свою разломила
На два одинаково крепких крыла.

Божья коровка, божья коровка,
Крапинкой черной мелькнула головка.
Долго я буду следить за тобою —
Где ты исчезнешь, в какой стороне?
Оттуда сегодня веселой гурьбою
Пожалуют милые гости ко мне.

Божья коровка, божья коровка,
Где на пути у тебя остановка?
К раскрытой ладони какого мальчишки
Ты прикоснешься, упав с вышины,
И крылышек лаковых круглые крышки
Прикроют крутой коробочек спины?

Перевел с сербскохорватского, македонского и словенского Леонид ЯХНИН.

Рисунок А. БОРИСОВА.



Славко ЯНЕВСКИ (Македония)

Концерт

На одной из полян,
На лесной зеленой
Засветился экран
Теле-
ви-
зи-
онный:
Выступают под орган
Певчие вороны!

Все бегут как на пожар.
Занимают млад и стар
Пни, сучки и кроны,
Чтоб услышать группу
«КАРР-
СЕРЫЕ ВОРОНЫ».

На эстраде
Сорок пар —
Хор вороний
Стройный.
Раздается: — КАРР!
КАРР!
КАРР!
Вот и весь репертуар
Теле-
ви-
зи-
онный.

Любивое РШУМОВИЧ (Сербия)

Хорошо...

Хорошо быть моряком.
По волнам несется судно —
Здесь работа, здесь твой дом.
Хорошо быть моряком,
Но трудно.

Хорошо пилотом быть.
В небе чистом и безлюдном,
Словно в море синем плыть.
Хорошо пилотом быть,
Но трудно.

Хорошо быть офицером,
Для солдат своих примером,
В битве храбрым безрассудно.
Хорошо быть офицером,
Но трудно.

Хорошо быть сильным, смелым,
Ловким, быстрым и умелым,
Заниматься важным делом!
Быть умелым просто чудно,
Но трудно.

Боро ПАВЛОВИЧ (Хорватия)

Болезни

Много болезней разных —
Заразных
И не заразных.
Но все они при случае
Ужасно приставучие.

Пристанет — и болей,
Лежи, лекарства пей.

Лекарства бывают всякие —
И горькие,
И сладкие.
Но все во всяком случае —
Невкусные
И скучные.

Лежи, скучай и пей.
А то — зови друзей!

Друзья бывают разные —
Веселые, ворчливые,
Болтушки, молчаливые,
Но все они — прекрасные!

К больным, во всяком случае,
Приходят только лучшие.

Глигор ПОПОВСКИ (Македония)

Пальцы

Братцы-пальцы
Моей руки,
Врозь вы слабы,
А вместе крепки.
И если напасть
Попытается враг,
Сплетаются пальцы
В один кулак.

Братцы-пальцы
Моей руки,
Вы шутники
И озорники,
Но не бездельники,
А работяги.
Не стану вас, пальцы,
Бранить и ругать —
Умеете вы и пилить,
И строгать,
Поле пахать
И писать на бумаге,
Крепкие, верные
Пальцы-трудяги.

Сречко КОСОВЕЛ (Словения)

Солнце на плече

Солнце я несу в руке
На высоком стебельке.
Стебелек качается,
Вдруг он обломается?

Сел на длинный стебелек
Разноцветный мотылек.
Стебелек качается,
Вдруг он обломается?

Рос все лето стебелек,
И созрело солнце в срок.
Стебелек качается,
Солнце наклоняется.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Каждый из вас, ребята, наверное, мечтает стать умелым хозяином. Чтобы в руках любое дело спорилось, чтобы у людей добрыми делами почет и уважение завоевать.

Но не сразу вы начинаете работать на пришкольном участке или летом в подшефном колхозе. Первые свои трудовые шаги вы делаете дома.

Городские школьники учатся свою комнату убирать, овощи на обед чистить, настольную лампу ремонтировать, одежду чинить, а иногда и в ремонте квартиры родителям помогать.

Ребята из деревни тоже с малолетства помогают родителям по дому. А еще — на их плечи ложится забота об огороде и саде. Потому что человек, который живет на земле, не может на ней не работать.

О маленьких трудолюбивых сельских жителях мы и расскажем сегодня.

Анатолий САНЖАРОВСКИЙ

НАДЕЖНЫЕ ВНУКИ

Рисунок А. ГРИШИНА.

Первым просыпается в доме дедушка Пармен. Дедушка старенький — на целых шесть лет старше нашего века. Проснувшись, он привычно поднимает глаза и видит за окном под самой крышей гнездо, в котором живет гостья из далекого края, ласточка.

Одна ласточка живет в гнезде под крышей, думает дедушка, а вторая — в нашем доме... Ласточкой дедушка называет Манану, старшую свою внучку. Конечно, он любит и Ираклия, и Аполлона — как не любить внуков? На словах любит всех одинаково, но всегда почему-то отводит в сторону глаза, когда говорит это, потому что Манану он любит больше других.

Манане идет четырнадцатый год. По мнению дедушки, возраст совсем детский, зеленый. Ей бы отдыхать летом, но Манана и минуты не посидит без дела: все она чем-то занята, все она куда-то спешит, всем она вечно нужна...

Робкий луч солнца проблескивает из-за горы, и мать Мананы, собираясь на ломку табака, тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить дочку, выходит из дома.

Напрасно Натела Георгиевна так осторожничает. Манана уже проснулась. Когда мама проходит мимо, Манана плотно закрывает глаза. «Ну хорошо, хоть сегодня-то спит»,— с легким сердцем думает мама. Но едва она за порог, дочка — скок с постели. Манана не прочь поспать подольше, но что же делать, если сама собой просыпаешься при первых лучах? Не валяться же, когда тебя ждет столько дел? Не знаешь даже, к чему сперва подступиться!..

Быстро оделась,умылась, причесалась и с подойником к Коче. Так Берулавы зовут свою корову. Для Кочи у Мананы всегда припасен в кармашке гостинец — хлебная корка. Погладит девочка корову, покормит ее хлебом и садится доить. Доит Манана легко и спокойно. Доит с четвертого класса. Не то что соседская Майка. Уже бегает в седьмой класс, а к корове подойти боится.

Из процеженного молока Манана наливает по обычаю первую кружку дедушке и идет к нему. Стучится тихо. Боится разбудить брата: Ираклий спит в соседней комнате. Он перешел в шестой, моложе Мананы на два года. Манана считает его еще маленьким и уверена: поспать ему утром подольше не во вред.

Дедушка с поклоном отвечает на приветствие Мананы, в обе руки принимает кружку. Манана знает, что он прихварывает, что проснулся давно, что ему одному грустно, и, хотя ждут дела, садится на краешек стула рядом с ним.

А дедушка ставит кружку с молоком на тумбочку и благодарно гладит руку Мананы.

Он чувствует себя виноватым, что эта девочка в такую рань уже на ногах. Но чем он может ей помочь? Раньше, когда был покрепче, он и не знал, как это днем лежать. Теперь... Не работник и Шакро, дедушкин сын, отец Мананы. Он долго болел, тяжело болел. А сейчас не может поднять и ведра воды. Инвалид. Натела в колхозе отвечает за двадцать пять соток табака, 240 корней мандаринов, коконы... С плантации колхозной приходит усталая... Как-то она чистосердечно созналась, что дома — всего лишь помощница у Мананы. От Аполлона рано ждать помощи. Какие его годы! В первый класс собирается. Вот Ираклий — это уже человек!

А хозяйство на руках Мананы и Ираклия внушительное: двухэтажный дом, корова, теленок, свиньи, индюшки, куры. Сад. Громадный огород. И надо накормить, напоить, загнать в хлев. Посадить, полить, прополоть, собрать.

В семье шестеро. А тут еще вчера трое гостей

приехали. Теперь готовь завтраки, обеды, ужины на девятерых.

Дедушка думает: справится ли со всем этим Манана? Задача ему кажется неразрешимой, и он советует:

— Работа не шакал, в лес не убежит... И красное солнышко на всех не угождает... Ты больше отдыхай!

— А я что делаю?—весело отзывается Манана.—Только то и делаю, что отдыхаю. Говорят же, хочешь отдохнуть—смени работу. А я только и меняю...

Дедушке нравится наблюдать, как «отдыхает» Манана. Летая ласточкой по двору, она появляется то тут, то там, и маленькие, незаметные домашние дела ручейком текут через ее руки...

Манана сраженно замолкает: увидела в окно, как из сада выходит и направляется к Коче Ираклий с полным ведром опавших яблок.

— Эй ты!—грозит ему Манана.—Мы тут с дедушкой вполголоса говорим, боимся его разбудить, а он уже под яблоней прохлаждается. Вскочил раньше петуха!

— На тебя глядя!—улыбается Ираклий...

...За обедом во дворе в тени мандаринов гости, обращаясь к матери Мананы, принялись нахваливать харчо. Мать засмущалась.

— Дорогие,—сказала она,—не ту хвалите.

Вот кого надо хвалить.— Повела счастливыми глазами на Манану.— Золотая она у меня.

После обеда разбрелись кто куда. Дедушка за столом остался. Думает и думает он о внуках.

Как летит время! Давно ли по этой земле сам бегал в годах Аполлона... Потом строил новую жизнь. Создавал первый в Мачаре колхоз... Давно ли «поднимал на крыло» сынов и дочек — уже вошли в зрелые годы. Внуки вон какие!

В Берулавском роду из поколения в поколение надежно жили верность, любовь к земле отцов. Этой любви невозможно научить словами. Все куда проще. Подрастал человечек, что мог, то и делал, глядя на старших. Его не заставляли, он сам. Видел, как работают взрослые, тянулся к посильному занятию.

Человек в семь лет очень взросло чувствует себя в деревне. Иную работу он может выполнить быстрей любого взрослого. Скажем, сажают табак. Земля сухая. Взрослые делают бороздки. Манана поливает. А Ираклий следом споро раскладывает по рядкам рассаду. Работу эту и работой не назовешь, но это уже и не игра. На плантации не играют. И без ребятишек посадка длилась бы наверняка вдвое дольше...

А помидоры Ираклия? Захотел он вырастить помидоры получше, чем у взрослых. Покрупней головы! Да как это сделаешь? Увидел первоклашка Ираклий — дедушка обламывает на помидорах пасынки. Спросил, зачем он это делает.

— А чтоб помидоры хорошие росли.

Выспели помидоры и впрямь хорошие. Один в один. Эге, смекнул Ираклий, обдергали лишь пасынки, а помидоры вон какие здоровые. А что если... На новое лето Ираклий принялся усердно обламывать пасынки, завязь, листья, цветы... Благо, на втором кусте остановил его дедушка и объяснил, что из-за этого «новшества» можно вообще остаться без помидоров. С тех пор Ираклий делал все, как надо.

Подрастали Манана и Ираклий. Вместе со взрослыми делали они всю работу по дому, в саду, даже на колхозной плантации. Делали все сообща. Так и шли уроки труда.

...Маловато сдавали в колхоз шелкопряда Берулавы. И винить их особенно нельзя было. Кто полезет на шелковицу за листьями для коконов? Мужчины нет в доме. Эти слухи обидели Ираклия. «Мне уже одиннадцать, и я не мужчина?! Да я завалю кормом!»

Манана с матерью аккуратно ухаживали за коконами. Всегда у коконов было сухо, тепло, не меньше 18 градусов. Никакого шума... Коконы не болели, хорошо росли. А кормами Ираклий действительно их завалил. Далеко забирался в горы и всякий раз возвращался с охапками шелковичных ветвей. И Берулавы впервые дали по шелкопряду три плана!

Все хвалили Ираклия. А он только краснел. Никто не знал, что однажды Ираклий свалился с дерева на колючки. Весь изодрался. Но даже не заплакал, никому не сказал: мальчика, упавшего с осла, не сажают на скакуна...

Вечером пришло письмо от маминой мамы — «дальней бабушки». «Дальняя бабушка» живет на другом конце Грузии, в селе Бандза.

Письмо оживило сморенных жарой домочадцев. Стали его обсуждать. Только Ираклий молчал и хмурился...

Когда все по дому было переделано, Манана спустилась к морю. Садилось солнце. Море было кроткое и усталое, а берег пуст.

А в это время разгоряченный Ираклий вбежал в комнату дедушки.

— Дедушка,— закричал он с порога,— да скажи хоть ты им всем!..

— Кому что сказать? Говори спокойнее.

— Кому... отцу с матерью. Что не пускают меня к дальней бабушке в Бандзу?

Дедушка не спешит с ответом, думает.

— Что за прихоть? Какая муха тебя укусила?— спрашивает медленно он.— Летом уезжать с моря?.. Не понимаю...

— Да что море! Я родился, и первое, что увидел,— море! И вижу его каждую минуту.

— Но у тебя на следующей неделе футбол. Наша улица играет с соседней. Подвести товарищей? Оставить команду без нападающего?

— У нас на Тбилисском шоссе все нападающие. Все Давиды Кипиани! Есть кому заменить.

— Ираклий, скажи прямо, что гонит тебя к бабушке?

Ираклий разглаживает на ладошке бабушкино письмо.

— Вот тут бабушка пишет, что у нее трава выше кукурузы и винограда.

Дедушка улыбается:

— Ну... Да это она шутит!

— А я здесь шутки не вижу,— холодно отвечает Ираклий.— Не ты ли говорил, что умный человек нередко одежды шутки набрасывает на правду?

Дедушка привлекает к себе Ираклия:

— Поедешь, внучек. Поедешь в Бандзу... Делай для других добро, учись для себя...

Счастливый ушел от дедушки Ираклий, а от его счастья и дедушка почувствовал себя особенно хорошо.

Что за день сегодня!

Вдруг увидел дедушка внуков по-новому. Вроде дети как дети, а посмотри... Сами еще мальцы, а тянутся помочь другому и — все могут! Не с неба свалилось все это им.

«От Тины, моей дорогой Тины, что-то перешло к Манане. Тины уже нет, а Манана вяжет пуловеры и себе, и отцу, и мне, платья себе шьет. Тина научила. Мягкость, сердечность Мананы — от матери. Напористость, твердость — от отца и от меня. Нет, не зря мы, старики, жили. Во внуках уже угадываешь что-то от опыта, от мудрости нашей старости... Надежные у нас внуки. Эти с земли не уйдут. Земля моего деда, моя земля, земля моего сына — в верных руках».

От этих мыслей радость разливается в душе дедушки.

Дедушка засыпает. Сон его глубок и спокоен.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА» И «ПРОТИВ»

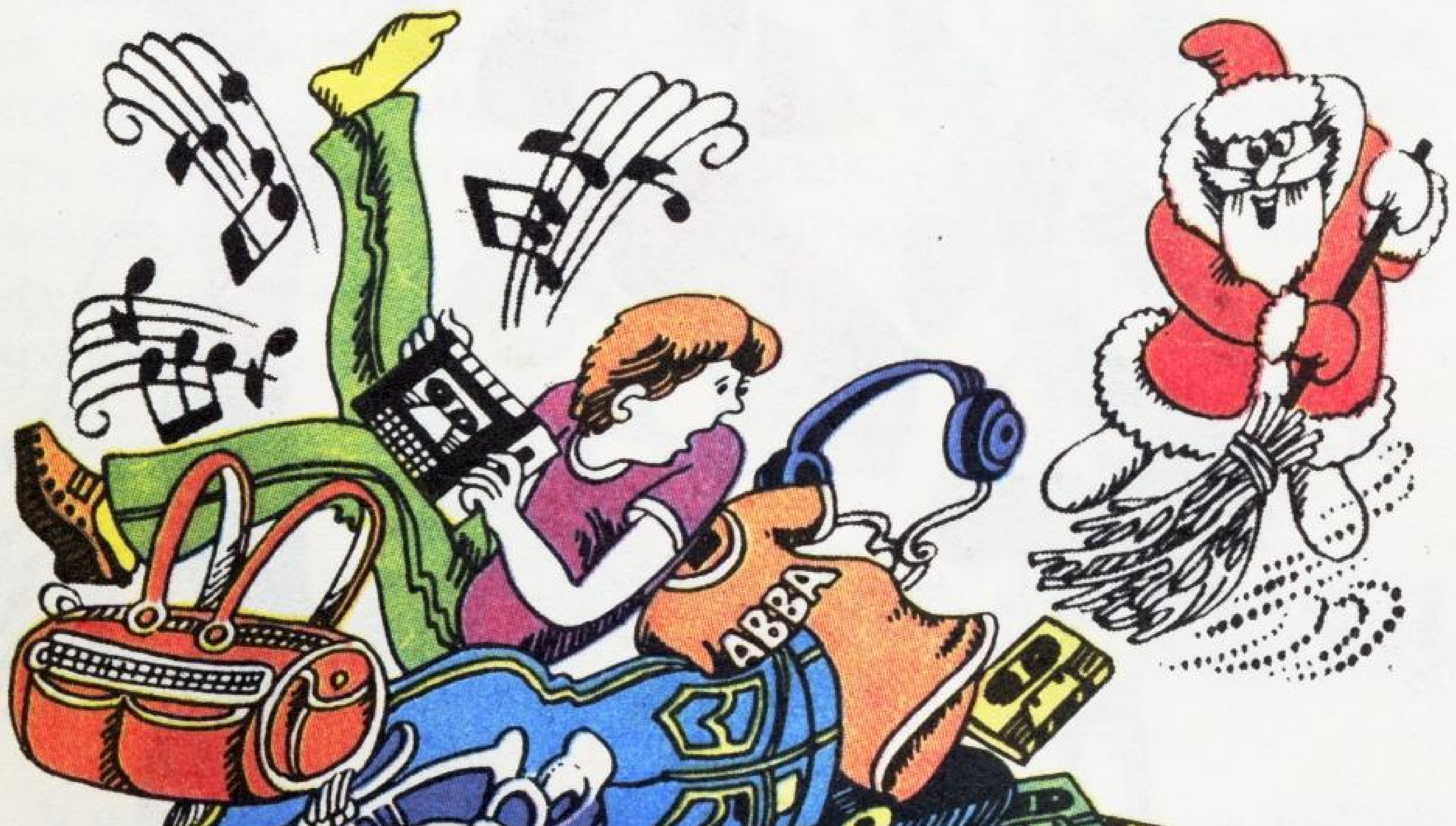
Продолжаем разговор об отношении к вещам, начатый в «Пионере» в № 6 за 1983 год. В клуб пришло много писем от читателей. Ребята высказывают самые разные мнения, рассказывают случаи из жизни своих отрядов. Попробуем подвести итог нашей дискуссии.

Жуткие вещи

„Бананы" и „батоны"

Брюки-бананы, сумки-батоны, босоножки-колодки, сапоги-вездеходы, платья-сафари, майки, джинсы, ветровки, кроссовки и опять кроссовки, кроссовки, кроссовки... Я читала письма, в которых без устали перечислялись эти предметы одежды, составляющие счастье или несчастье их владельцев...

Но мне-то хорошо, подумала я, прочитала про «бананы» и «батоны» и отложила. Могу почитать



любимую книгу. А что происходит с человеком двенадцати лет, у которого эти вопросы в голове? И без конца ум его перебирает одно и то же: брюки-бананы, сумки-батоны, босоножки-колодки и так далее, и так далее — смотри перечисленное вначале. Изо дня в день переживания одной гаммы: есть «бананы» — я счастлив, но нет кроссовок — прощайте, родные, я в отчаянии. Впрочем, надежда возвращается: кроссовки твердо обещаны родителями; ан опять все плохо: нет стереомагнитофона, который обязан иметь каждый уважающий себя ученик шестого класса. Впрочем, кажется, смысл жизни снова обнаружен: на магнитофон родители соглашаются, однако придется за это вырезать гланды. Несведущие люди могут подумать, что теперь, наконец, я счастлив, ан нет: бриллиант «Кох-и-Нор» находится в короне у английской королевы, а не в моем предусмотрительно проколотом уже ухе...

Говорят: человек стоит того, чего стоят его страдания. И если страдания смешны, то... Впрочем, при чтении иных писем было не до смеха.

Кто поможет?

«Пионер»! Пишет тебе Плоскова Аня. Я учусь в восьмом классе. Родителей у меня нет. Живу с бабушкой, которой 75 лет, она работает в школе техничкой, и я ей помогаю в школе мыть полы. Одеваюсь я очень плохо. Конечно, мне хотелось бы одеваться по моде. Но об этом мне и мечтать нечего. Особенно надо мной смеются Лена и Анджела, они одеваются отлично. Они говорят, что я позорница, что меня даже потрогать противно. Помоги мне.

г. Новосибирск.

Когда у нас была генеральная уборка (мы должны были мыть стекла), учительница попросила, чтобы мы пришли в брюках. Я пришла в фирменных джинсах. И девочки начали шептаться, говорить, что я вырядилась. Но у меня просто нет других брюк! У меня много хороших вещей, но я не ношу их, чтобы девочки не подумали, что я «выряжаюсь». Я согласна ходить в

чем угодно, лишь бы наладить отношения с девочками. «Пионер», прошу, помоги!

Оля Романчик, г. Ташкент.

Вот такие два письма. Оба заканчиваются словами: «Помоги!» А когда получаешь письмо с такой просьбой, надо помогать! Как?

Объяснить Анджеле и Лене, одноклассницам Ани Плосковой, что они неправы? Что человек с умным сердцем никогда не позволит себе демонстрировать свое презрение к другому ЧЕЛОВЕКУ. Тем более по такому незначительному поводу, как одежда. Тем более к человеку, и без того не очень счастливому: Аня Плоскова живет одна со старенькой бабушкой, к тому же, как она пишет, серьезно больной.

Объяснить одноклассницам Оли Романчик, что в ситуации, когда одна из девочек моет окна в фирменных джинсах, а другие двадцать в обычных брюках, ничего унизительного и оскорбительного для этих двадцати нет? Тем более, что Оля не сама покупает и выбирает наряды, а делает это ее папа, долго проработавший за границей (Олина мама умерла, и они живут с папой вдвоем). И требовать от него, чтобы он ради спокойствия Олиных одноклассниц срочно поменял дочери гардероб, очевидно, не имеет смысла. (Так же как потребовать от Аниной бабушки, чтобы она срочно истратила свою небольшую зарплату на красивые вещи ради того, чтобы Анджеле и Лене было приятно подходить к ее внучке.)

Объяснить Олиным одноклассницам, что, когда у другого человека что-то лучше, чем у тебя, то этому надо порадоваться, а не огорчаться?! Что зависть опустошает, а не наполняет. И человек, допустивший это чувство в свое сердце и позволивший ему прижиться, делается обозленным и, в общем, несчастливым. А не к тому ли мы все стремимся — одни с помощью кроссовок и магнитофонов, другие с помощью книг и друзей — быть счастливыми?

Будем надеяться, что одноклассницы Оли Романчик это поймут. Девичья легкая зависть и раздражение по поводу хорошо одетой подружки — это все-таки не столь большой грех, как то, что испытывают Анджела и Лена, одноклассницы Ани Плосковой. Презрение к человеку, в чем-то более обделенному, чем ты,— это по-настоящему худо. Отсутствие простого человеческого сострадания и милосердия — это уже порок. И девочки уже взрослые, восьмой класс, пятнадцать лет...

И объяснить им, в чем они заблуждаются, нелегко. Нелегко пробраться сквозь узость и самодовольство к тому лучшему, что есть в человеке. И с наскока, с одного разговора вряд ли чего достигнешь. Пожалуй, тут нужно постоянное, долгое общение с умным, тонким, добрым человеком... Хорошо, если такой окажется рядом с Анджелой и Леной.

Но что же делать нам сейчас? Осудить «гонительниц» Ани Плосковой публично, со страниц журнала, заклеймить? Сказать: ах, как вам не стыдно! Не знаю. Может быть, и нужно, чтобы кто-то в отряде, в классе сказал им прямо, что они не правы. Но вряд ли это сразу все изменит. Можно сколько угодно осуждать человека и кричать, что он не прав. ПОКА ОН САМ НЕ ПОНЯЛ ЭТО, ничего не изменится. А признаться самому себе, что ты не прав, это, скажу я вам, одно из самых трудных признаний на свете. Но оно и дорогого стоит. Потому что только оно и истинно. И быстро такое признание не приходит.

А Оля Романчик и Аня Плоскова хотят, чтобы им помогли быстро, сейчас! Так что же? Срочно вызвать волшебника, Деда Мороза, который приоденет Аню в «фирму»? Или раздаст одноклассницам Оли точно такие же, как у нее, джинсы? Очевидно, на какое-то время это бы всех примирило. Но, увы, твой возраст тем и отличается от дошкольного, что в волшебников уже веры нет. И потом, где гарантия, что дальше в своей жизни Аня не встретит других, повзрослевших Лен и Анджел? И не случится ли так, что, натерпевшись от них обид в детстве, она бросит все силы своей души и ума на добывание денег и вещей, лишь бы Анджелы ее не презирали? А Оля? Привыкшая в детстве к комфортабельной обстановке, которую создает папа, такая, в общем, несамостоятельная и робкая — вдруг она испугается косых взглядов подружек до такой степени, что будет устраивать маскарад и одеваться так, как больше нравится им, а не ей! Как же она будет жить дальше, если так, даже в мелочах, зависит от окружения?

Они несчастны по-разному, эти девочки, и они несчастны одинаково. Я недаром привела письма вместе. Почему? Очевидно, потому что нет в душе той силы (не презрения к окружающим: «плевать я на всех хотел»,— а силы), которая позволяет человеку чувствовать себя спокойно, ровно и счастливо НЕЗАВИСИМО от того, что на нем надето; которая позволяет душе держать равновесие в самом разном человеческом окружении и достигать добрых отношений с миром и людьми без подлаживания.

Конечно, написать об этом легче, чем достичь. Труд не из легких, огромная, сложная работа по созданию самого себя, на целую жизнь хватит. Но это возможно. Надо быть уверенным, что это возможно, достижимо. И другого выхода нет.

Помощь других людей — хорошо, надеяться на нее надо. И все-таки главная помощь — поддержка от самого себя, надежда на собственную силу. Только тогда и помощь других поможет.

Увы, если ты сам себя чувствуешь несчастным, несчастным тебя считают и люди. Если чувствуешь себя плохо одетым и страдаешь, то таким же тебя ощущают и окружающие. Ищи силы, достоинства и равновесия в самом себе. Надо, надо объяснять Анджелам и Ленам, что вещизм — это плохо, что наличие дорогих вещей не делает человека счастли-

вым и отсутствие их — несчастным. Но пока ты сам этого не понял, не стал выше этого, и они не поймут. Ведь Аня, которая страдает от плохой одежды и чувствует себя презираемой, в такой же степени верит в силу вещей, как и Анджела, считающая, что вещи дают превосходство. Не бросайся переубеждать Анджел, изменять их; измени самое себя.

Хочется жизненных примеров, а не только рассуждений, да? Пожалуйста. Возьмем письма, которые пришли в редакцию одновременно с письмами Оли Романчик и Ани Плосковой. В них похожие ситуации, но они не стали для ребят такими неразрешимыми, какими стали для Оли и Ани.

Ко мне девочки плохо относятся. Они, когда идут в школу, украшаются кто как может. Туфли на высоком каблуке, нарядные обручи на голове. Меня же за то, что у меня нет дорогого наряда, прозвали «безнарядная». Мама мне тоже хотела купить эти наряды. Но я сказала: пока не окончу школу на «отлично», прихорашиваться не буду.

Лариса Крейтор, Одесская область.

Что же... Маленький, но сильный человек. Хоть и «безнарядный». С целью в жизни, которая дает силу противодействовать окружению, в данном случае неправому.

У нас есть девочка в классе. Она живет с мамой, и у нее две маленькие сестренки, папы у нее нет. Она одевается более чем скромно, у нее нет модных дорогих вещей. Но она добрая девочка, и с ней все ребята дружат. Мальчишки на нее заглядываются.

Ирина Маличнич, г. Свердловск.

Очевидно, нельзя сказать, что девочке, о которой рассказывает Ира Маличнич, просто повезло: вокруг нее хорошие ребята, в то время как вокруг Ани Плосковой только плохие. Надо искать разгадку счастливости и несчастливости и в самом человеке.

В моем классе есть три человека, которые носят красивые вещи, модные, но они никогда не говорят о них, не хвастают. ***Они ходят в них спокойно...*** *Конечно, модные вещи красивы. Но не у всех есть возможность их купить. Я знаю ребят, которые* ***относятся к этому спокойно*** *и считают себя умными людьми.*

Катя, г. Ленинград.

Как видим, автор письма написал не о себе, а о своих одноклассниках. Написал с одобрением. Одним ребятам наличие модных вещей не мешает чувствовать себя спокойно (не выставляться, не подсчитывать количество восхищенных взглядов, брошенных на свои суперкроссовки, и не воображать, что наличие их автоматически зачисляет тебя в особую категорию). Другим не мешает точно так же чувствовать себя отсутствие кроссовок. Они считают себя умными людьми. И, как понятно из оценки автора письма, их мнение о собственной личности разделяют окружающие.

Будем благоразумны

У входа в театр Н. вдруг заявила мне, что не войдет вместе со мной в зал! «У тебя нет ничего модного»,— сказала она.

Лена Соболевская, Бурятская АССР.

Я ношу то, что мне покупает мама. Но моя мама человек со вкусом, плохих вещей покупать не будет. Поэтому все в классе кричат, что я воображала.

Юля А., г. Москва.

У меня есть красивые «модняцкие» вещи. Как ни стараюсь не хвастать ими, девочки смотрят на меня завидующими глазами.

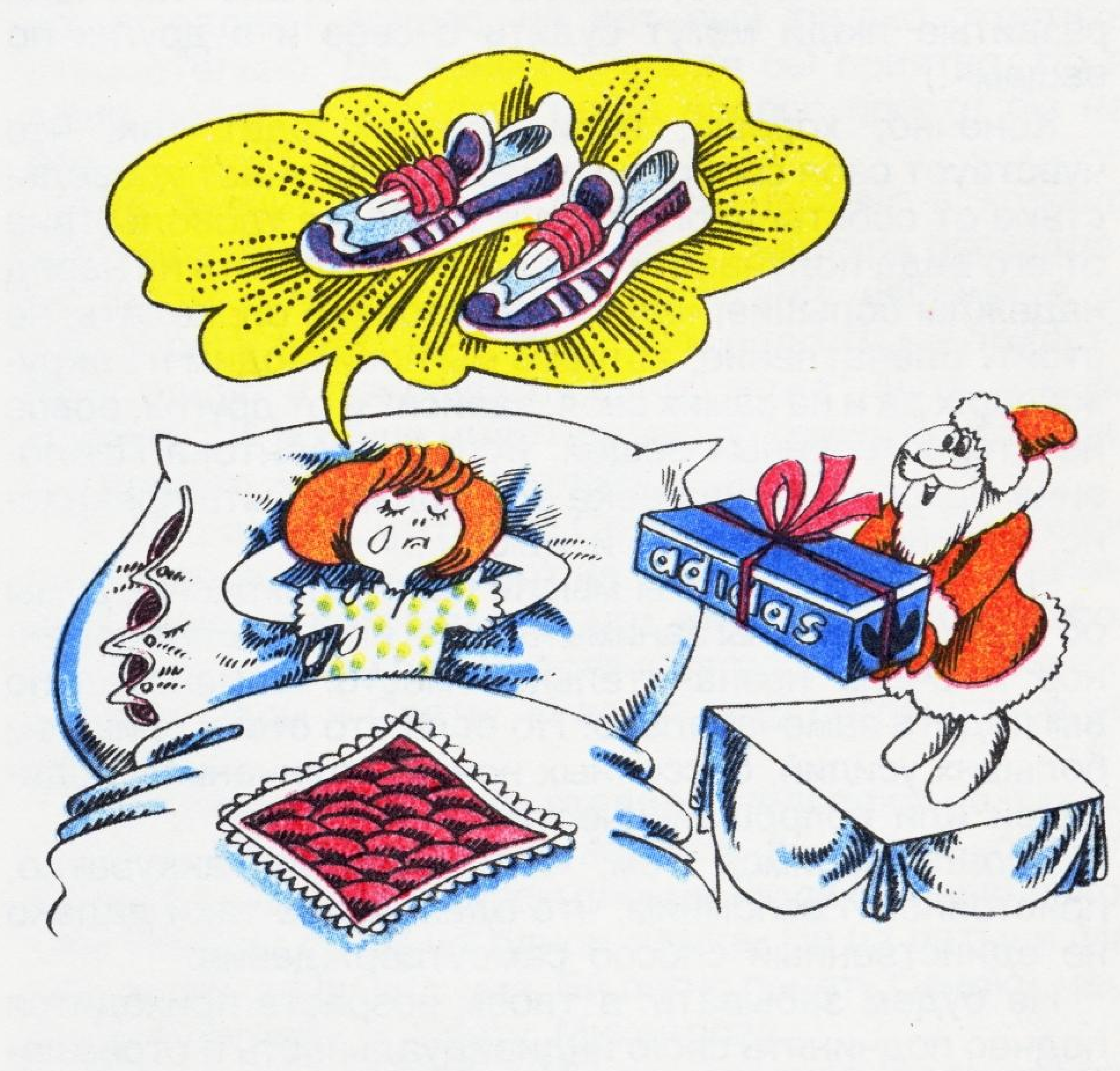
Лариса Знак, г. Минск.

В нашем седьмом «А» некоторые ребята ставят «импортэкс» (тоже словечко, объединили «импорт» и «экспорт») превыше всего!

Оля Старцева, г. Норильск.

Я никогда не блистала особо модной одеждой и признаюсь, многие глядели на меня с насмешкой. Но вот у меня появилось несколько модных вещей, и насмешки исчезли, некоторые даже захотели со мной дружить.

Марина С., Ивановская область.



Как видим, в классах, где учатся ребята, написавшие эти письма, страсти кипят. Отчаяние и беспредельная радость, чудесные превращения, взлеты и падения. Золушки и принцессы. Принцы и нищие.

Мир царит в средней школе деревни Неклюдовка Кустанайского края, где: «В классе все дружат. У нас ни у кого нет фирменных джинсов». И в спецшколе города Москвы: «У нас никогда не портятся отношения из-за вещей. У нас у всех есть фирменные джинсы, магнитофоны».

Казалось бы, нарядиться всем одинаково — и нет причин для зависти, раздражения, печалей. Надо сказать, что девочки из класса Оли Романчик интуитивно этот выход и выбрали: «не выряжайся», Оля, и в классе будет порядок и дружба.

Беда лишь в том, что при одинаковых кроссовках и ветровках всегда будет рядом девочка, у которой нос красивее, глаза больше, ноги длиннее, будет девочка красивее, чем ты, мальчик умнее, чем ты, кто-то талантливее, веселее. Короче, люди неодинаковы, и какие бы ни прилагали усилия подруги Оли Романчик, с этим трудно что-либо поделать. Поэтому всегда будет почва, чтобы сравнивать себя с чем-то и страдать оттого, что у тебя нет таких джинсов, такого носа, таких глаз, таких друзей, такого таланта.

В подтверждение: в классе, где не портятся отношения из-за того, что у всех есть джинсы и магнитофоны, идет нешуточное соперничество по части, у кого какие знакомые и кто у кого был в гостях.

Что же делать? Я бы все-таки предложила авторам этих писем не участвовать в гонках. Хотя бы потому, что приза в этих гонках нет, как нет им и конца. Всегда будет кто-то, у кого есть то, чего нет у тебя. Потому что, даже если приобретешь ценою мыслимых и немыслимых усилий все, что казалось таким желанным, окажется: у кого-то есть то, чего у тебя не будет уже никогда,— самоуважение, достоинство, порядоч-

ность. Гонки в жизни — вредное занятие: возможно, придется идти на компромиссы, возможно, унижаться, кого-то отталкивать.

Будем благоразумны. Гораздо плодотворнее думать о том, что у тебя есть. И совершенствовать то, что тебе дано, понимать, чего ты хочешь в этом большом мире и на что можешь рассчитывать.

Вещизм — одна из разновидностей старинной человеческой страсти, именуемой соперничество. Причем терзает она души наиболее неразвитые и глухие. (Очень многие и многие ребята, повторяя друг друга почти слово в слово, написали, что только «не очень развитые люди могут судить о себе и о других по вещам».)

Конечно, хорошо, если человек одет так, что чувствует себя свободно, уместно, получает удовольствие от собственного вида и такое же удовольствие от его вида получают и другие. Но возлагать на наряд надежды бóльшие, чем он в состоянии оправдать, не стоит. Впечатление, которое мы производим на окружающих да и на самих себя, зависит и от других, вовсе не второстепенных вещей. Вспомним Антона Павловича Чехова: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и мысли...»

Но, очевидно, чтобы мысли были прекрасны, думы об одежде должны занимать свое, вполне определенное и очень незначительное место. Замечательно выглядеть замечательно. Но если это стоит слишком больших усилий, бессонных ночей, клянчанья у родителей или попрошайничества?

Удовлетворимся тем, что выглядим аккуратно, пристойно. И вспомним, что одежда все-таки далеко не единственный способ самоутверждения.

Не будем забывать: в твоем возрасте приходится подчас подчинять свою индивидуальность и стремление самовыражаться вкусам родителей и их финансовым возможностям. Трагедии, очевидно, в этом никакой нет. И придумывать ее не надо. Речь опять-таки, напомним, идет всего-навсего об одежде, а не о твоем призвании, таланте, убеждениях. И в данном случае нормальному человеку давить, требовать, клянчить некрасиво, унизительно. Пожалуй, следует быть выше этого. Потому что будут еще в жизни джинсы, и ветровки, и кроссовки или что там еще предложит нам мода. Но такие хрупкие вещи, как самоуважение и достоинство, потерять и не найти — очень и очень просто.

О чем не спорят

Одна девочка надела синий в полосочку беретик, зеленую рубашку, оранжевую кофточку, черные брюки... И так далее...

Валя Долгова, Кустанайская область.

На ней были джинсовые бананы с «молниями», модная дутая куртка, замшевые сапоги, красивые серьги, часы... И так далее.

Эля Федорова, г. Мурманск.

При встрече Н. оглядела меня с ног до головы. Я ее тоже. На ней были...

Рита Семенова, г. Семипалатинск.

И так далее, и так далее...

Эти скучные письма лежат отдельной горкой. Про

себя я их называю «неприличные» письма. Потому что воспитанный человек никогда не позволит себе оглядывать собеседника с головы до ног, чтобы выяснить, импортные у него колготки или нет. Потому что давать почувствовать человеку свое назойливое любопытство к его брюкам и сережкам неприлично. Потому что неприлична сама внимательность такого осмотра. Потому такие вещи не обсуждают ни в письмах, ни в разговорах.

И спорить об этом, верно, не стоит даже в дискуссионном клубе. Как не спорят о том, в какой руке следует держать нож или вилку. Есть правила поведения за столом и правила поведения в обществе. Их надо знать и придерживаться.

Душа и джинсы

Иногда под модными джинсами скрываются такие мелкие душонки, которые всегда готовы на какую-нибудь подлость.

Одна девочка надела джинсы, туфли на высоком каблуке да еще ресницы намазала. Что про такую можно сказать? Дура она, да и все. А другая надела платьице в горошек, купленное в магазине, туфли на небольшом каблучке, что про такую можно сказать?

Света Ш., с. Никольское Абанского района Красноярского края.

Да, действительно, что про такую можно сказать? Автор письма знает. Но смею поспорить с ним и высказать свое мнение: ничего! Ничего нельзя сказать о человеке по платьицу в горошек, купленному в магазине. Так же как по джинсам с фирменной наклейкой.

Ничего нет хорошего в том, что человек презирает другого из-за немодной одежды. Но презирать человека из-за модной одежды разве лучше?! Бывает, конечно, что скрываются «под модными джинсами... мелкие душонки». Но бывает сплошь и рядом — джинсы одежда массовая,— что и не скрываются. И никаких законов тут нет. Потому что нет никакой связи между душой и джинсами, вещью и человеком. И ни по плохой, ни по хорошей одежде судить о человеке нельзя. Можно судить о человеке только по человеку, по делам его.

Конечно, справедливо, что ребят волнует, беспокоит существование вещизма, делающего жизнь более примитивной, жалкой. Но даже в самом взволнован-

ном состоянии не надо так писать: «Людей, которые преклоняются перед вещами, я ненавижу».

Даже в самом горячем споре не следует давать воли худым чувствам и говорить: «Я терпеть не могу людей, которые гоняются за тряпками». Потому что, даже если человек заблуждается, это вовсе не значит, что он заслуживает ненависти. И терпимость в данном случае похвальнее нетерпимости.

Искать путь к другому человеку, искать понимания, убеждать — да!

С моим другом Валерой у нас на моду взгляды одинаковые. Один мальчик из параллельного класса обсмеял нас: «Тоже мне, современная парочка: ни джинсов, ни мага в руке, еще по парку гуляют». Я ударила его по щеке. А Володя (он очень вспыльчив), извините, «добавил». А что делать? Я не могла вытерпеть.

Светлана С., Краснодарский край.

Что делать? Умерить свою вспыльчивость. И отстаивать взгляды более человеческим способом. Не очень умная шутка мальчика, не представляющего, что в парке можно гулять и без магнитофона, не повод бить его по лицу. И извинить такую «вспыльчивость», такое поведение противников вещизма невозможно. Мнения мнениями, а вести себя надо по-человечески. Иначе тут в клубе «За и против» такое начнется...

На разных языках

К сожалению, и в дискуссии, и в жизни самое сложное — убедить человека, говорящего и думающего на другом языке. Не на иностранном, а на языке своего мирка, своей компании, своей семьи, своего общества. Вот и в клубе «За и против»... Есть ребята, которые говорят на одном языке: «Конечно, вещи не могут быть мерой жизненных ценностей», «Глупо выглядят те, у кого вещи — главное в жизни». И так далее. Эти ребята убеждают себя и друг друга в том, что им и без того хорошо понятно. Они говорят и думают на одном языке.

Но вот письмо.

Чтобы все как у людей? Чтобы не хуже соседей? А почему бы и нет?! Разве не приятно привести подруг в хорошо обставленную квартиру?

Лада Сергеева и Света Михайлова, г. Москва.

Это уже другой язык. И убедить первым вторых сложно.

Не только убедить, но даже добиться, чтобы тебя услышали. Потому что глухота тут не слуховая, а нравственная.

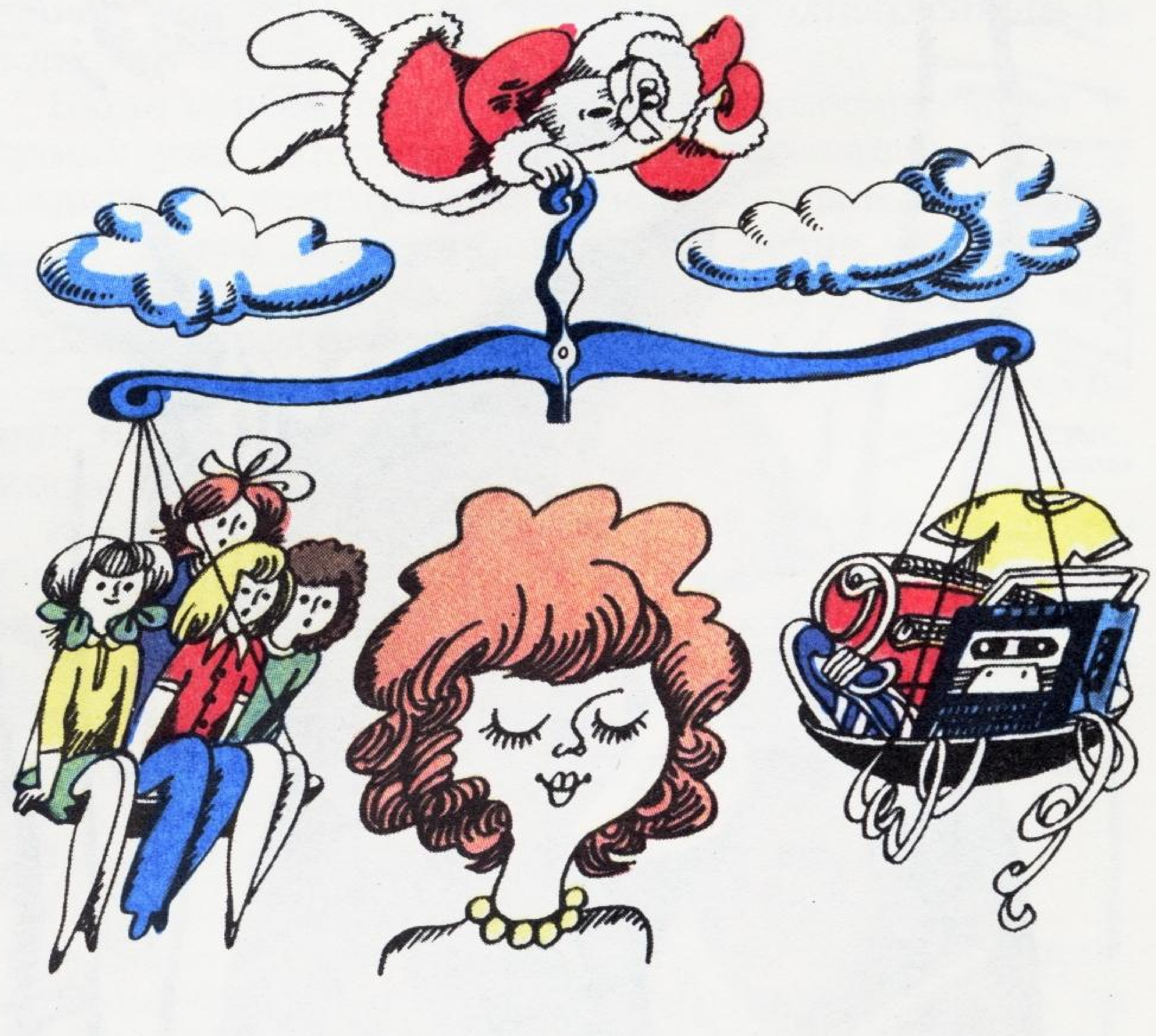
И все-таки попробуем понять этот другой язык. Вот простой вопрос: «Разве не приятно привести подруг в хорошо обставленную квартиру?» Казалось бы, девочки задают вопрос, на который трудно ответить отрицательно. Да, конечно, вроде бы приятно. Но я знаю ребят, у которых такой вопрос просто бы не возник.

Что значит «приятно привести подруг в хорошо обставленную квартиру»? А если квартира обставлена плохо, то встреча с подругами неприятна и поговорить будет не о чем? Или подруги не придут? Или придут и поморщатся? Или, может быть, это не подруги? И вообще имеет ли право дружить человек, у которого плохо обставлена квартира?

Я бы сказала, что Лада Сергеева и Света Михайлова изъясняются и думают на том довольно примитивном языке, в котором подруги, квартиры, магнитофоны стоят в одном ряду, через запятую, они равнозначны для Лады и Светы. И вот с этим соглашаться не хочется.

«Счастье никогда не ставило человека на такую высоту, чтобы он не нуждался в друге, — сказал Сенека», — пишет в своем письме Люда Мельниченко. Она говорит с ним на одном языке. Не на латыни. На общем языке души и ума. Ей легче понять Сенеку, чем Ладу Сергееву и Свету Михайлову.

Значит ли это, что Люде следует уединиться, замкнуться в обществе Сенеки и избранных друзей, говорящих с ней на одном языке? Думаю, что нет. Света и Лада существуют, пишут письма, у них есть единомышленники, которые любят приходить в хорошо обставленные квартиры и беседовать там на



своем немудрящем, простеньком языке. И стоит ли от этого отворачиваться? Человеку совестливому, наверное, невозможно. Он всегда будет искать пути преодолеть непонимание, самое темное, самое глухое. Всегда будет искать путь к душе другого человека.

И. ХРИСТОВАЯ

Рисунки Л. НАСЫРОВА.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ В «ПИОНЕРЕ»

Александр ДОРОФЕЕВ

СВЕТЯЩИЕСЯ БУКВЫ

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Всегда и повсюду я опаздывал. Началось это, когда самостоятельно я еще опаздывать не мог: меня возили в коляске.

Как-то зимой моя тетя Маруся везла меня через парк на санках по какому-то неотложному делу. Она очень спешила. А когда подошла к дому и оглянулась,—санки были пусты. Одни дощечки. Желтые и красные.

Все оборвалось внутри у тети Маруси. Так бывает, когда человек залезает в карман, где должен быть кошелек с деньгами, а кошелька-то нет. Только у тети, конечно, сильней оборвалось.

В ужасе тетя Маруся бросилась назад. Она уже забыла, по каким тропинкам мы ехали. А может, меня вообще украли? Тетя металась по парку меж сугробов. Смеркалось. С дерева на дерево мрачно перелетали вороны. Тихо и безлюдно было. Вдруг в конце аллеи тетя заметила человека в черном пальто. Он быстро шел к выходу из парка, держа в руках большой белый сверток.

Тетя Маруся побежала за человеком. Она даже не могла крикнуть: «Постойте! Погодите!» Человек скакнул в подошедший трамвай. Тот прощально дренькнул и покатил.

Тетя, помертвев, опустилась в сугроб. «Украли мальчика»,—повторяла она, глядя бессмысленно в одну точку.

А я, свалившись по дороге с санок, не припомню сейчас, с какой целью, тихонько лежал тем временем на снегу. В белой шубе, в белой шапке, в белых валенках. К тому же я, кажется, спал и не подавал голоса. Найти меня было непросто.

По счастливой случайности точка, в которую уставилась тетя Маруся, находилась рядом со мной.

Вдруг поблизости раздались шаги. «Ты здесь?»—услышал я мамин голос.

Стоило тете моргнуть, как она сразу меня и обнаружила.

Потом мне еще долго казалось, что тетя подозревает, будто я нарочно вывалился из санок и пытался спрятаться.

Это был мой первый проступок.

Когда мама на меня особенно сердилась, она говорила, что я — это вовсе не я, а чужой мальчик, который в тот вечер просто так лежал в парке на снегу. Меня же настоящего, хорошего, увез на трамвае дядька в черном. Настоящий я, конечно, не врет и не опаздывает. Радует своим поведением похитителей.

И приходилось мне задумываться: я это на самом деле или не я? Иногда казалось: не я — кто-то другой, и довольно противный! И еще хотелось повстречаться с тем мальчиком, которого на трамвае увезли — много ли он лучше? Может, ничего особенного...

Но что касается опозданий — тут со мной трудно сравниться. Если мама говорит: «Приходи не позже пяти!» — я обязательно явлюсь часов в семь. И без злого умысла! Все была половина пятого, без четверти... И вдруг — семь.

Тогда мама начала делать поправку на опоздание. Если она хотела, чтобы я был дома к пяти часам, отпускала до трех. А весной, чтобы я вернулся к пяти, маме вообще нужно было говорить: приходи к часу. А я в час только из дому выхожу! Получалось, что вообще нечего высовывать нос на улицу.

Обычно я возвращался домой с тяжелой совестью. Оправданий не было. Ну, играли в лапту... Катались с Пашкой Степановым на свинье. Да, свинья оказалась изрядной скотиной! Такой черный хряк с розовыми пятнами. Никак не удавалось на него порядочно усесться. Хрюкнет и выскользнет... Пашка в лужу упал.

Приходилось рассказывать что-нибудь убедительнее.

— Мама,— говорил я,— мы с ребятами искали растение сурепку.

— Какая сурепка?! — вскрикивала мама.— Еще травы нет!

— Мы и не нашли,— горестно соглашался я.

И живо представлял себя сурепкой. Маленький, желтенький. Немного увядший. Бедная репка, которую зовут Су. На глазах начинал я увядать.

Однажды в поселковый магазин завезли платки — по ночному черному фону золотая надпись: «Уж полночь близится, а Германа все нет». Мама нарочно купила такой платок и укоризненно заворачивалась в него, когда я опаздывал. Ох, до чего ясно видел я, как этот несчастный Герман тащится домой после полуночи, прикидывая, чего бы такое соврать.

— Ну вот и Герман явился,— говорила мама, встречая меня у дверей.

Грубое какое имя! Герман! Зловещее имя. С таким только после полуночи и являться.

Но однажды зимой, отпуская меня гулять, мама сказала:

— Раз уж ты ничего не помнишь, носишься как угорелый, буду записывать у тебя на лбу.

И она действительно быстро начертила пальцем на моем лбу какие-то линии.

— Я написала «четыре». Чтобы в это время дома был!

«Вот новости,— подумал я.— Шутки, как с маленьким».

Но выйдя на улицу, потер все же лоб снегом. Было пусто на улице. Только у своего крыльца, как столб, стоял Сережа Ширварли. Он поглядел на меня и сказал, что через час ему нужно быть дома и далеко уходить не хочется — очень похоже на Сережу Ширварли.

И уговаривать его не стоило бы, если б не было так пустынно и одиноко на улице. Пришлось немного протащить за собой Сережу Ширварли, а потом он и сам пошел.

Мы стали играть в заброшенном экскаваторе, стоявшем на высоком берегу Алдана. Его стрела, похожая на пожарную лестницу, торчала прямо над рекой. Открывалась и громко захлопывалась тяжелая дверь. Сквозь пустые окна экскаватора виднелась внизу замерзшая река.

Порядочно мы полетали, орудуя высокими рычагами и воображая, что это самолет, над тайгой и Алданом. И Сережа Ширварли вздыхал и говорил каждую минуту: «Мне пора!»

Но мы пошли на посадку, только когда начало смеркаться.

И вдруг остановился пропеллер. Я быстро выбрался через окно и пополз по «крылу». «Крыло» обледенело — варежки прилипали к нему, а ноги скользили. А Сережа Ширварли закричал вдруг, что прыгает с парашютом, потому что мы как раз над его домом. Я показал кулак.

Чем выше я поднимался, тем сильнее налетал ветер. Казалось, и правда я лечу над Алданом.

Я поглядел вниз и неожиданно увидел перед собой весь поселок. Водокачка, клуб, школа, магазин, конюшня... Баня, бочка водовоза Колодезникова. А рядом с ней маленький Сережа Ширварли — торопится домой.

— Эй! — закричал я.— Стой!

Все, кто был на улице, обернулись, лошадь Колодезникова мотнула головой. Только Сережа Ширварли не обернулся, прибавил ходу и свернул к своему дому. Я остался один над поселком, на железной стреле экскаватора, как заблудившаяся в небе птица. А поселок подо мной будто медленно погружался в темную пропасть.

Торопливо я начал спускаться — ноги скользнули, руки промахнулись. Резко дернуло сзади — я повис под стрелой экскаватора, подцепленный за хлястик каким-то крюком.

Было совсем тихо. Только ветер посвистывал. В домах уже загорались окна. Я извивался в своем пальто, но уцепиться за стрелу не удавалось. Хлопали двери в домах, звякали ведра. Откуда-то слышалась музыка. А я по-прежнему висел под стрелой, продуваемый ветром.

— Эй! — крик выпорхнул у меня, как бесшумная ночная птица. Стыдно кричать во весь голос, когда подцеплен за хлястик.

Я видел, как по освещенной улице спешат люди. Они шли по земле. Мне казалось, что я смотрю на наш поселок с далекой звезды, всеми уже позабытый. Наверное, Сережа Ширварли теперь сидит дома, чай пьет, усмехается. Да и мама, верно, махнула на меня рукой — пускай такой пропадает, одно горе с ним.

И вдруг поблизости раздались шаги.

— Ты здесь? — услышал я мамин голос.

— Да,— сказал я. И неожиданно тихо заплакал.

Мама быстро добралась до меня и втащила на стрелу. Очень медленно спускались мы на землю.

— Как ты меня нашла? — спросил я.

— Буквы на лбу светились,— сказала мама.— Да и без того отыскала бы — ты же звездочка моя!

Она подняла меня на руки. Снег громко скрипел под ее ногами. И звезды покачивались неподалеку в небе.

КИЕВ

С высокого берега Днепра далеко виден чудный город — в садах, под синим небом привольно раскинулся он. Таким увидел его летом грозного 41-го Гайдар. Только совсем не мирным было небо над Киевом: на город наступали фашистские армии, не прекращались бомбардировки и артобстрелы. Два с половиной месяца продолжалась оборона столицы Украины. Оборона эта нарушила стратегический план гитлеровцев и задержала наступление их армий на главном — московском направлении. После тяжелых боев Киев был оставлен. В городе начали действовать подпольный горком, партизаны. И Гайдар от Киева начал свой партизанский путь.

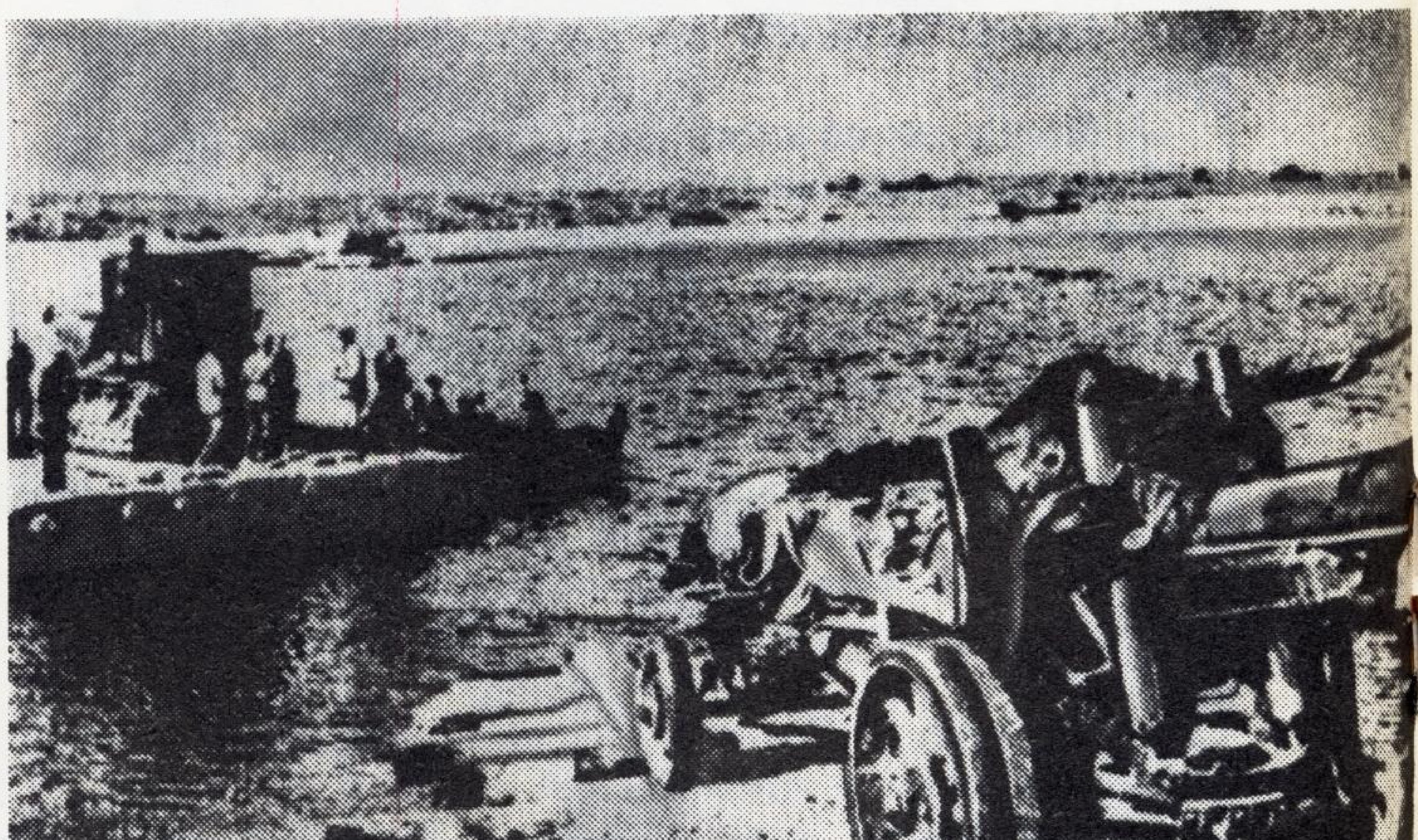
Нельзя сломить человека, если он знает: Родина в эту тяжелую годину ждет его хотя бы малой помощи и верит в него. Так же, как человек верит в свою Отчизну. Обычный киевский мальчишка Костя Кравчук верил, что настанет час освобождения, и, как символ Родины, хранил два полковых знамени. Потом, когда Киев освободят, знамена эти пронесут на параде, а Костя будет стоять рядом с командующим 1-м Украинским фронтом Н. Ф. Ватутиным и на груди мальчишки будет сиять орден Красного Знамени. Но до этого дня еще далеко...

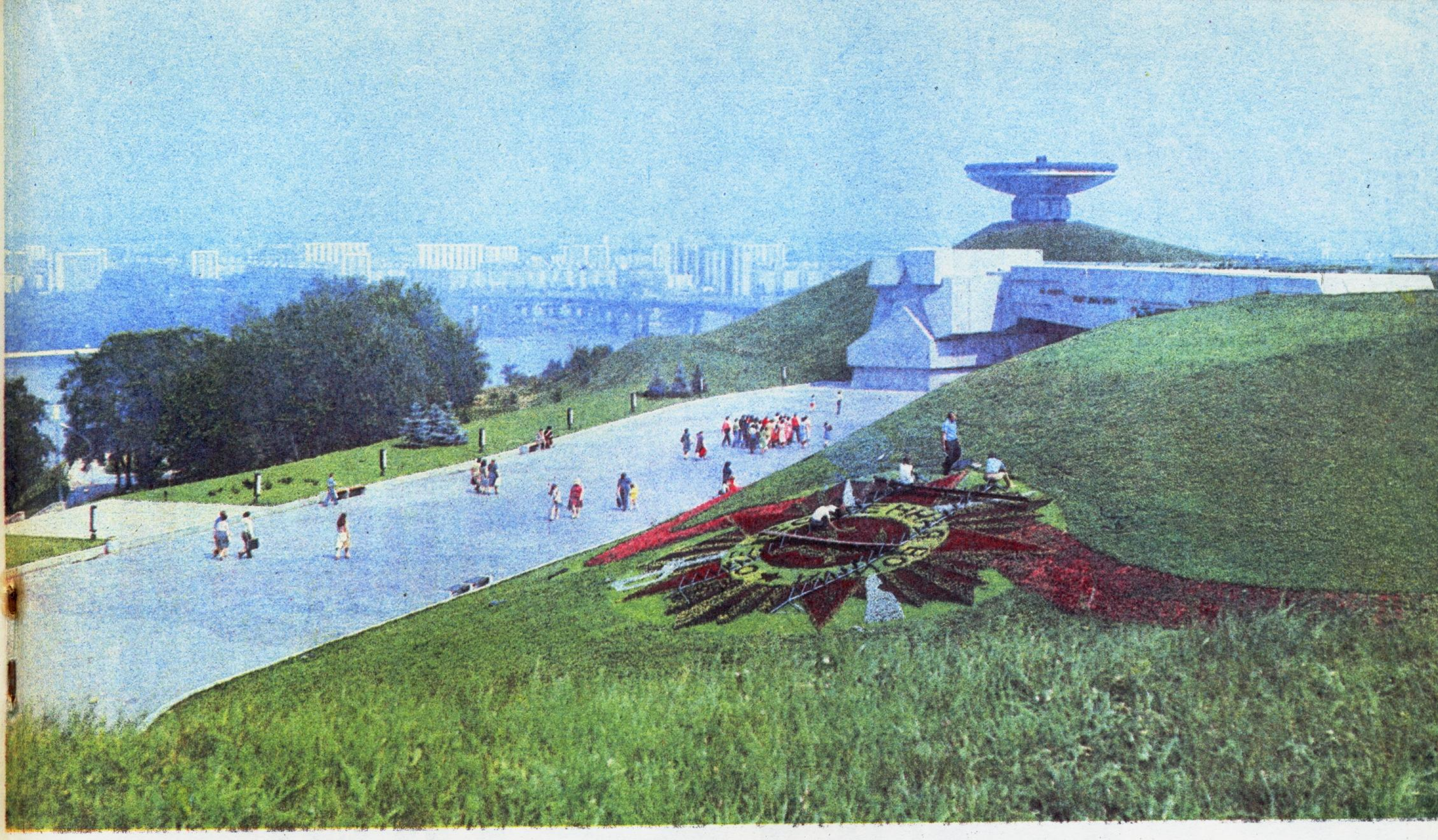
В сентябре 1943 года советские войска начали битву за Днепр. Великая река была серьезной преградой на пути к Киеву, а за ней наших воинов ждали еще и укрепления «Восточного вала». Но ни воды Днепра, ни «Восточный вал» не остановили советских воинов. Закрепившись на западном берегу, они начали наступление на Киев. Вместе с советскими войсками участвовала в наступлении и 1-я Чехословацкая отдельная бригада Людвика Свободы, который затем стал президентом ЧССР, а среди партизанских отрядов сражался и партизанский чехословацкий отряд Героя Советского Союза Я. Налепки. Так, сражаясь плечом к плечу, наши народы крепили свою дружбу.

Под ударом Красной Армии дрогнула и сломалась оборона гитлеровцев. Враг начал откатываться на запад. 6 ноября 1943 года Киев, столица Советской Украины, был полностью очищен от захватчиков. Двадцать шестую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции город встретил свободным.

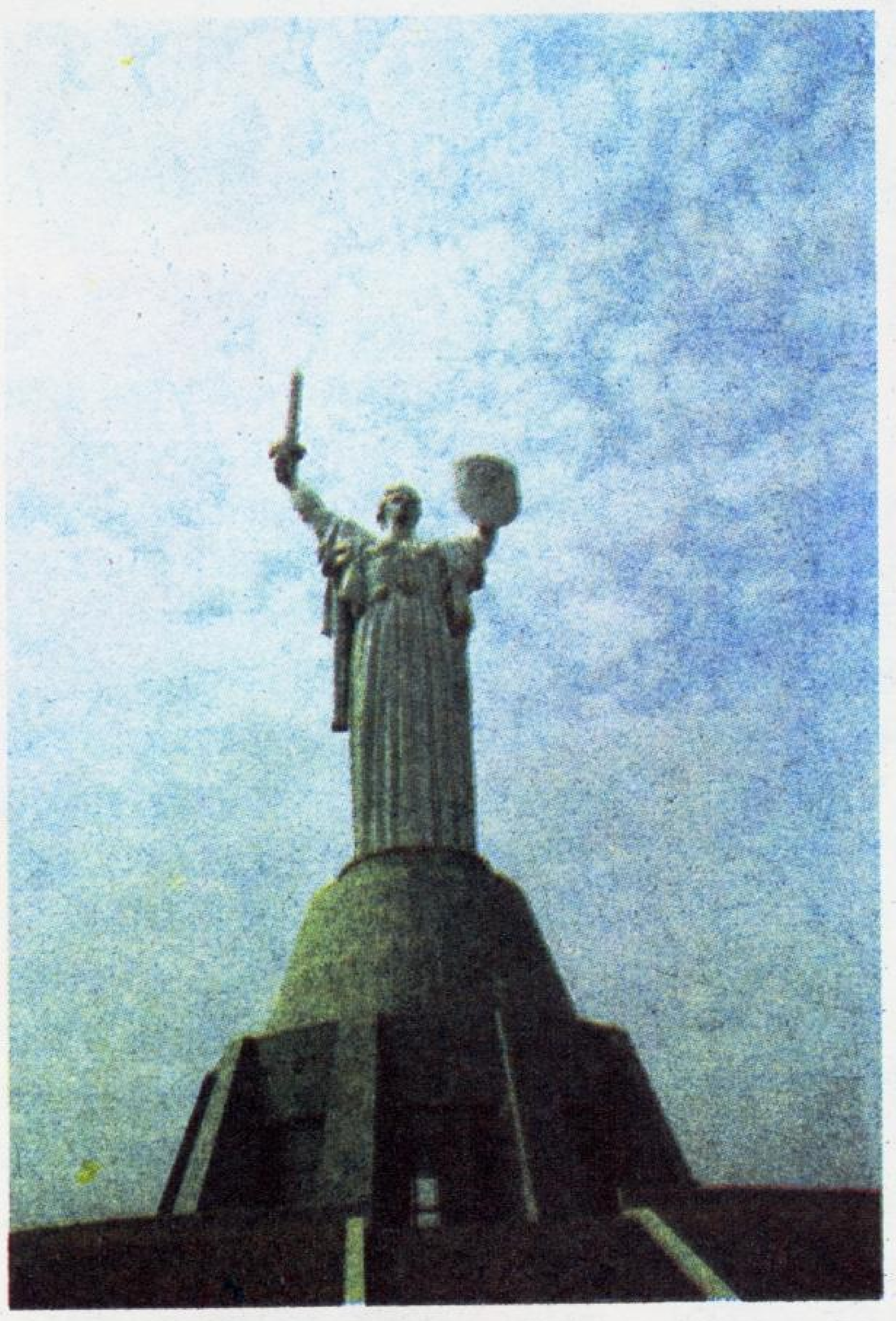
Фотографии В. АРСИРИЯ.

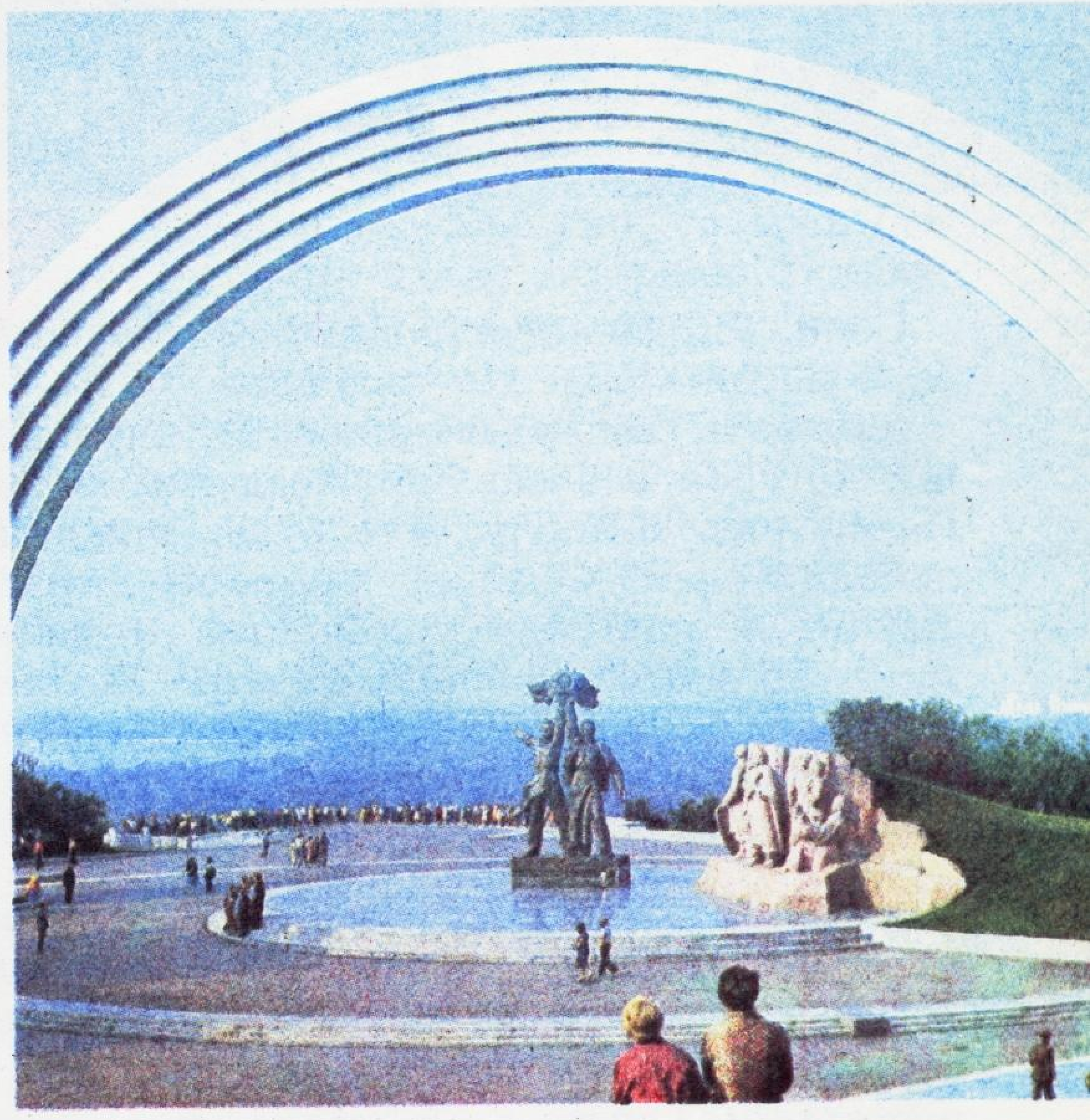
Даже самая малая речка — преграда для человека, что же было говорить о великом Днепре? Но солдатское мужество и находчивость — всегда вместе. И вот уже наведены мостки, вот уже плывут от левого к правому берегу понтоны с артиллерией... Впереди — Киев. И пусть еще ждут солдат бои на его улицах, освобождение столицы Украины — недалеко.





Музей Великой Отечественной войны встречает величественной тишиной, которую нарушает только шелест трав да звон днепровской воды. И тишина эта будит в нашей памяти раскаты орудий, взрывы бомб, приказы командиров — голоса далекого 43-го года.





Радугой встает над Днепром арка в честь воссоединения Украины с Россией.

Киев прекрасен во все времена года, но особенно летом, в зеленом уборе листвы.

М. МАТВЕЕВА

НА СЦЕНЕ И ЗА КУЛИСАМИ!

Сочи. VIII Международный молодежный фестиваль песни «Красная гвоздика».

Двадцать семь участников. Международное жюри, которое возглавляет композитор Александра Пахмутова. Конкурс: кто будет признан лучшим исполнителем? Семинар — серьезный разговор музыкантов, поэтов, журналистов и политиков на тему «Роль песни в борьбе за мир». Встречи, шутки, рассказы о своей стране в интерклубе. И печаль при расставании: когда увидимся еще? Все это — фестиваль. Он стал сегодня историей...

* * *

В Сочи холодно. Море штормит. В открытом всем ветрам летнем фестивальном зале целый день идут репетиции. Оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио разучивает десятки незнакомых песен. Певцы привыкают к залу, к сцене, некоторые стесняются — впервые поют под аккомпанемент оркестра.

Дирижер Петр Сауль после каждого выступления подбадривает певцов, постукивая дирижерской палочкой по ладони. Пианист завернулся в чехол от рояля... Ветер сдувает с пюпитров ноты... Певцы замотали шеи шарфами...

Участник фестиваля португалец Фернанду Перейра прибегает в буфет, врезается в группу журналистов и по-английски спрашивает, как ему попросить стакан чаю и бутерброд с сыром. Ему объясняют. «Чай-сыр, чай-сыр»,— повторяя вслух, чтобы не забыть русские слова, Фернанду пробивается к стойке.

А на улице дождь, проливной, стеной... Вода несется по приморским лестницам, как по порогам. Ноги промокают в одну минуту, и зонт не спасает.

Билеты на фестиваль во всех кассах распроданы. Два подростка умоляюще застыли в дверях пресс-центра: вдруг журналисты расщедрятся и подарят им пригласительные?

* * *

И вот открытие фестиваля. Торжественный концерт. Выступают лауреаты предыдущих лет. Участники нынешнего конкурса сидят пока в зрительном зале.

Тамара Гвердцители поет: «Мир — какое небо надо мной... Мир — какие зори впереди...»

Песня заставляет меня вспомнить одно прекрасное утро здесь же, в Сочи. Пять часов. Тихое-тихое море. Бездонное небо. Нет ни лодок, ни людей на пляжах. Медузы, розовые и голубые, как маленькие летающие тарелки, загадочно проплывают в воде. Над морем встает солнце. Желтое, во весь горизонт. Мир и покой чувствуешь в такое утро. Я слушаю песню Тамары Гвердцители и думаю: а если начнется война? Солнце будет вставать все так же и освещать безжизненную планету, с которой исчезли люди, звери, птицы, травы. Все живое. Даже медузы — холодные и малоприятные красавицы. Тот, кто голосует сегодня за ядерные ракеты, за войну, хочет зари над безжизненной Землей? Какие зори ждут нашу планету впереди, зависит от нас, люди!

На сцену выходит группа «Тепеуани» из Сальвадора. «Тепеуани» на языке древних индейцев значит «Победители битв». Листаю пресс-бюллетень, в котором журналисты могут найти некоторые сведения об участниках и гостях фестиваля.

В 1980 году ансамблю пришлось покинуть родину: проамериканскому правительству не понравились их песни. Сейчас музыканты живут в Никарагуа.

Они поют о том, что простому народу Сальвадора не нравится, когда правительство США вмешивается в жизнь их страны. Их музыка пропитана народным духом, ритмом. По ходу песни они перебрасываются фразами, имитируя многоголосый говор толпы. Кажется, что выступают они не на сцене, а на площади у себя дома.

Соединенные Штаты хотят заставить сальвадорцев жить по своим законам. Заставить их петь чужие песни на чужом языке. Но сальвадорцы не хотят этого, они хотят и имеют право жить по законам своей родины. Чужие законы, чужая культура и история им не нужны.

* * *

Семинар. Все собрались в небольшом зале. Обсуждают, что молодежь может сделать в борьбе за мир, если ее оружие — песня. Участники фестиваля рассказывают, как проходят праздники политической песни, митинги и демонстрации в их странах. В легкий гул сливаются голоса переводчиков. Фотокорреспонденты снимают беседующих певцов. Художник пишет портрет Тамары Гвердцители. Поэт Лев Ошанин вспоминает, как на III фестивале молодежи и студентов в Берлине миллионная толпа на площади запела «Гимн демократической молодежи» — его песню. И как он плакал от радости, прижатый толпой к стене дома. Член жюри болгарин Бисер Киров просит слова: только что, здесь, он написал новую песню.

«Быть или не быть? Вот в чем вопрос»,— спел он две первые строчки по-английски. А дальше он пел по-болгарски, и мы почти не понимали слов, но замысел певца поняли. Когда-то этот вопрос задал себе датский принц Гамлет — герой пьесы Шекспира. Гамлет сам выбирал, «быть или не быть». А сейчас этот вопрос волнует все человечество. Если все мы, люди, протестующие против войны, мы, большинство, не будем бороться за «быть», безумное меньшинство может решить за нас, выбрав «не быть»...

* * *

Участники фестиваля тянут жребий, кому за кем выступать. Мы заглянули в зал в тот момент, когда все хохотали над «везением» афганского певца Вахида Сабери: он трижды вытянул 27-й номер, на всех трех турах конкурса ему предстоит петь последним. Мы тут же познакомились с Вахидом.

Он служит в армии, поет в армейском ансамбле. Хотя Вахид молод, он уже семь лет член Народно-демократической партии Афганистана, и ему приходилось выполнять много рискованных партийных заданий. При режиме Амина Вахид странствовал с музыкальным ансамблем по городам. В футлярах инструментов он перевозил листовки, призывающие свергнуть Амина и изменить жизнь в Афганистане. А сейчас Вахид выступает перед защитниками революции. Бывало, что во время концерта бандиты обстреливали их импровизированную сцену.

Музыке Вахиду учиться пока не довелось, нот он не знает. Но слух у него настолько хороший, что даже слова незнакомого русского языка в песне «Катюша» он произносит почти без акцента.

* * *

И начался конкурс!

Мы, журналисты, болели за всех певцов вместе и за каждого в отдельности. Мы уже со многими познакомились. У многих взяли интервью. И каждому участнику фестиваля мы желали успеха.

И зрители правильно поняли, что в этом фестивале, несмотря на конкурс, не может быть победителей и побежденных, раз все участники в своих песнях призывают нас к миру, осуждают войны и социальную несправедливость. Одинаково радушно зал аплодировал и Радику Гарееву, советскому оперному певцу, окончившему консерваторию, и непрофессиональному певцу из Японии Томоичи Исоно. Когда Томоичи запел «Наш адрес — Советский Союз», зал по мелодии узнал эту песню, но только с четвертой строчки разобрал, что поет Томоичи по-русски. Но когда понял, прервал песню радостным гулом и аплодисментами.

Певцы на фестивале не чувствовали себя конкурентами, хоть участвовали в конкурсе. Они подбадривали и поддерживали друг друга, потому что делали единое важное дело: призывали людей к МИРУ.

Сильно простудилась аргентинка Патрисиа Андраде. И не было на фестивале, наверное, ни одного человека, который не рассказал бы ей, как лечатся от простуды на его родине, и не посоветовал бы, какое лекарство надо принять.

Каужеуа Джексон из Намибии не успел закончить репетицию в отведенное для него время. А как раз выдался жаркий день, и всем хотелось в свободный между репетициями час искупаться в море. Но музыканты остались с Каужеуа в зале, хотя время их работы кончилось. Еще и еще раз играли ему мелодию песни...

* * *

Мы подождали, пока Каужеуа кончит репетировать, и попросили его рассказать о себе.

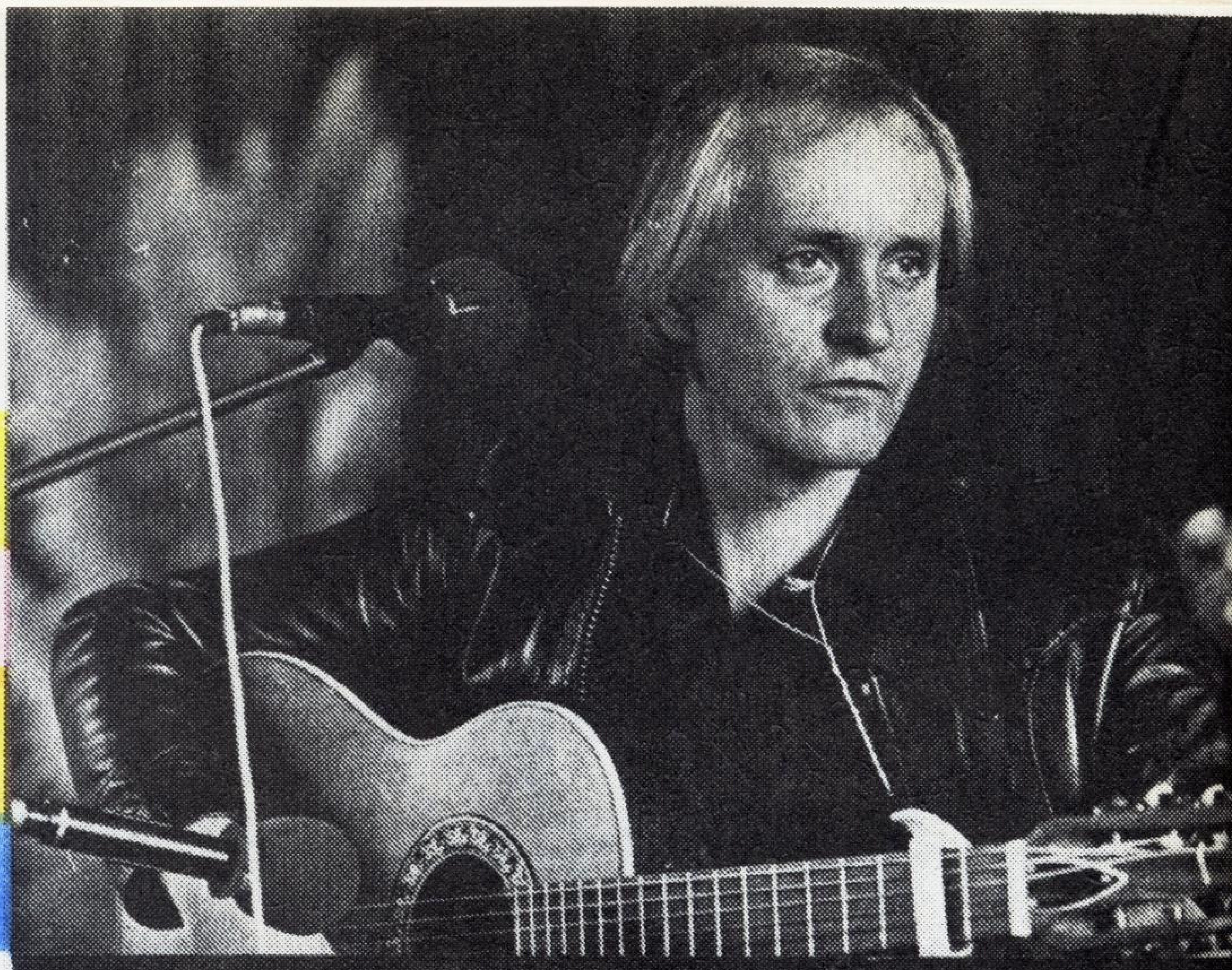
Он из крестьянской многодетной семьи. В детстве

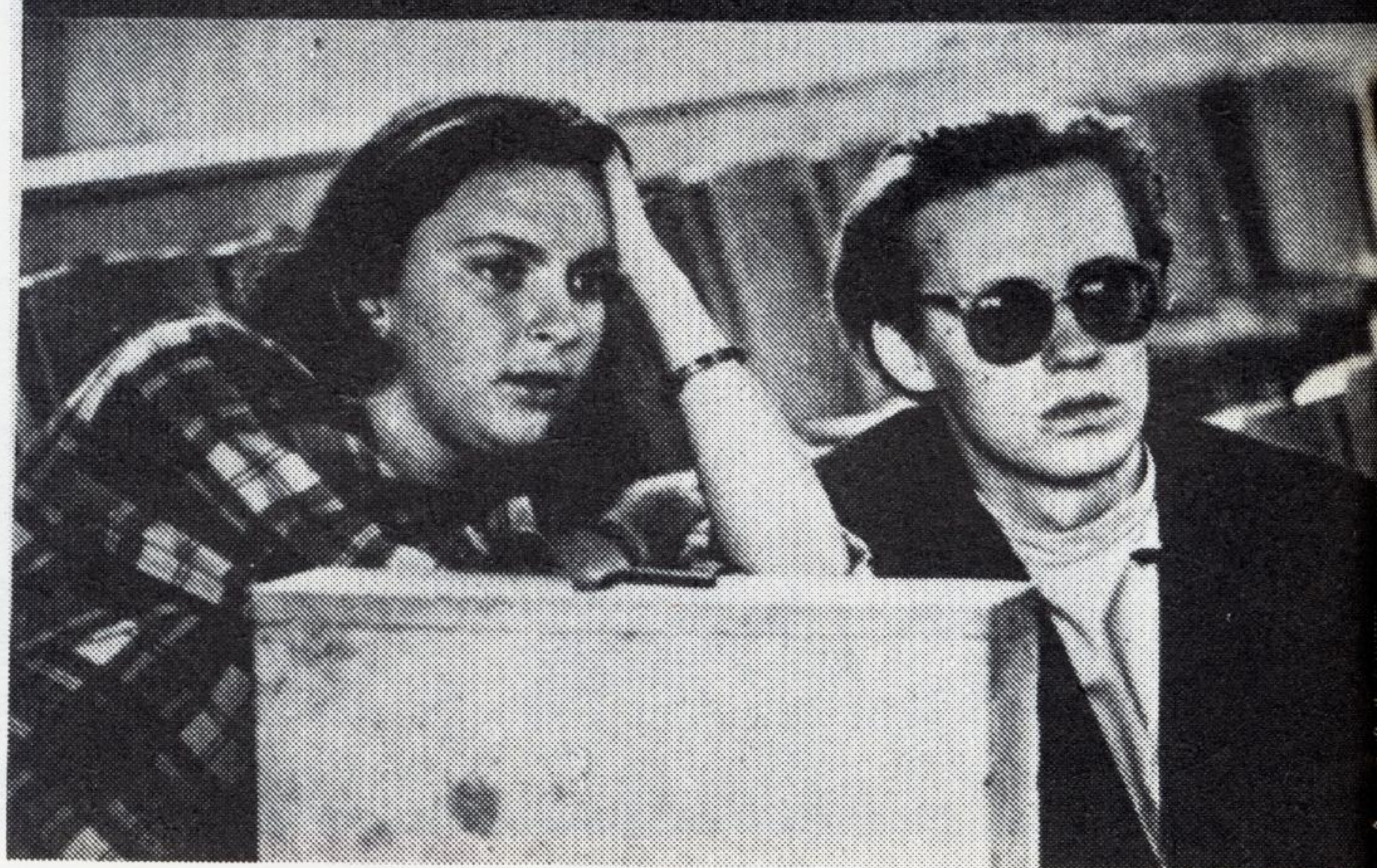
жил на юге страны. А в семидесятых годах, когда колониальное правительство ЮАР выселяло коренных жителей Намибии на бедные, неплодородные земли, семье Каужеуа пришлось перебраться на север. Правительство постаралось освободить от черного населения не только участки, пригодные для земледелия, но и районы, богатые природными ресурсами. Чтобы иностранные монополии могли беспрепятственно выкачивать полезные ископаемые из Намибии.

Каужеуа хотел учиться пению, но для него, коренного жителя, это было непросто. Поехал в ЮАР, чтобы в колледже изучать теорию музыки, но через полгода из колледжа был исключен и выслан из страны. Потому что стал членом студенческой организации, которая осуждала порядки в ЮАР. Одна из христианских организаций в Намибии выхлопотала ему стипендию для обучения в ФРГ, но... Колониальное правительство не собиралось потакать юным бунтарям, как бы талантливы они ни были, и поехать учиться в Европу Каужеуа не разрешили.

Каужеуа сейчас живет в Анголе. Преподает детям музыку, сочиняет песни, поет. В Намибии его песни запрещены. Нельзя произносить даже имя Джексона. Потому что все песни Каужеуа зовут людей на борьбу против колониализма. Поет он их в народном, традиционном стиле, на всех наречиях Намибии, чтобы понятны они были каждому.

На фестивале он исполнил песню, которая кончалась речитативом на английском языке. Каужеуа призывал страны объединиться на борьбу за национальную независимость: Танзания, Мозамбик, Зимбабве, Ливия... И вот он уже отходит от текста песни и выкрикивает в зал, обращаясь к тем, кто там сидит: нам всем надо объединиться, чтобы отстоять независимость и мир.





На сцене — Андреас Брауэр, Западный Берлин.

Яри Кнуутинен из Финляндии и никарагуанская певица Катя Карденаль — старые знакомые. Сейчас они вновь встретились в Сочи.

* * *

Журналисты забегают в пресс-центр, звонят в свои редакции, обмениваются новостями.

«Вы еще не расспрашивали Андреаса Брауэра? — разговаривают два корреспондента.— Очень интересный человек, философ...»

Надо разыскать Брауэра, делаю я пометку в блокноте. Как он выглядит? Кто его переводчик?

Андреас живет в Западном Берлине. Он певец, композитор, пианист. Учился в консерватории, пел в оперном театре.

В 1968 году в Западном Берлине одна за другой шли демонстрации студентов против вмешательства США в войну во Вьетнаме. В это время в город приехал шах Ирана и посетил оперный театр. Полиция переусердствовав в охране высокого гостя, на глазах у Андреаса застрелила студента. С той минуты Андреас решил, что в здание театра он больше не войдет, пусть из-за этого ему придется расстаться с карьерой оперного певца.

Андреас начал участвовать в концертах, которые давала организация «Борцы за мир». Они ездили по ФРГ, выступали бесплатно, в песнях говорили о своем отношении к войне и ко всему, что происходит в мире...

«ФРГ — это страна, где будут размещены ядерные ракеты США,— говорит нам Андреас (тогда, в сентябре, решение было принято, а сейчас ракеты уже размещены).— А 75 процентов населения этого не хотят. Как заставить политиков прислушаться к мнению большинства? Можно так, как это делаю я: о своих взглядах и взглядах большинства я заявляю в песнях. А можно так, как это сделали профсоюзы: провели по всей стране пятиминутную забастовку против размещения ядерных ракет. Вам может показаться, что пять минут — это пустяк? Но профсоюзы у нас пока ни разу не выступали по политическим вопросам, это их первый шаг. Никто из нас в одиночку гонку вооружения не остановит, но если мы будем молчать, мир мы не спасем».

* * *

На одном из туров конкурса участники фестиваля должны были спеть русскую или советскую песню. На сцену вышел финн Яри Кнуутинен и запел «Матушку».

Как странно, необычно она звучала. Будто нашу русскую песню — плач девушки, которую насильно выдают замуж за нелюбимого человека,— пел американский негр с заунывными, джазовыми интонациями. Нам казалось, что плач всех угнетенных, всех бесправных народов слился в этой песне, чтобы стать нам ближе, понятней.

Яри стоял на сцене в черной бархатной блузе с красным бантом на рукаве. Наряд его был символом боли за сегодняшний день планеты.

Яри 26 лет. Он потомственный музыкант: и отец, и дед — композиторы.

В Финляндии есть такая традиция: деньги, заработанные гражданами в определенный день года, передаются в фонд помощи развивающимся странам. В 1982 году финны должны были перевести деньги народу Никарагуа. Но газеты и телевидение почти ничего не рассказывали о том, что происхо-

дит в странах Латинской Америки. И тогда роль пропагандиста взяла на себя группа «Седьмой мир». Они ездили по всей стране, утром выступали в школах, вечером перед взрослыми. В песнях говорили о судьбах народов Никарагуа, Сальвадора, показывали слайды, включали магнитофонные записи с голосами латиноамериканских певцов. С группой ездила никарагуанская певица Катя Карденаль. Музыку для этой программы сочинил Яри. А с Катей он встретился вновь в Сочи.

* * *

Закончен фестиваль.

Жюри посовещалось и присудило Гран при — высший приз — советскому певцу Радику Гарееву. Первое место поделили Андреас Брауэр из Западного Берлина и Патрисиа Андраде из Аргентины. Все остальные участники фестиваля увезли из Сочи поощрительные награды, дипломы, сувениры.

Не только для того, чтобы принять участие в конкурсе и получить призы, приехали певцы на наш фестиваль. Их тревожит другое. Как не допустить войну? Как поднять на борьбу за мир все народы планеты?

Мы рассказали вам о певцах молодых и все-таки людях взрослых. Но забота о мире — дело не только старших поколений. Во время подготовки к XII Всемирному фестивалю в Москве в общем хоре борцов за мир должны звучать и голоса детей. И пионеры могут петь антивоенные песни, проводить в школах фестивали, участвовать в антивоенных митингах, посылать свои протесты против войны в международные организации...

Очень важно, чтобы вы, ребята, уже сейчас были знакомы с политической песней. Песня — мощное оружие. Недаром фашистские, диктаторские режимы так боятся ее. Греческие «черные полковники» — военные диктаторы Греции в конце 60-х — начале 70-х годов — запрещали песни Микиса Теодоракиса, а колониальное правительство Намибии запрещает сегодня песни Каужеуа Джексона.

Песня приближает к человеку боль и беды других народов. Она поможет разобраться в политических вопросах. А мы хотим, чтобы вы, школьники, уже сейчас понимали, что происходит в мире. Твердо знали, что такое дружба, мир, солидарность.

Фотографии И. ГАВРИЛОВА и В. МАШАТИНА.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Каужеуа Джексон из Намибии.

Аргентинка Патрисиа Андраде поет о родном доме. И слушающий ее сальвадорец тоже загрустил.

На репетиции дирижер Петр Сауль и Вахид Сабери из Афганистана объясняются жестами. И прекрасно понимают друг друга.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Андрюс КРИВАС живет в Перми, учится в школе № 15, перешел в 8-й класс.

Летняя гроза

Серебряною пеленою
Скрыт горизонт, и солнца нет,
Блистает молний сизый свет
За тусклой дождевой стеною.
И гром кому-то угрожает,
Как будто о скалу волна
Со страшным шумом ударяет.
Душа моя упоена!
Мне тихий, праздный чужд покой.
Я сам желаю стать грозой!

В океане

Взыгралось море, черны тучи
Стрелами молний пронзены,
Валы все больше, выше, круче
Над кораблем занесены.

И кажется, что судно — щепка —
Подвластно буре и волнам,
Но все ж, в штурвал вцепившись крепко,
Ведет корабль свой капитан...

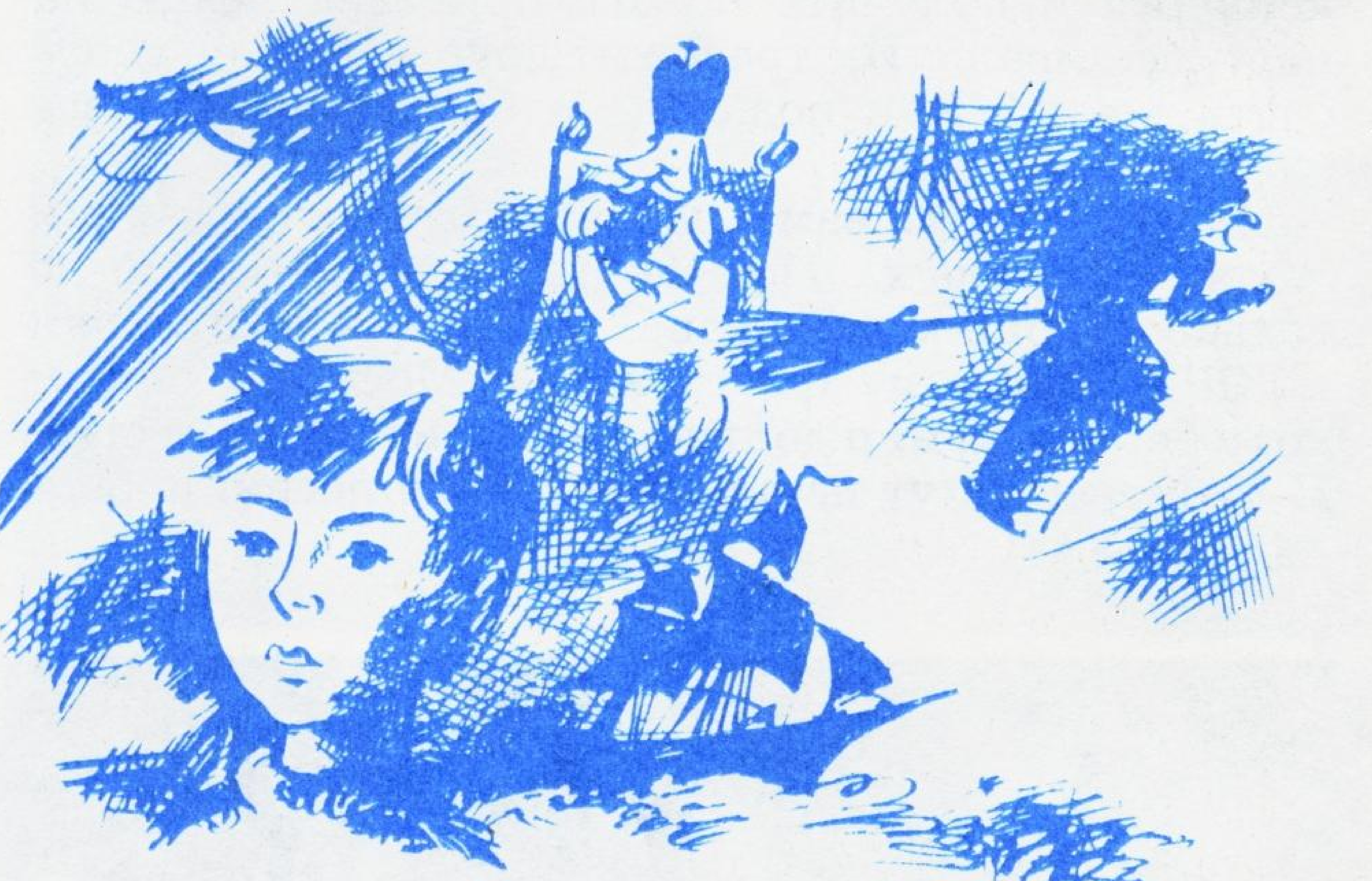
И вот, давая крен на борт,
Но флаги гордые поднявши,
Приходит все же судно в порт,
И все, что было,— уж не страшно.

Когда судьбы жестокий вал
Грозит тебе, борись отважно,
Чтоб луч надежды не пропал,
Ведь это очень, очень важно.

В судьбе своей ты — капитан.
Плыви ж по жизни, как по морю,
И покоришь ты океан,
А слезы не помогут горю.

Сказки

Ты вспомни: детство, тихий вечер,
И вот сидишь ты у окна,
За ним — зима, и воет ветер.
С тобою — бабушка. Она
Тебе рассказывает сказки,
И непогода не скучна.
Ты видишь: теплая страна,
Сидит король на троне глупый,
Летит колдунья в быстрой ступе,
Тебе немножечко страшна...
Волшебник, витязи, война
И званый королевский пир...
Да! Сказки — это целый мир!



Женя БОГОЛЮБОВ, ученик 7-го класса школы № 13 г. Владивостока.

С некоторых пор мы с папой решили часть каникул по возможности проводить вместе. И вот уже три года так мы и делаем. Много путешествуем вместе. При этом бывают разные интересные случаи. Вот некоторые из них.

Бухта Табунная

Недалеко от Владивостока есть бухта, на берегах которой растет пышная трава, а на красивых холмах — дикий лес. В лесу и на лугах пасутся большие стада прирученных оленей.

Дальневосточного оленя называют за его красивую пятнистую шерсть «олень-цветок». Этих оленей держат для того, чтобы каждую весну спиливать рога — панты: из них делают лекарство пантокрин, очень ценное.

Наши палатки стояли недалеко от бухты. Однажды мы видели два табуна оленей, почти бесшумно проносившихся в высокой траве недалеко от нас. Это было очень красиво. Олени мелькали в траве, как огромные бабочки.

Ловцы трепангов

Еще я видел, как ловят трепанга, или, как его иногда называют, «морской огурец»,— ценное морское существо, целебное и очень-очень вкусное, когда его поджарят.

На юге нашего Приморья на дне океана, там, где есть камни и трава, живут трепанги: они выползают на теплые камни погреться. Там их и ловят.

Размером трепанг — с огурец и с такими же пупырышками. Только цвет у такого «огурца» не зеленый, а коричневый.

Говорят, что очень редко попадается белый трепанг. Найти трепанга-альбиноса — большая удача.

Трепанги совсем не страшные, они только очень скользкие и в воде кажутся намного больше, чем на самом деле.

Находятся они на глубине 3—5 и более метров. Поэтому ныряют за ними в ластах, в маске и с трубкой.

Однажды папа надел гидрокостюм, свинцовый пояс, маску, ласты, взял трубку и сказал, что будет нырять за трепангами и чтобы я внимательно следил за ним. Он сказал, чтобы я считал до шестидесяти и, если он не вынырнет после этого, позвал бы людей спасать его.

Все шло хорошо. Папа нырял, собирал в сетку трепангов, брызгал струей воды и фыркал, как кит. Потом снова нырял, показывая над водой свои черные ласты.

Но вот папа нырнул, и я стал считать, досчитал до 60, потом до 100, потом до 130. Папы все не было. Я испугался, заплакал и бросился звать на помощь. Но тут папа вынырнул, зафыркал, как морж, и помахал мне рукой.

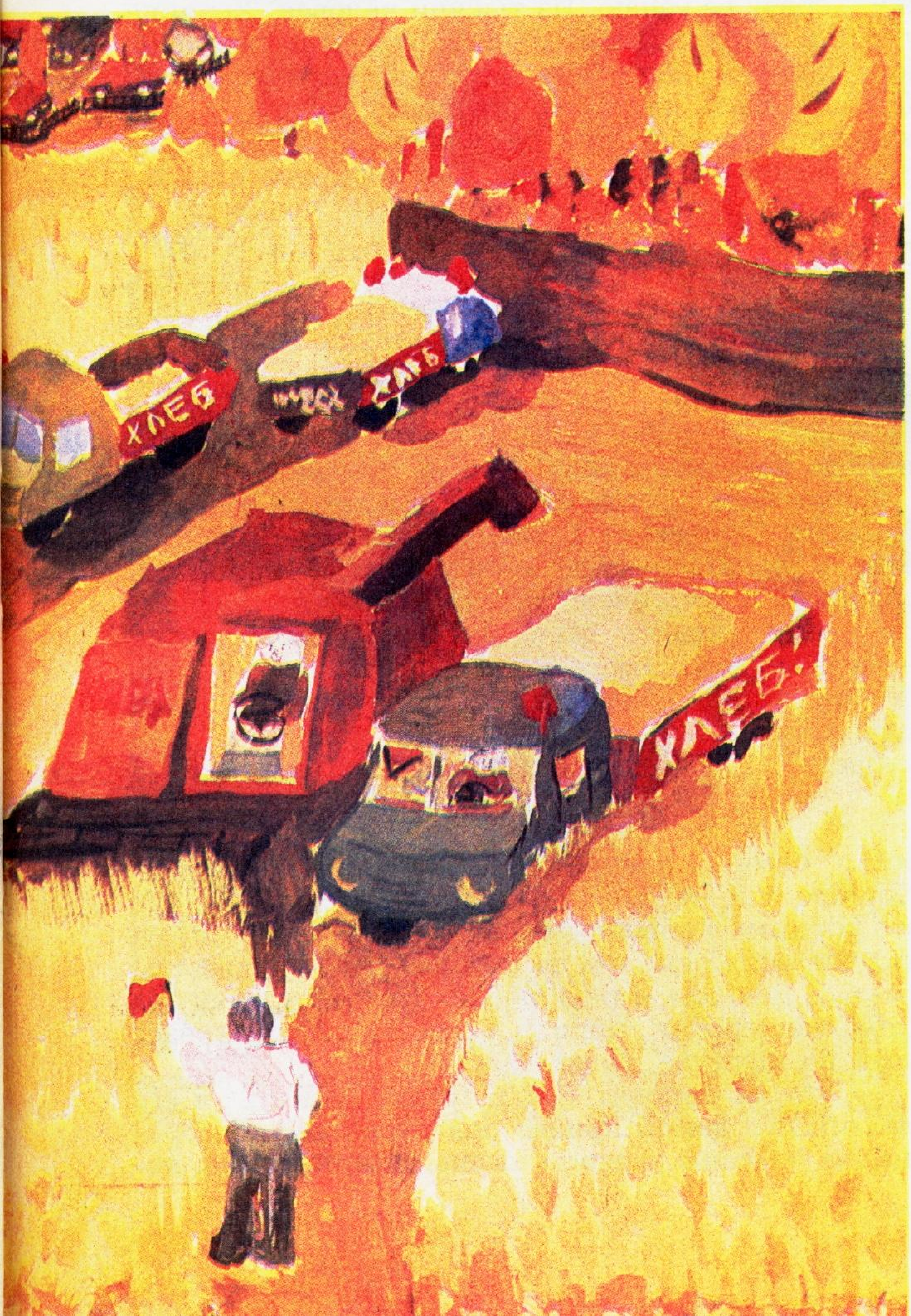
Когда он подплыл к берегу, я увидел, что в руках его сетка, полная трепангов, у них длинные острые иглы, они больно колются.

Наш большой улов трепангов мы опустили в воду, придавив тяжелыми камнями, и легли спать.

Ночью разыгрался страшный шторм, лил сильный дождь, грохотал гром и сверкали яркие молнии, от которых внутри нашей палатки становилось светло как днем. Палатку так трепало, что казалось: она вот-вот улетит в море. Мне было страшно, папа обнял меня, накрыл одеялами с головой, и я не заметил, как заснул.

Утром, когда стих ветер и прекратился дождь, мы пошли к берегу моря, чтобы взять сетку со вчерашним уловом. Но на том месте, где мы ее оставили, ничего не было. Только волны с шумом накатывались на берег и шуршали галькой.

Так море взяло все то, что мы у него похитили.



Яхтенный капитан

В один из дней нашего житья на берегу бухты Табунная туда зашла красавица яхта с огромным парусом. Она бесшумно и лихо пришвартовалась к причалу. Привел ее известный яхтенный капитан Евгений Иванович.

На следующий день он согласился покатать нас.

Во время плавания на яхте капитан нам рассказал об устройстве яхты, разрешил постоять на руле. Мы помогали ему управлять парусами.

Я узнал, что яхта ходит галсами, даже против ветра. Я впервые был в море на яхте. Это было здорово!

Наступил час прощания с бухтой Табунная. Кончились каникулы, надо было возвращаться во Владивосток.

ХЛЕБ РОДИНЕ.
Работа Сергея ШАЛАЕВА, 14 лет.

ЛЕСНАЯ ДЕВОЧКА

«В лесу особых изменений нет. Правда, погода стала похожа на осеннюю: почти две недели шел дождь, и вот только два дня, как светит солнце... Земляники было мало, а вот на чернику и малину необычайный урожай. Сейчас появились грибы.

У многих птиц уже взрослые птенцы. Недели три назад я с подругой нашла сорочонка, который погибал от голода. Как видно, его кто-то взял, но не смог выкормить и выпустил назад. Сороки его не приняли, и птенец должен был погибнуть голодной смертью, хотя он был хорошо оперен и чуть-чуть летал. Сорочонок настолько ослаб, что, завидев нас, пролетел всего метра два и упал. Когда мы к нему подошли, он дал себя погладить и даже взять в руки. Веса в нем совсем не чувствовалось.

Пришлось нести его домой. Дома он ничего есть не стал, а нахохлился и сидел молча. Папа пробовал поить его молоком из пипетки, но он сопротивлялся и не глотал. Тогда папа взял шприц, набрал из яйца сырой белок и пропустил сорочонку прямо в горло. Так папа кормил его три дня. Потом сорочонок постепенно стал есть сам. Теперь он поправился, окреп. Летает по комнате и даже успел надоесть своим криком и бормотанием. Наблюдать за ним очень интересно.

Ну, вот и все. Писать больше пока нечего. До свидания. Ермолова Лена».

Письмо пришло, когда я была в отъезде, и долго пролежало нераспечатанным. Читала я его в сырой осенний день, за окном моросил холодный дождик, грохотала шумная городская улица, а от письма веяло лесной тишиной, покоем, запахом нагретой хвои, и так славно было вспоминать то сухое жаркое время, когда мы с Леной познакомились. Вернее сказать, увиделись. Потому что познакомились мы с нею раньше. Приезжали люди, рассказывали: живет в Воронежском заповеднике «лесная девочка» по имени Лена. Звери с нею дружат, птицы к ней прилетают и чуть что грибы сами в корзинку не прыгают. Насчет грибов, конечно, шутка, а про зверей и птиц, говорят,— чистая правда.

Я про нее столько слышала, что думала: увижу — сразу ее узнаю. Из тысячи человек. Хозяйка лесов и лугов, повелительница птиц и зверей ясно, как должна выглядеть — грозно, величественно. Должна быть высокой, крупной, взгляд у нее, конечно, суровый, лицо без улыбки и длинная коса непременно черного цвета. Как вороново крыло.

Опасное это дело — придумывать человека! Я себе Лену так ясно вообразила, что, когда встретилась с нею, не узнала. Проехала на велосипеде симпатичная девчушка, притормозила, пропуская меня на узкой тропинке, взглянула мельком и покатила дальше. Беленькая, худенькая, такая на вид «домашняя»... На руле продуктовая кошелка болтается. Мудрено было признать в ней грозную лесную повелительницу! Я и не признала.

Ленин папа пригласил в дом дождаться дочки. О Кирилле Сергеевиче Ермолове — лесничем, охотоведе и писателе — мне много доброго пришлось слышать, и хоть очень хотелось с ним поговорить, да в дом входить было боязно. У Ермоловых, известное дело, непременно живет какая-нибудь лесная тварь. «Хорошо,— думаю,— если белочка или зайчик. А вдруг змея?! Или волчонок? Или медведь?!!» Делать нечего, вошла. Разговариваем, а за дверью, слышу: «Ширк! Ширк!» — скребется кто-то. Кирилл Сергеевич, не прерывая беседы, встал, отворил дверь. Тень метнулась в комнату. Хорошо еще не успела я ойкнуть: разглядела, что это кот самый обыкновенный. Прыгнул хозяину на колени, обнял лапами за шею и давай мурлыкать: смотри, мол, как я тебя люблю. Носом пуговицу на рубашке теребит. Кирилл Сергеевич поглаживает кота по шерстке, рассказывает:

— Это он норовит под рубашку залезть: я его маленького домой принес под рубашкой. Возвращался поздним вечером, осень, дождь, темно, хо-

лодно... Слышу: плачет кто-то. Нагнулся, пригляделся, а там котенок! Промокший, замерзший. Сунул его под рубашку, чтоб отогреть, так и домой принес. А он запомнил! Взрослый зверь, а все, как малое дитя, ластится. Этого я сам нашел, а многих люди добрые приносят. Всех больных, всех неизвестных. Недавно черепашку принесли — не темную, как у нас водятся, а светлой окраски. «Взгляни,— говорят,— Кирилл Сергеевич, какая чудна́я! Альбинос, что ли?» А это степная гостья! Как, думаю, пожаловала? В наши края твоим черепашьим ходом не добредешь. Не иначе завез кто-нибудь, поселил в своем доме, а она оказалась с характером: не понравилось — ушла. У нас ничего: живет, не жалуется. Семья дружная, обижать никого не позволяется. Хотя кое-кому и хотелось бы,— Кирилл Сергеевич слегка потрепал кота за шкирку, тот перестал мурлыкать, отвернулся. Честное слово, морда у него сделалась виноватая!— Вот Фома — на вид приличный кот, а за птицами в доме охотится! Пришлось в наказание носом потыкать в прутья клетки: оно не больно, но для кота с самолюбием обидно. Перестал лапы запускать в птичьи жилища. У нас их вон сколько — канарейки живут, зяблик, сойка была, сова ручная... Да кто у нас не жил... Птиц одних пятьдесят видов, не сразу, правда, по очереди.

Пришла Лена — та самая беленькая девочка, что встретилась мне. И мы отправились в лес.

А теперь представьте себе, как выглядит в холеном заповедном лесу хрупкая девочка-восьмиклассница. Как хозяйка и повелительница? Ну нет! Как нежная Красная шапочка из сказки? Тоже нет. Так как же? Подождем судить, посмотрим.

— Знаете, где мы идем?— спрашивает Лена и сама отвечает: — По зеленой аптеке! Здесь чуть не каждая трава — лекарство. Только надо знать, как с ней обращаться. Мать-и-мачеху собирать надо в июне, примулу, по-нашему «баранчики»,— в апреле, зверобой и душицу — в июле, пока не зацветут... По одной Воронежской области полезных трав известно больше двухсот названий.

Вы хотели цветов нарвать? Рвите, вот тут можно: все равно здесь завтра косить будут. Только аккуратненько рвите, чтобы с корнем не выдернуть.

В той стороне у нас бобры живут. Нет, днем их не увидишь: ночной зверь, осторожный. Если не знать, что там их хатки, по виду ни за что не догадаешься: озерцо как озерцо — тихое, вода гладкая, плотина ровненькая такая, будто человек строил, а кругом веточки обгрызены, тоже ровненько, как перочинным ножом обрезаны. Умный бобер зверь, работник!.. Самый первый друг у меня был бобер, Буськой звали. Были мы с ним ровесники. В тот год, когда я родилась, вода весной стояла высокая, размыло паводком бобровую хатку, унесло маленького бобренка. Егеря заметили, как он барахтался на льдине, вытащили из воды и, как водится, к нам принесли: всех зверей, с которыми беда случится, несут в наш дом, к папе моему. Как выкармливать бобров, папа, конечно, знал: заповедник-то бобровый! Еще он читал о том, что индианки выращивают бобров в своих семьях, и сказал маме в шутку: «Вот тебе сынок, а Елене братик». Шутка шуткой, а хлопот с ним было не меньше, чем с малым ребенком. Это я по рассказам знаю, я-то его помню уже самостоятельного, лет трех, мы с ним играли. В квартире скоро стало Буське тесно, а главное, сухо: бобер воду любит. Пришлось отдать Буську в питомник: у нас питомник есть, там хотят вывести нового бобра, одомашненного. А тут, представляете, попадает в питомник бобер вообще ручной, веселый, ласковый, людей не боится. Так ему обрадовались! Он, главное, жил по людским часам: спал ночью, а днем на него можно было взглянуть. Экскурсанты его любили, дети особенно. Его и погладить можно было, а погладить хочется: мех-то красивый. У дикого бобра нрав суровый, человека близко к себе не подпустит.

Конечно, мне тоже захотелось поглядеть на Буську, погладить красивую меховую шубку.

— Ты меня с ним познакомишь?— спрашиваю.

Лена не ответила, заговорила о другом.

— Белочка у нас жила — эта любила по ночам веселиться. Чуть за окном забрезжит, а она тут как тут, лапкой за волосы дергает: вставай, мол, лежебока, пошли кувыркаться! Я с охотой просыпалась — это еще до школы, жизнь была вольная. Ела она за столом, любила то же, что и мы. Не очень была воспитанная: на стол с ногами лезла, с чужих тарелок хватала еду. Избаловали мы ее. А Журка мне был не только друг — защитник! Журка — это журавль. К нам его принесли покалеченного, со сломанным крылом. Крыло подлечили быстро, все вроде в порядке, а папа — у него глаз острый, наметанный — говорит: «Взгляни, Лена, у Журки ноги гнутся». Я смотрю — ноги как ноги, нормальные, тонкие. «Плохо глядишь,— сердится папа,— у журавля ноги должны быть, как струна натянутая, а у Журки они, как прутик весенний, мягкие». Прав оказался папа: не хватало Журке кальция. Стали ему давать лекарство, и ноги окрепли. Только он от нас все равно не ушел. Не захотел. Как его журавли с собой звали: кружили над домом, снижались. А Журка покружил-покружил с ними и вернулся в свою семью. В нашу семью то есть. Журка памятливый был на добро, но и на обиду тоже. Один мальчик не со зла, а так, сдуру прутом стегнул Журку и меня задел нечаянно. Журка с того дня ему войну объявил: бегал за ним по двору, сам шипит, как гусак, шею вытянет, клюв раскроет, норовит ущипнуть за ногу. Так парня отвадил, тот наш дом стороной обходил. Журка был у нас артист: в кино снимался, в фильме «Олень — золотые рога». Чтобы заставить Журку летать, как надо было по сценарию, папа сел на мотоцикл, поехал, а Журка по привычке полетел за ним. Так и сняли.

— Как тебе, Лена, повезло,— говорю.— Какие чудесные игрушки тебе достались. Какие друзья необыкновенные. Им тоже повезло: в добром доме жили, в тепле, в ласке, беды не знали.

— Нет,— возражает Лена.— Совсем им не повезло. Звери и птицы должны жить по-своему, в

естественных условиях — в лесу, в поле или в речке. Жизнь с человеком для них — как уродство. Папа не позволял никогда брать в дом здоровых зверей и птиц — только больных, беспомощных, тех, кто без нашей помощи погибнет.

Лес поредел, дорога стала шире: мы подходили к центральной усадьбе заповедника. Проглянуло сквозь стволы нарядное здание музея, кинотеатр: тут все рядом, на одном пятачке. Голоса людские послышались — впервые за весь день. Голоса были громкие, взволнованные: что-то там приключилось. Вышли мы из лесу и видим: трое мальчишек топчутся вокруг пушистого комка. Комок прыгает по асфальту, топорщит коротенькие крылышки, пробует взлететь, да все зря. Парни норовят накрыть его фуражкой, да тоже все мимо: птенец маленький, а верткий, в руки не дается.

Тихая, застенчивая моя спутница тигрицей бросилась к птенцу.

— Живодеры! — кричит мальчишкам.— Мучители! Чем он вам помешал?!

Птенца заслонила спиной, на мальчишек маленькие кулачки нацелила, глаза стали, как щелочки,— жесткие, непримиримые.

Мальчишки, к их чести сказать, с девочкой воевать не стали, отступили в полном молчании, и только тот, что ловил птенца фуражкой, отойдя метра на три, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Бывают же ненормальные! Что мы, жарить хотели твою птицу? Мы бы его в гнездо положили: он из гнезда выпал.

Мне жалко стало мальчишек.

— Зря ты, Лена,— говорю,— на них напустилась. Они плохого не хотели.

— Мало ли что не хотели! Не хотели, да делали. Сколько я их видела, таких «любителей природы»! Поймают птенца, напугают до полусмерти, затискают, а потом его птичья семья в гнездо не пустит. Ниоткуда он не падал, сам слетел. Ему время летать, он и учится.

И верно. Стоило нам отойти подальше, птенец, оправившись от испуга, ободренный тишиной и безлюдьем, потоптался-потоптался — и взлетел! Невысоко и не так чтобы ловко, но сколько-то крылышками в воздухе помахал. Права оказалась Лена: без людской помощи ему было лучше.

А Лена все не могла успокоиться. Шла быстро, сердито молчала. У самого почти дома остановилась, сурово взглянула и сказала печально:

— Вы спрашивали, что с Буськой было. Это и было: залюбили его, затискали, заласкали. Всего четыре года прожил. А бобры живут долго. Любовь к животным должна быть научная, на худой конец грамотная. Невежество — злая сила, не заметишь, как мучителем станешь. Грамотной любви к природе надо учиться с детства. Я так думаю, что любовь ко всему живому заложена в каждом человеке, только надо ей верную дорогу указать. Поглядите на малышей: он еще говорить не умеет, на ногах нетвердо стоит, а к котенку, к щенку, к цыпленку всегда потянется. И брезгливости у них нет: им ужи, лягушки, червяки не противны. Они их в руки берут без страха. Зато взрослые тут как тут: «Ах, брось! Ах, гадость! Отойди — укусит! Не тронь — поцарапает!» Малыши начинают бояться, любовь к живому у них пропадает. От страха сами переходят в наступление — рогатки заводят. Приучается человечек в животном видеть врага. Пройдет сколько-то лет, он кошке к хвосту жестянку привяжет, в собаку камнем кинет, гнездо разорит. А может, не стращать его с младенчества, не отваживать от природы — он бы ей другом был.

От любви бестолковой тоже много вреда. Под Новый год только и разговоров, что о елочке: какая красавица, какая пушистая, какой дух в доме. Красиво, ничего не скажу. Но как подумаешь, что ради праздника прекрасное дерево насмерть зарубили... В некоторых семьях вместо дерева ставят большие букеты еловых веток. Вообще-то неплохо придумали: и запах, и красота, и даже игрушки можно развесить. Только ветку тоже грамотно надо рубить: иной так постарается, что дерево заболеет, может и не оправиться. В нашем лесничестве есть плантации специально для новогодних елочек. Каждый год там вырубают полосу — аккуратно, по плану... А я все равно видеть этого не могу. А тот, кто ландыши рвет охапками, цветущие ветки весною домой тащит, тоже считает, что любит природу. Жадная это любовь, собственническая.

Слушаю Лену и думаю: «А у тебя самой любовь к природе какая?» Грамотная? Да, конечно,— вон сколько ты знаешь о зверях, птицах, травах, деревьях. Толковая? Без сомнения. Смелая? Еще бы: как лихо птенца отбивала от непрошеных защитников! А еще какая? Щедрая, радостная, деятельная. Непременно надо ей руки приложить к делу, знаниям найти применение. Какое? Прежде всего спасать. У Ермоловых дом — настоящая больница доктора Айболита, а Лена там в должности старшей медсестры. Окажет больному первую медицинскую помощь и о дальнейшей судьбе позаботится. Кого-то Ермоловы отпустят на волю, кого-то оставляют у себя. Остальных отдают в добрые руки. Найти подходящие руки — добрые, умелые — не так просто. Это Ленина обязанность.

— Легче всего с кошками,— рассказывает она,— их нам почти и не носят: с кошками люди сами управляются. Правда, весной встретилось мне у магазина бездомное семейство: кошка и пять слепых котят. Я их трогать не стала, носила им еду, а когда котята подросли, открыли глаза, кликнула ребят, пошли мы по домам и каждому котенку нашли хорошего хозяина. В поселке народу немно-

го, все всех знают. Известно, где живут хорошие люди, к кому можно поселить живую душу.

Но такой частной, что ли, деятельности Лене Ермоловой мало. Ей бы не об одном котенке, зверьке, птичке заботиться. Ей хочется весь лес охранять, все живое взять под защиту. У себя в поселке создала Лена «зеленый» патруль. Народу набралось немного: две девочки и мальчик помладше. «Зеленый» патруль храбро ринулся в бой: объявил войну рогаткам. Поначалу удалось отнять сколько-то, а потом оскорбленные владельцы рогаток собрались вместе, устроили засаду и атаковали «зеленый» патруль, вооружившись крапивой. Патруль держался стойко, но был побежден превосходящими силами противника. Попробовали искать защиты у взрослых, да те, не разобравшись, из-за чего началась война, сказали, что сами, мол, виноваты, первые задирались.

— Они,— негодует Лена,— природу любят на своем огороде! К своему относятся по-хозяйски, а кругом хоть трава не расти!

Для Лены все цветы и деревья, все звери и птицы — свои. Она за каждую травинку, за каждого птенца в ответе. Ей просто необходимо, чтобы в лесу, в реке, в поле все было бы благополучно. Потому что Ленина любовь к природе — ответственная. Она ко всей округе, ко всей природе земного шара, к красоте ее относится по-хозяйски.

По-хозяйски? Может быть, это и есть главное слово для того, чтобы понять, как относится к окружающей среде Елена Ермолова? Выходит, верно я ее поначалу представляла хозяйкой лесов и полей! Слово «хозяин», если вдуматься, понимать можно по-разному. Тот, кто в доме всеми командует,— хозяин. Но и тот, кто обо всем, обо всех в доме заботится, тоже хозяин. Я себе Лену представляла хозяйкой-командиршей. А она оказалась хозяйкой-кормилицей — любящей и заботливой, как старшая сестра в большой дружной семье.

С. БОГАТЫРЕВА

МОГУТ ЛИ ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ РЕАЛЬНО УЧАСТВОВАТЬ В ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ? КУДА ИМ ЛУЧШЕ ПРИЛОЖИТЬ СВОИ СИЛЫ? ОЩУЩАЕТЕ ЛИ ВЫ, СПЕЦИАЛИСТЫ, ПОМОЩЬ «ЗЕЛЕНЫХ» ПАТРУЛЕЙ? КАК ЕЕ ОЦЕНИВАЕТЕ?

С такими вопросами журнал «Пионер» обратился к заместителю директора Воронежского государственного заповедника Александру Ивановичу ЗОБОВУ.

Вот что он ответил.

— Пионеры могут делать очень многое, и прок от их помощи нешуточный. Все знают об их прекрасных делах, о работе «голубых» и «зеленых» патрулей. Даже на территории заповедника вся деятельность которого только на то и направлена, чтобы охранять природу, находится дело для школьников.

В нескольких километрах от нашей центральной усадьбы действует школьный «зеленый» патруль, верный наш помощник. Пионеры расчищают противопожарные полосы, ухаживают за молодыми посадками, пропалывают их. Летом контролируют окрестности — задерживают ретивых грибников и ягодников. Те пионеров из «зеленого» патруля как огня боятся. Мне самому приходилось слышать такие разговоры: в заповедный лес ходить не стоит, как бы на ребят не напороться. Вцепятся, как тигрята, грибы и ягоды отберут да еще потом сведут на центральную усадьбу и на работу сообщат — на весь свет опозорят.

Лесникам ребята помогают заготавливать корм на зиму, орнитологам — кольцевать птиц. Делают все с охотой, с увлечением. А Лене и ее товарищам я бы посоветовал заручиться помощью старших. Лес — не место для дальних прогулок в одиночку или втроем, смелостью своей бравировать не стоит: недолго до беды. Да и воевать с браконьерами двум девочкам и одному мальчику трудновато. Рогатка — она тоже оружие браконьера. Берет ее в руки человек недобрый, с ним разговаривать приходится «с позиции силы». И начинать патрулю нужно со сбора своих сил: сначала сколотить отряд покрепче, а потом уж рваться в бой.

Мне хочется напомнить ребятам: природа есть везде. Чтобы стать ее другом и защитником, необязательно жить в заповеднике или заказнике. В каждой школе есть уголок природы, вокруг каждого города или поселка есть лес, посадки, река, пруд, зона отдыха. Все это наше общее богатство, хранить и беречь его — счастливая наша обязанность.

ПОЕХАЛИ В «АРТЕК»

По предложению журнала «Пионер» самые активные участники операции «Сад Мира» из города Ельни Смоленской области — Лариса Гришина, Татьяна Еренкова, Николай Кузовов, Валентина Петраченкова — НАГРАЖДЕНЫ ПУТЕВКАМИ В ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ «АРТЕК».

ВОЙНЫ НЕ ДОПУСТИМ — ПОСАДИМ САДЫ!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

Лидия ОБУХОВА

„В полдневный жар...“

Повесть о Лермонтове

Продолжение. Начало в №№ 6, 7.

Рисунки А. АЗЕМШИ.

Начало литературной славы

В редком декабрьском солнышке даже хмурый Петербург приулыбнулся. Дома, выстроенные по ранжиру, как солдаты на плацу, робко заиграли темными стеклами.

Лермонтов притерпелся к Петербургу, но не полюбил его, не чувствовал душевного сродства с ним. Здесь не жили в свое удовольствие, как в Москве; здесь служили и добивались фортуны. Если кто кого и полюбит, то с оглядкой на выгоду. Лермонтов по молодому самолюбию не хотел отстать от этой игры, но так и не научился ей радоваться.

Он шел по Михайловскому саду, то и дело сбиваясь с расчищенной дорожки и загребая снег правой, слегка хромавшей после падения с лошади ногой.

Рассеялся кружок «ле сэз». Едва ли среди них нашелся прямой наушник, но неосторожными болтунами были почти все — немудрено, что вскоре «шестнадцать» оказались под всевидящим глазом Третьего отделения. Одного за другим по разным причинам их вынуждали без шума покидать столицу (спустя год все они встретились на Кавказе).

Лермонтов оглянулся. Его окликнул Владимир Федорович Одоевский. Они вместе пересекли Михайловский сад с его снежными деревьями и галками, которые вились вокруг крестов и маковок ближнего храма.

— Петербург красен решетками,— пошутил Одоевский, словно из дальней дали глядя глубоко посаженными мечтательными глазами с ярким чистым белком.

— И чем красивее, тем они крепче,— подхватил Лермонтов.— Думаю, душа графа Бенкендорфа ликует, когда он видит, что все входы и выходы замкнуты!

За воротами Одоевского ждала карета. Они сели. Полозья заскользили по мягкой колее. Рысак весело раскидывал из-под копыт снежные комья.

В среде сочинителей Лермонтов появлялся редко и неохотно, всем видом подчеркивая свою непричастность к пишущей братии. Но журнальные споры и новые литературные веяния привлекали его гораздо живее, чем светская толкотня. Он стал широко известен; весь 1839 год Краевский публиковал его произведения из номера в номер. Январские

ный жар...»

«Отечественные записки» напечатали «Думу», февральские — «Поэта» («Отделкой золотой блистает мой кинжал»). В марте была помещена «Бэла», а в апреле—стихотворение «Русалка». В пятой—майской книжке появилась «Ветка Палестины» и «Не верь себе». Июньский номер открылся «Еврейской мелодией» (Из Байрона) и стихотворением «В альбом» (Из Байрона). В том же месяце журнал «Московский наблюдатель» напечатал статью Белинского о Лермонтове. В августе у Краевского вышли «Три пальмы». В ноябре — «Фаталист» и стихи «Молитва». Декабрьскую книжку закрыли опять-таки две лермонтовские вещи — «Дары Терека» и «Памяти А. И. Одоевского».

Еще в конце августа, когда Лермонтов кончал «Мцыри», до Петербурга дошел слух о смерти Александра Одоевского. Бедного Сашу изнурила лихорадка, и он скончался на берегу Черного моря в гиблых болотистых Субашах в походной палатке.

Весть о его гибели, как удар по кремню, выбила из сердца тщательно скрываемый Лермонтовым, но всегда живой родник печали и нежности. Он писал запершись, поминутно отирая слезы. Готовые стихи привез к Краевскому поутру в сильном волнении. Тот, отводя глаза, промямлил что-то об ожидающих цензурных трудностях, и Лермонтов с непривычной властностью сказал, что если Краевский не напечатает эти стихи в ближайшем номере, то больше не получит от него ни строчки.

Краевский взял рукопись и с тяжелым вздохом поехал к Никитенке.

По субботам любезного Михаила Юрьевича имели честь просить пожаловать князь и княгиня Одоевские. Он ехал на Фонтанку, сначала задерживаясь в гостиной у княгини Ольги Степановны, где светская публика снисходительно разглядывала в лорнеты пробиравшихся бочком к кабинету князя гостей в плебейских гороховых сюртуках. Затем переходил на половину Владимира Федоровича.

В небольшой продолговатой комнате вперемешку с грудами книг и пожелтевших пергаментов на этажерках особого фасона и на столах с выдвижными ящичками размещались таинственные склянки, химические реторты, старинные музыкальные инструменты.

По рождению Одоевский принадлежал к родовитой знати, но придворные обязанности переносил с трудом. Владимир Федорович был добр и часто обманывался в людях, уныло признаваясь потом, что ошибся, ничего, мол, не поделаешь. Несмотря на разницу в возрасте (князю было под сорок), с

Михаилом Юрьевичем они сошлись коротко и скоро стали на «ты».

Однажды Лермонтов прочел ему свою «Казачью колыбельную»:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою...

Владимир Федорович прикрыл глаза, вслушиваясь.

— Как плавно, как невесомо... Стих способен отрешиться от всякой телесности и звучать подобно дуновению.

У многих людей жизнь движется как бы толчками. Между более или менее значительными событиями простирается аморфная масса времени. Нечто безмолвно засасывающее, наподобие болота или снежной равнины без начала и конца.

Лермонтов был обуреваем любопытством и энергией. Его ум не мог находиться в праздности. Он ощущал токи общества, как огромный потаенный магнит. То, чем через год-два должна будет всколыхнуться отечественная литература, срывалось с его пера словно предвестье.

Лермонтов первым произнес приговор «европейскому миру», четко осознав его, как «игралище детей» («Измученный в борьбе сомнений и страстей, без веры, без надежд...»).

Раньше других он заглянул в пустоты нигилизма, измерил их взглядом и отвернулся. Поэт — говорящие уста мира. Несомненно, у Лермонтова было собственное высокое мерило жизненных деяний и вещей, и он не отступался от него никогда. Его притягивало все безмерно большое: бездна звездного неба, нелюдимые уступы гор, струение вод к пугающему лону океана. У большинства людей инстинктивный страх перед космическими величинами заложен еще в клеточках доисторической памяти: как отпечаток прошедших вселенских катастроф и предчувствие будущих. В Лермонтова природа вложила иной закон: не отталкивания, а притягивания, влечения.

Тех, кто сталкивался с ним тогда, он поражал смесью проницательности ума и наивной неоглядчивости поступков. Казалось, он все знал про других, но собственная судьба его не заботила.

Отвага лермонтовских стихов была сродни внезапности грозового разряда в душную, темную, долгую ночь.

Но возможность проявить накопленную энергию возникала ничтожно редко. Даже не поклониться «графине Пупковой» — как шипел между своими в бессилии и горечи Вяземский — могло быть уже сочтено оскорблением двора.

И вот в эту глухую стену разил Лермонтов. Он не откладывал вспышку до каких-то иных, более благоприятных моментов. Для него существовали только этот, один-единственный день и то мгновение, которое выбрало его мстителем. Лермонтов имел мужество смотреть прямо перед собою.

Извечна потребность человека понять собственную суть, закрепив ее в символе. Излюбленная мысль — или даже ощущение — трогают нас с особой силой. Помогают полнее и радостнее ощутить свое бытие. Лермонтов, который мыслил весьма четко и современно даже для более позднего времени, вынашивал любимый им образ Демона. Целое десятилетие этот Демон претерпевал изменения, перемещаясь из абстрактной Испании на высоты Кавказских гор, столь знакомых поэту. Но, меняясь, Демон оставался незыблемым в своей сути — бунтарской и неприкаянной.

Нетерпение Лермонтова представляло ему общественную жизнь в еще более замедленном темпе, чем это было на самом деле. Перемены рассчитывались ходом истории на двадцать — тридцать лет. Ему оставалось меньше двух.

Дуэль с Барантом

Эрнест де Барант — тонкокостный вертлявый французик, ужасное дитя в почтенной семье посла, барона Проспера де Баранта, историка и старательного дипломата,— доставлял отцу немало хлопот. Его едва оторвали от парижских кутежей, чтобы пристроить вторым секретарем при посольстве в Петербурге. Однако двадцатидвухлетний вертопрах не желал заботиться о карьере. Он продолжал вести ту же рассеянную жизнь.

Когда Михаил Юрьевич в разговоре со знакомой дамой насмешливо сблизил имена Дантеса и Баранта как одинаково пришлых проходимцев, дама не удержалась, чтобы в тот же вечер не кольнуть нелестным сравнением молодого де Баранта.

На ближайшем из раутов, отыскав Лермонтова в дальней комнате, Эрнест заносчиво потребовал объяснений. Лермонтов — возможно, уже позабыв об уроненной мимоходом фразе,— ответил, что не говорил о нем ничего предосудительного. Барант презрительно бросил, что будь он в своем отечестве, то знал бы, как окончить это дело. Лермонтов с замечательной выдержкой отозвался, что в России следуют правилам чести столь же строго, как и везде, и не позволяют оскорблять себя безнаказанно.

Дуэль была решена за несколько минут и состоялась через день на Черной речке поутру. Развиднелось поздно. Шел мелкий снег пополам с дождем; ноги скользили в мокрой каше. Секунданты подали рапиры. Невыспавшийся Барант нападал вяло. Продрогшие секунданты топтались в стороне, пока кончик лермонтовской рапиры при выпаде не обломился, а Барант, оступившись, не оцарапал противнику руку ниже локтя. Перешли на пистолеты. Барант промахнулся, а Лермонтов разрядил свой пистолет в сторону. Дуэлянты поклонились друг другу и разъехались.

Множество подобных стычек оставалось без последствий. Лермонтов надеялся на такой же исход. Чтобы не пугать бабушку, прямо с Парголовской дороги он прискакал к Краевскому: переменить замаранную кровью сорочку.

Андрей Александрович оказался более дальновидным. На его столе лежала полная рукопись «Героя нашего времени», и,невзирая на воскресный день, он помчался отыскивать цензора, чтобы без промедления получить право на печатание.

Лермонтов продолжал бывать в свете, сочинять стихи. Лишь через несколько недель слухи о дуэли просочились к военному начальству. Поначалу в упрек ставилось лишь «недонесение» о поединке — Монго Столыпин, секундант Лермонтова, поспешил явиться с повинной. Николай Павлович изволил даже выразиться, что раз дрался с французом, то три четверти вины долой.

Лермонтова для выяснения дела заключили в верхних комнатах Ордонанс-гауза.

...А невидимые иглы в светских гостиных продолжали плести между тем узоры двусмысленных

толков. Мишелю передали, что француз везде трезвонит, будто Лермонтов хвастал, когда давал показание, что стрелял в воздух, оказывая тем сопернику милость и снисхождение.

Ложь де Баранта была вызвана неловким положением, в котором тот очутился в свете. Тогда как полный достоинства ответ снискал Лермонтову уважение. Баранту-отцу негласно передали мнение царя: его сын должен покинуть Петербург. Но барон медлил: уехать с «историей» за спиной — значит поставить крест на едва начатой карьере!

Между тем известие, столь опрометчиво переданное Лермонтову, побудило его к немедленному противодействию. Набросав записку, он отправил с нею одного из товарищей-гусар с наказом непременно приволочь в Ордонанс-гауз француза. Через самое короткое время бледный Эрнест стоял перед Лермонтовым. При двух свидетелях он заверил своего недавнего противника, что в повторной дуэли нет нужды, так как он полностью удовлетворен, а слухи, дошедшие до Лермонтова, неточны.

«Салонный Хлестаков», как прозвал его Лермонтов, не умел держать язык за зубами; вынужденное извинение унижало его. Он представил дело так, будто Лермонтов снова вызывает его. Отец Барант понял, что медлить с отъездом сына больше нельзя, а госпожа Барант отправилась жаловаться великому князю Михаилу Павловичу на кровожадность арестованного. Возникло новое дело о противозаконной встрече на гауптвахте и повторном вызове. Лермонтов должен был во что бы то ни стало признаться в «искажении истины», иначе лгуном окажется Эрнест — так далеко не благородно мыслил почтенный историк и литератор Проспер Барант. Чтобы вернуть его сына в Петербург,

Лермонтова надобно заслать подальше. И без права возвращения в столицу! Нити интриги потянулись к Бенкендорфу. От былой снисходительности к «мальчику Лермонтову» у Александра Христофоровича не осталось и следа. Теперь он самый ярый его враг. Он приступал к Лермонтову с такой грубой настойчивостью, что тот был вынужден просить защиты у командира гвардейского корпуса Михаила Павловича: «Я искренне сожалею, что показание мое оскорбило Баранта... но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался...»

Шла вторая неделя апреля 1840 года, и судьба Лермонтова была решена: в Тенгинский полк, на Кавказ, под чеченские пули. В этом сошлось все — скрытая ненависть царя, недостойные происки де Барантов, беспощадность Бенкендорфа.

Разговор с Белинским в Ордонанс-гаузе

...А покамест в типографии Глазунова вышел «Герой нашего времени». Белинский восторженно носился с тонкой книжечкой, как раньше с каждым новым стихотворением Лермонтова. Он пытался за чертами литературных героев разглядеть самого автора, личность которого столь властно притягивала его. Краевскому наконец надоели вечные разговоры о Лермонтове, он почти силой усадил Виссариона Григорьевича в пролетку и повез в Ордонанс-гауз.

Всю дорогу Белинский потихоньку жаловался, что вовсе незачем ему ехать, когда он едва знаком с Лермонтовым и хотя ценит его удивительный талант, но тот уже отнесся к нему однажды в Пятигорске с насмешкой, как бы и теперь не случилось того же. Вообще, что за место для визитов — тюремное помещение? Как взглянет на это стража да и сам узник? Деликатно ли с их стороны? Может, и не помнит его Лермонтов?

Краевский отвечал односложно, явно скучая.

Привезши Белинского, Краевский лишь на минутку присел да тотчас и уехал. Он оставил Лермонтову роман Вальтера Скотта.

Михаил Юрьевич сидел за столом в распахнутом мундирчике. Перед ним лежала бумага и обломанные карандаши. Смотрел на Белинского почти с таким же любопытством, как и тот на него.

Лермонтов притянул Белинского энергией стиха и независимой мыслью — новостью в тогдашней поэзии. Но как было принять лермонтовскую презрительную иронию, которая вспыхивала в ответ на любое теплое побуждение?

Белинский кидался защищать Лермонтова от Лермонтова же. Уверял, что у Печорина произойдет неизбежное примирение с жизнью, что есть в нем другой, лучший человек... Он нянчил Печорина как добрая нянька — не мог оторваться от этого образа!

Они сидели друг против друга без былого чувства разъединенности.

Гость в поношенном сюртуке (Краевский был скуп на оплату авторов) с наслаждением прирожденного книжника листал привезенный роман, лаская каждую страницу.

Белинский сказал:

— Вальтер Скотт первым одел историю в ее подлинные одежды. Он обстоятелен до осязаемости во всех мелочах быта и нравов. Это, несомненно, признак исторического таланта.

— А я ставлю выше него Фенимора Купера,— возразил Лермонтов.

— Почему же? Разве благодаря более быстрому течению сюжета и романтике тех диких племен, о которых Европа знает лишь понаслышке?

— Вовсе нет. Романтики в нем меньше, чем у Вальтера Скотта. И гораздо меньше картинности, он скорее суховат, но зато точен; лошадей знает, как кавалерист, лес описывает, как пеший охотник. А романтика дикарей... Помилуйте! Какие же они дикари? Просто люди со своим разумным, хорошо приноровленным укладом. Мы и черкесов готовы величать дикарями лишь оттого, что они согласны лучше сжечь свое жилище, чем впустить в него незваных пришельцев... Купера я ставлю выше знаменитого шотландца потому, что он ищет в прериях Америки не диковинок и не идеальных образов, но относится к каждому человеку с равным уважением, понимая в нем дурное и хорошее.

— С этим я, пожалуй, согласен. В Вальтере Скотте сильны сословные предрассудки: плебей и вельможа могут у него сойтись лишь ненадолго. Каждый является предметом нравственных размышлений автора порознь. Впрочем, это согласовывалось с жизненным укладом тех времен, которые он описывал.

— А еще больше с ним самим,— живо подхватил Лермонтов, блестя живыми черными глазами, отчего изменчивые черты его мгновенно приобрели еще большую притягательность.— С предрассудками самого сэра Скотта! Я не знаю, из какого сословия Купер, но его перо выше сословий.

Разговор принял направление, слишком чувствительное для самолюбия разночинца Белинского. Его худое выразительное лицо отразило несколько разнородных оттенков: боязнь снисхождения от дворянина — даже от Лермонтова! — и удовлетворение здравостью суждений собеседника. Редкое чувство для отчаянного спорщика Виссариона Григорьевича. Наконец, просто чистое наслаждение от литературного разговора, ибо литературные интересы составляли главный нерв его жизни.

— Красоты натуры,— продолжал Лермонтов,— которые мы можем для краткости назвать пейзажем по примеру живописцев, мне кажутся более действенными, если имеют две простые цели: точно обрисовать место действия и соответствовать самому герою. Пастух не может видеть природу теми же глазами, как и светская барыня. А читателю скучно задерживаться на длинных страницах, когда можно сказать запросто: берега были лесисты! Купер обладает именно таким верным глазом.

— Смею ли так понимать, что в краткости речи вы хотели бы взять за образец Купера?

— Восхищаться не значит пользоваться образцами,— отозвался Лермонтов,— я мыслю и пишу по-русски и не имею намерения ради забавы переноситься в чужедальные пределы.

— А Печорин? — не утерпел Белинский.— Не умея жертвовать собою ни для кого, что он искал в Персии?

Лермонтов усмехнулся.

— Жертвовать собою, может быть, и прекрасно, да кто нынче ждет этой жертвы? Кто ее примет? Мятежники, выйдя на Сенатскую площадь, могли лишь воскликнуть с самозабвенной пылкостью: «Ах, как славно мы умрем!» — но не победить, не пустить в дело свои идеи. Да и в чем они, эти идеи? Добрый царь? Их не бывает. Постепенное просвещение народа? Ой ли.

В который раз Лермонтов потрясал Белинского философским хладнокровием мысли. Объем лермонтовской личности стремительно расширялся в его восприятии. Будто в самом деле некий Демон сначала выпрямился в полный рост, а потом еще и распростер крылья...

А между тем они находились в достаточно тесной и скудно убранной комнате гарнизонной гауптвахты, и перед Белинским сидел опальный офицер, который если бы даже и остановил на себе внимание в толпе, то скорее всего неприятной дисгармонией черт: самоуверенной презрительной миной, усмешкой губ и покоем широкого смуглого лба.

— А все-таки вы верите в людей больше, чем хотите в том признаться! — воскликнул напоследок Белинский.

Лермонтов отозвался с задумчивостью:

— Дай-то бог!

Прощание с бабушкой

— Давайте, бабушка, посидим рядком на прощание.

— Устала я, друг мой, с тобой прощаться. Помни: не за горами и вечное расставание... Посидел бы ты, Мишенька, хоть годок тихо, смирно, без шалостей...

— Это и мое желание, милая бабушка! Помогите только скинуть мундир, выхлопочите отставку, и так славно мы с вами заживем! Я ведь вовсе намерен переменить свой жизненный строй.

— Ай надумал жениться? — встрепенулась Елизавета Алексеевна. — То-то намедни сон видала, будто красное платье на меня надевают. Да уж такое рдяное, что и на пальцах от него красно. Обтираю, не могу обтереть. Не к худу ли, думаю? Ан, даст бог, к добру.

— А что? — весело отозвался Лермонтов. — Будет ваше благословение, я не прочь. Но сейчас не про то. Я, бабушка, намерен заняться делом. Что вы скажете, если стану выпускать свой журнал?

— А сам-то писать бросишь? — с неясной надеждой спросила старуха.

— Ну зачем же? К каждой книжке припасу что-нибудь новенькое. Уж я постараюсь, увидите!

— Увижу, — неопределенно согласилась она. И задумалась, прикидывая что-то в уме. — На первоначальное обзаведение много ли надобно?

Лермонтов смутился.

— Я еще не считал, бабушка. Прежде отставку надо получить. Но думаю, ненамного превысит то, что вы мне по доброте своей на гвардейское содержание определили.

— Да ведь все твое, душа моя! В домовине ничего мне не будет надобно.

— Бог с вами, милая бабушка! Про что вы?

— Про неизбежное, друг мой. Два века никто не живет. Сядь-ка поближе, поглажу головушку твою непутевую. Потемнела отметина — русая прядка? Не вижу, глаза слабы. От меня она. Смолоду коса была льна светлее... А Машенька родилась вороненок вороненком. И у отца твоего, Юрия Петровича, масть каштановая...

Впервые гордая старуха произнесла имя зятя без сухости, голос ее не задрожал от старых обид.

Все смывает время. Годы притупляют чувства. Одна любовь остается.

Лермонтов благодарно прильнул к ее руке.

Они расставались навсегда. Но еще не знали об этом.

Именины Гоголя

Проездом в Москве Лермонтов появился уже не в гусарском доломане, а в невзрачном зеленом мундире поручика Тенгинского полка. Красный отложной ворот без всякого шитья не подпирал шею, и он чувствовал себя вольнее, чем в прежней форме.

Весна входила в полную силу. Цвела сирень. По арбатским садам разливался соловьиный щекот. Лермонтова встретило множество прежних знакомых, среди них общительный душа-человек, умница Александр Иванович Тургенев, с которым он недавно виделся в Петербурге. На Николу Вешнего, девятого мая, оба были званы к историку Погодину на гоголевские именины.

Гоголь только что вернулся из Италии и с успехом читал по гостиным главы «Мертвых душ». Своего дома он никогда не имел, жил налегке; сундучок с рукописями и платьем ему переносили от одних знакомых к другим. У Погодина он занимал застекленную антресоль над крышей, что-то вроде башни с куполом. А именинный стол ему накрыли вдоль липовой аллеи. Гоголь нарядился в голубой фрак. Был он остронос, с блондинистыми волосами. Довольно неуклюж. Но карие глаза вглядывались в человека с тонкой проницательностью. В обращении неровен: или говорлив и самоуверен, или увядал, свертывался, как улитка.

На именинном собрании Лермонтову предстояло явиться перед лицом всего московского общества — молодых университетских профессоров, почтенных литераторов.

Пришел холодно-молчаливый Чаадаев, встреченный с большой почтительностью; живчиком вкатился, самолюбиво косят глазом, поэт Хомяков; пожаловали добродушные приверженцы старины отец и сын Аксаковы; бывший декабрист генерал Михаил Федорович Орлов; Свербеевы, Глинки — словом, вся интеллигентная Москва.

Именинника Лермонтов видел урывками: то он варил жженку, отдаваясь этому занятию с каким-то детским азартом, то таинственно уводил кого-нибудь под руку в сторону. Принимая книжечку «Героя нашего времени», на автора посмотрел любезно, но вскользь, а вот старику Аксакову сказал с неожиданным жаром, что в Лермонтове прозаик окажется сильнее поэта.

Следующим вечером они встретились еще раз в доме у Свербеевых. Тургенев оставил в дневнике запись: «Лермонтов и Гоголь. До 2 часов». Почему засиделись? О чем толковали?

(В 1847 году Гоголь запоздало признал: «Никто еще не писал у нас такой правильной прекрасной и благоуханной прозой. ...готовился будущий великий живописец русского быта...»)

Снова Кавказ

Как в России повально цвела сирень, так здесь, на юге, в мае бушевала белая акация.

Лермонтов подъехал к крепости Георгиевской поздним туманным утром.

Накрапывал теплый дождь. Дорога ныряла по холмам. Каждая мокрая травинка источала пряный аромат. Крепкие дубки стояли стеной, будто зеленая цитадель. Солдаты-пушкари и казаки-верховые зорко посматривали по сторонам. Колонна двигалась медленно. Лермонтов сошел с повозки и шагал рядом с пушечным лафетом.

— Хорошие края,— сказал он полувопросительно.

— Так точно, ваше благородие. Земли пропадает страсть,— охотно отозвался пушкарь.

— Почему же пропадает? Все идет в рост.

Солдат пренебрежительно шмыгнул носом.

— Непахано, несеяно — разве земля?

Солдат шел на Кавказ, а нес в себе Россию; держал оружие, а оставался крестьянином.

Грозное имя Ермолова до сих пор витало над Кавказом. В рассказах он напоминал воинов Святославова века: спал на плаще и всегда при сабле. Кутузов отозвался о нем, как о человеке, который рожден командовать армиями. «Золото не охрана от неприятеля, а приманка. Ценно только железо», — любил повторять Ермолов и действовал в этом духе. Военно-Грузинская дорога делила Кавказ на две части: к востоку Чечня и Дагестан, к западу Кабарда, Закубанье с черкесами. Начиная с 1818 года Ермолов стал строить крепости Грозную, Внезапную, прорубать в густых дебрях просеки. При бездорожье, при отсутствии связи малочисленные гарнизоны находились в постоянной осаде: заготовка сена, рубка дров, рытье могил — все приходилось делать с опасностью для жизни. От болезней и цинги гибло до половины солдат. Узнав о падении Михайловского форта и то, что на линию двинуты батальоны Тенгинского полка, царь отменил трехмесячный арест Лермонтова, предписав тому спешно отправиться к месту службы. Царица, пытаясь смягчить мужа, дала ему читать на пароход — он возвращался с немецкого курорта — «Героя нашего времени». Она так никогда и не поняла зловещее окончание письма Николая Павловича к ней, после того, как он разбранил книгу: «Счастливого пути, господин Лермонтов!»

Одновременно с Лермонтовым на Кавказ поехал Монго; он вышел было в отставку, но от царя ему передали, что в его годы прилично служить...

Смерть — река

По Малой Чечне шли осторожно, пуще глаза берегли обоз. Засады таились за вековыми стволами: чеченцы не подпускали солдат к воде: те черпали под пулями. На стоянках какой-нибудь мюрид уж обязательно вертелся волчком на коне, вызывая на бой. И смельчак выискивался...

Одиннадцатого июля на заре отряд Галафеева, к которому был прикомандирован Лермонтов, покинул аул Гехи и углубился в дремучий лес. Первыми на большую поляну вышли три батальона куринцев-егерей и сотня казаков. Опушку пересекала речка в отвесных берегах заросшего орешником оврага. На левом берегу громоздились, как естественная крепость, завалы из толстых деревьев. Все было тихо, на выстрелы никто не отвечал. Наконец на поляну выбрался и обоз. Решили готовиться к привалу. Но едва артиллерия стала сниматься с передков, как затаившиеся в овраге чеченцы открыли со всех сторон убийственный огонь. Пришлось с ходу прыгать с высокого обрыва в воду, вступать в штыковой бой.

Когда четыре арьергардных орудия подпоручика Мамацева обогнули завал и принялись засыпать его гранатами, сбоку яростно кинулись враги. Атаку помог отбить Лермонтов; с отрядом охотников он подоспел вовремя. Но вскоре оставил их, чтобы участвовать в главном штурме. Его красная канаусовая рубаха из-под распахнутого сюртука, казалось, мелькала повсюду — он должен был скакать к Галафееву, докладывая о ходе боя, а затем переносил его приказания обратно на передовую.

Бой длился несколько часов. К вечеру схватка прекратилась, последние выстрелы смолкли, и оставшиеся в живых смогли перевести дух.

Лермонтов только что уложил в повозку почти бесчувственного Мишу Глебова, своего товарища по юнкерскому училищу, с туго стянутой повязками ключицей, велев везти его быстрей к лекарям, но и не трясти понапрасну.

Теперь, когда потеря крови согнала с лица Глебова обычный смуглый румянец и он лежал с сомкнутыми белыми веками, его юность стала особенно заметна. Ни молодечество, ни громкий голос, ни размашистые жесты не заслоняли более двадцати двух лет... Лермонтов хотел наклониться, поцеловать его, но испугался дурной приметы и только махнул рукой, чтобы трогали.

Чеченец-толмач расположился на примятой траве поодаль, вынув из переметной сумы зачерствевшую лепешку и кусок острого овечьего сыра, который крошился у него на зубах, как твердое зерно под мельничным жерновом. Запах каши его не соблазнял нимало. Он сосредоточенно жевал, уставившись перед собою, словно не было позади солдатских костров, а вокруг лишь одни вечные горы, пристанище свободы.

Лермонтов присел рядом с толмачом.

— Верно не один горский отряд дрался нынче. ...Тысяч до семи, полагаю? — сказал он.

Толмач безразлично кивнул. Тяжелый взгляд офицера его не смущал.

— У этой речки есть название? — снова спросил тот.

Чеченец наконец поднял взгляд, странно блеснувший из-под густых бровей. Отозвался гортанно:

— Валеран хи. — Ища слов, добавил со скрытым злорадством: — Смерть-река, так ее наши старики называют.

Лермонтов пошел прочь с чувством тяжести. Словно он только что поставил на самом себе смертельный эксперимент, который удался, потому что он остался жив. Напряжение готово было отхлынуть стихами:

...А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места хватит всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»

Свидание с Раевским

В первых числах ноября Лермонтов попал на два дня в Ставрополь и наконец-то встретился с Раевским, который служил там по ходатайству бабушки.

— Дай карандаш, — сказал еще от порога. — Пришли в голову новые строчки для «Демона».

Раевский удивился.

— Так ты все еще пишешь его? Не пора ли проститься?

Лермонтов пожал плечами.

— Ту жизнь, которой мы все живем, я не могу

уважать. Готов кинуться куда угодно: в прошлое, в будущее, в глубину собственной фантазии, опуститься на дно морское, только вон из немытой России... Знаешь, именно таков отзыв о нас горцев. Бог весть, что они в него вкладывают? Для себя же я хочу только одного: побыстрее скинуть этот мундир. Служба стала для меня принудительна, как бесстенный каземат.

— Значит, ты уже не находишь выхода в храбрости офицера? — испытующе проговорил Раевский, стараясь понять друга, с которым их так надолго развело время.

Лермонтов рассмеялся беззаботно, блеснув ровными, чистыми зубами. Махнул рукой.

— Ты сказал в храбрости? Противу кого? Иногда я думаю,— сказал Лермонтов, глядя поверх головы друга,— что у России вовсе нет прошедшего. Она вся в настоящем и будущем.

— Мне, напротив, хочется собрать опыт предков, показать его как образец,— возразил Раевский.— Простонародные песни не только осколок крестьянского быта, но плод лучших минут жизни крестьянина. Эти песни способны усовестить тех, кто пребывает в невежественном бездействии.— Лицо Раевского по-былому светилось воодушевлением. Он протянул руку Лермонтову, и тот поспешно пожал ее.— Я вовсе не в обиде, что судьба закинула меня в Олонецкую губернию. Русский эпос, подобно сагам, живет там в неприкосновенности. Знал бы ты, сколько я записал похоронных и свадебных «воплей»! Они абсолютно самобытны, а вовсе не вышли из подражания греческим мирологам, как полагал Гнедич. «Плачи» — чисто русская, славянская форма поэзии. Достаточно взять древнейший плач Ярославны. Я так много постиг через них, углубился в народное бытие...

— Слава,— прервал его Лермонтов, как всегда при несогласии покусывая нижнюю губу.— Отцы жили в убежденности, будто история движется сама по себе. Неужели таково действие перемены климата, что в Ставрополе и «вопли» убаюкивают?

— Мне непонятна твоя ирония, Мишель,— пробормотал Раевский.

Лермонтовские сарказмы еще никогда не направлялись против него. Он начал прозревать: нет больше пылкого впечатлительного мальчика, младшего товарища. Есть зрелый, твердый в своих взглядах мужчина. Раевский смотрел на него с прежней любовью, но и с недоумением. Он уже отчасти не понимал его.

— Разве ты стал отрицать важность исторической памяти?

— Да не то, Славушка! Пристраститься только к прошлому — не значит ли отвернуться от настоящего?

— Я так не думаю,— с жаром отозвался Раевский.— Поверь мне, никакое знание не уводит вспять. Тем более знание собственного народа.

— Слава, прерви свои мечтания! Помнишь, ты говорил когда-то, что станешь ждать своего часа? И тогда не струсишь, не отступишь?

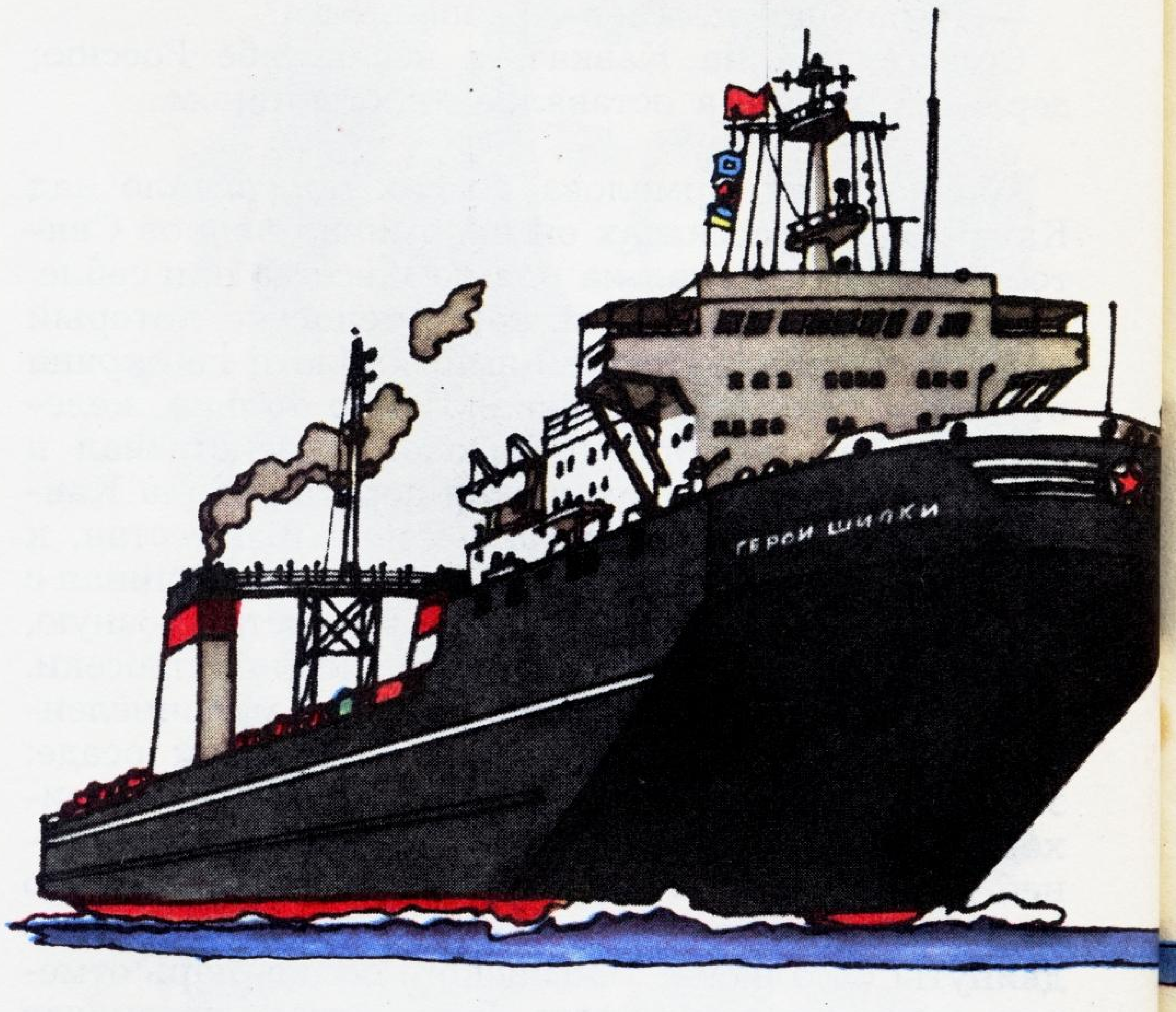
— Для меня этот час уже случился, Мишель.

На изумленный взгляд Лермонтова он улыбнулся. Виднее стало время, иссекшее лоб и углы его рта морщинами. Он покивал головой.

— Да, да. Я переписывал твои стихи о Пушкине. Лучшего дела мне, может быть, уже не дождаться.

Настал черед Лермонтова. Он нашел руку товарища и крепко пожал.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.



Не подумайте, что это шутка. И не путаница. По морю поезда действительно плавают. И довольно быстро. Даже штормы им не страшны.

А плавают они на пароме. Вообще, морской паром — это судно высокой тоннажности и, значит, особой, сложной конструкции: бывает, перевозит паром целые железнодорожные составы.

...Черноморский паром действует с 1978 года. Сейчас это самая крупная международная паромная переправа. И связала она два самых больших порта на Черном море — советский Ильичевск и болгарскую Варну. Две страны, СССР и Болгария, стали с 1978 года ближе друг к другу. В несколько раз!

ДЛЯ ЧЕГО НУЖЕН ПАРОМ

Представьте себе: какой-нибудь хабаровский, омский, новосибирский завод отправляет свою продукцию в Болгарию. Сначала груз везут по железной дороге до станции Ильичевск. Здесь его выгружают из вагонов и отправляют в портовый склад. Когда подойдет срок, его опять загружают — теперь уже на морское судно, и оно берет курс на Варну. В Варне продукцию выгружают из трюмов и отправляют вновь в портовый склад. Потом снова загружают и отправляют, например, в Пловдив. Сколько таких «выгружай-загружай» приходилось делать, когда не было паромной переправы, и сколько времени занимала такая доставка!

Теперь же дело обстоит так: загрузили в том же Хабаровске товар в вагоны, а когда железнодорожный состав приехал в Ильичевск, установили вагоны на паром и отправили в Варну. В Варне вагоны вновь прицепили к тепловозу, и поехал состав в Пловдив, к заказчику. Экономятся и время, и труд многих людей, оберегается груз от лишних повреждений. Перевозка на пароме дает обеим странам экономию в десятки миллионов рублей!

Наладить паромную переправу оказалось непросто. Надо было построить специальные сооружения на берегу, в портах, чтобы запускать железнодорожные составы с суши на паром и пирсы-

ПЛЫВУТ ПО МОРЮ... ПОЕЗДА

причалы. Понадобились и особые суда, способные перевозить колоссальные тяжести,— проектировал их чуть ли не целый научно-исследовательский институт!

Но затраты оправдали себя. Всего за четыре года работы паромов, двух советских и двух болгарских, полностью возместились средства, выделенные на строительство. Паромная переправа между двумя странами помогла резко увеличить товарооборот. Больше свежих фруктов и овощей, например, стала получать наша страна из Болгарии.

МОРЯК НА ЛОКОМОТИВЕ

Когда паром пришвартовывается, с него, как со средневекового замка, спускается мостик. Вот береговые рельсы через этот мостик — называется он «аппарель» — соединились с концами рельсов на пароме. И началась загрузка судна. Мимо диспетчерской из вагонного парка к парому медленно идут составы. Их толкает сзади тепловоз. Подтолкнув к аппарели, он делает обратный ход... А как же вагоны перевезти на сам паром? И по парому кто их расставит?

«Выручалочка» — маленький судовой локомотивчик «унилок»: подцепит спереди состав и ловко втянет его на паром.

...По размерам площадь его среднего зала можно сравнить разве что с крытым стадионом. Длина главной палубы — почти двести, а ширина — тридцать метров. Здесь на пяти ветках-«дорожках» помещается 49 вагонов. В трюме и на верхней палубе тоже есть такие пути. В трюме умещается 16 вагонов, а на верхней палубе — 43... Словом, два больших товарных состава принимает паром — 108 вагонов! На верхнюю палубу и в трюм вагоны опускают на мощном лифте, а там их устанавливают на «дорожки» оранжевые ловкачи-«унилоки»...

Слово «унилок» расшифровывается: «универсальный локомотив», но работники парома ласково зовут его «уникальный локомотив». А работают на пароме люди универсальной профессии. Современное судно, в частности черноморский международный паром,— механизм сложный. Работа на нем требует от человека много знаний в смежных науках. Сегодняшний моряк может и «унилоком» управлять, и контролировать техническое состояние путей и вагонов, и вести паром по морю... Потому-то сплелись две важные профессии — железнодорожник и моряк. И появилась одна универсальная: работник паромного судна.

А профессии моряка и железнодорожника — самые распространенные и самые почетные в Ильичевске.

ТОЧНОСТЬ И РАВНОВЕСИЕ

Эти два показателя особенно нужны в работе современного парома. Разместят вагоны не так, как требует инструкция, и получится крен. А любой, даже небольшой крен в море может обернуться непоправимой бедой.

Черноморский паром — судно особой устойчивости, но за точностью и равновесием его при погрузке следят чуткие приборы. У диспетчеров перед глазами пульт. На нем множество контрольных лампочек. Вот горит одна, предупреждает, что на верхней палубе появилась небольшая перегрузка. Диспетчер вызывает по рации рабочих... Спустя несколько минут лампочка гаснет. Вагоны переставлены.

Под рукой у диспетчера всегда каргоплан. В трех длинных графах этого плана расписано: и общий вес каждого вагона, и чистый вес тары, и что за груз — лес, машины, пластмасса. Вес в вагонах сильно колеблется — от 25 до 35 тонн. Все надо учесть при погрузке. Куда какой вагон лучше поставить — поможет рассчитать по этому плану маленькая ЭВМ.

На пароме много разных умных приборов. Не сомкнулись ровно рельсы на суше и на аппарели — приборы подают сигнал. Двинулись вагоны на паром со скоростью большей, чем положено,— приборы опять предупреждают... Кстати, о скорости. Скорость при загрузке на паром ограничена — не больше трех километров в час. Черепашья скорость. Но нужна она, чтобы паром не качался.

Загрузка закончена. Вагоны закрепили крюками и толстыми шлангами, туго надутыми воздухом. Натянутые до предела шланги придают креплениям прочность. Всего шесть часов загружали паром. Скоро он отправится в путь и через семнадцать часов уже будет у берегов Болгарии. А с болгарской стороны в Ильичевск одновременно отправится паром из Варны. Перемещаются эти паромы, как и поезда, по расписанию. Только по суше путь поездов в Болгарию очень долог — целых трое суток!..

* * *

Утром капитан болгарского парома «Герои Одессы» Белко Тултуков закрыл за собой дверь родного дома и зашагал к порту. Вечером его судно будет в Ильичевске. В своем портфеле капитан несет ответ от болгарской девочки Милы ее советской подруге. «Спасибо,— пишет Мила,— за подарки ко дню моего рождения. Посылаю тебе свои рисунки. И еще самые сердечные приветы...»

Над Черным морем встала радуга... Где-то там, за ней, Ильичевский порт, друзья... Капитан «Героев Одессы» кивнул помощнику: пора отшвартовываться... Счастливого пути!

Анна АРХАРОВА,
Людмила МАКАРОВА

Одесская область, Ильичевск.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Что такое оазисы?
Ученик: Оазисы — это коренные жители пустыни.

Лена Шахнович, г. Кишинев.

* * *

Учитель: Какие животные обитают в саваннах Африки?
Ученица: Жирафы, зебры, слоны, баобабы...

Ольга Фокина, Тюменская область.

* * *

Учитель: Какими бывают горные склоны?
Ученик: Они бывают крутые... и всмятку!

Таня Бузина, г. Артемовск.

* * *

Учитель: Где расположена Италия?
Ученик: Италия расположена на... Апельсинском полуострове.

Хатуна Путуридзе, г. Тбилиси.

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель: Придумай предложение со словом «берлога»!
Ученик: Мы ели суп с берлогой!

Рита С., Тувинская АССР.

* * *

Учитель: Почему слово «Буренка» мы пишем с большой буквы?
Ученик: Потому что это — фамилия коровы.

Из школьных сочинений

«Саша вышел под громкое молчание всего класса...»
«У мальчика были длинные задние ноги».
«Его глаза, устремленные вдаль, были белозубые и выгоревшие».
«Лицо у него было овальное, как прямой угол».
«Трудно было разобраться — где в его словах ложь, а где вранье».
«Собачий хвост завитушкой и в загнутом состоянии находился сзади».
«На голове у девочки была белая панамка и синие туфельки».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

В стране шаха-владыки черных и белых полей

Уроки «Белой ладьи»

«Уроки спортивного мастерства мы получили в турнирах клуба «Белая ладья» — так говорит о себе и своих друзьях Валерий Салов, студент 2-го курса экономического факультета Ленинградского университета. Вместе с Валерием в недавнем чемпионате Советского Союза успешно вели трудные поединки с гроссмейстерами еще восемь участников пионерских и юношеских соревнований последних лет.

На фото — участники чемпионата СССР. Слева московский студент, чемпион СССР Андрей Соколов. Познакомившись с шахматами в семилетнем возрасте, Андрей играл во многих школьных турнирах. В 1982 году он стал чемпионом мира среди юношей, а в первенстве СССР 1984 года одержал блестящую победу и получил звание гроссмейстера.

В центре — мастер Валерий Салов. Пять раз он возглавлял команду своей пионерской шахматной дружины в финальных поединках клуба «Белая ладья». Валерий — первый обладатель специального приза нашего журнала «За спортивное мужество». В 1984 году он завоевал звание чемпиона Европы среди юношей.

Справа на фото международный мастер, студент университета в Тарту Яан Эльвест. Спортивную закалку он получал в турнирах школьников Эстонии.

А теперь познакомьтесь с двумя примерами творчества участников первенства СССР.

(Диаграмма № 1)

К этому положению пришла партия между Андреем Соколовым и гроссмейстером Владимиром Тукмаковым. Черный король застрял в центре, и это дало возможность белым провести решительную атаку. События разыгрывались так: 17. e4—e5! d6:e5 18. f4:e5 Kf6—e4 19. Cg5:e7 Ke4:c3 20. Фe1—f2! f7—f5 21. e5:f6 Kc3:d1 22. Лf1:d1 g7—g6 23. Ce7—b4 Kpe8—f7 24. b2—b3 Фc4—c7 25. Kd4:e6! Черные сдались.

Попробуйте сами проанализировать красивое окончание этой партии. Могли ли черные защищаться более упорно, как они должны были играть? Пришлите нам ваши варианты.

Пионерская шахматная школа

Сообщаем, что все ребята, приславшие заявления о приеме, включены в состав учащихся нашей заочной школы. Учтите, что школа эта постоянно действующая, прием в нее продолжается.

«Никак не получается у меня мат конем и слоном одинокому королю противника. Как надо играть в таком окончании?» — просит ответить Сережа Григорьев (г. Тирасполь).

Вопрос этот интересный и заслуживает подробного рассмотрения.

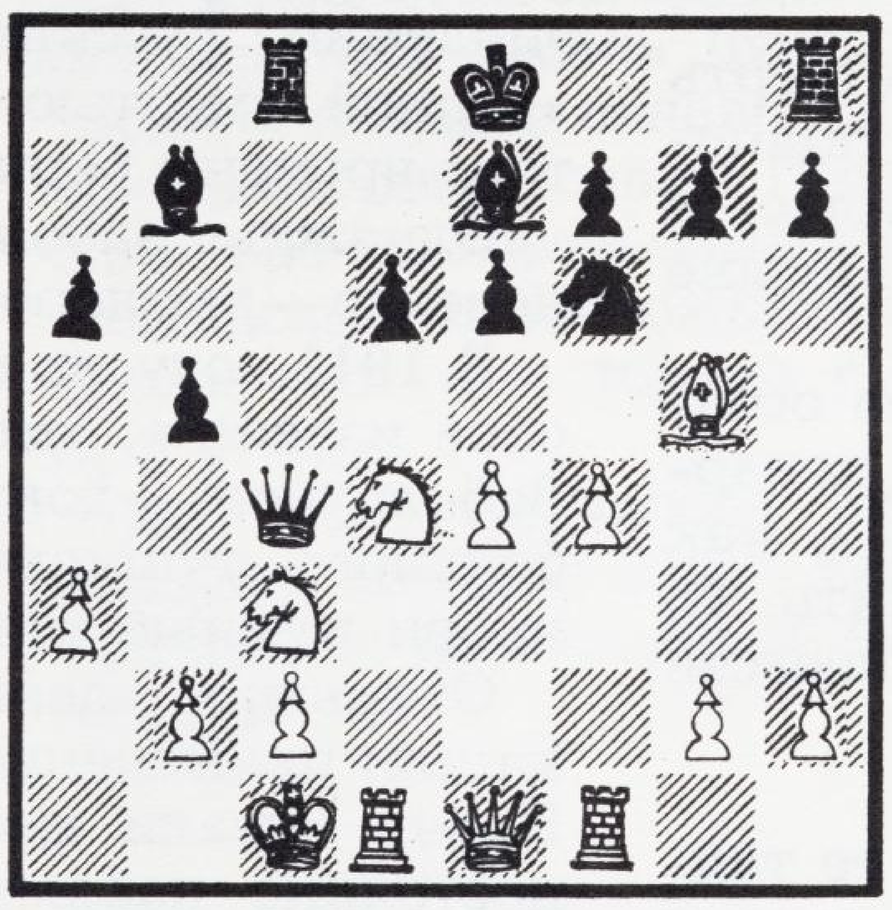


Диаграмма № 1

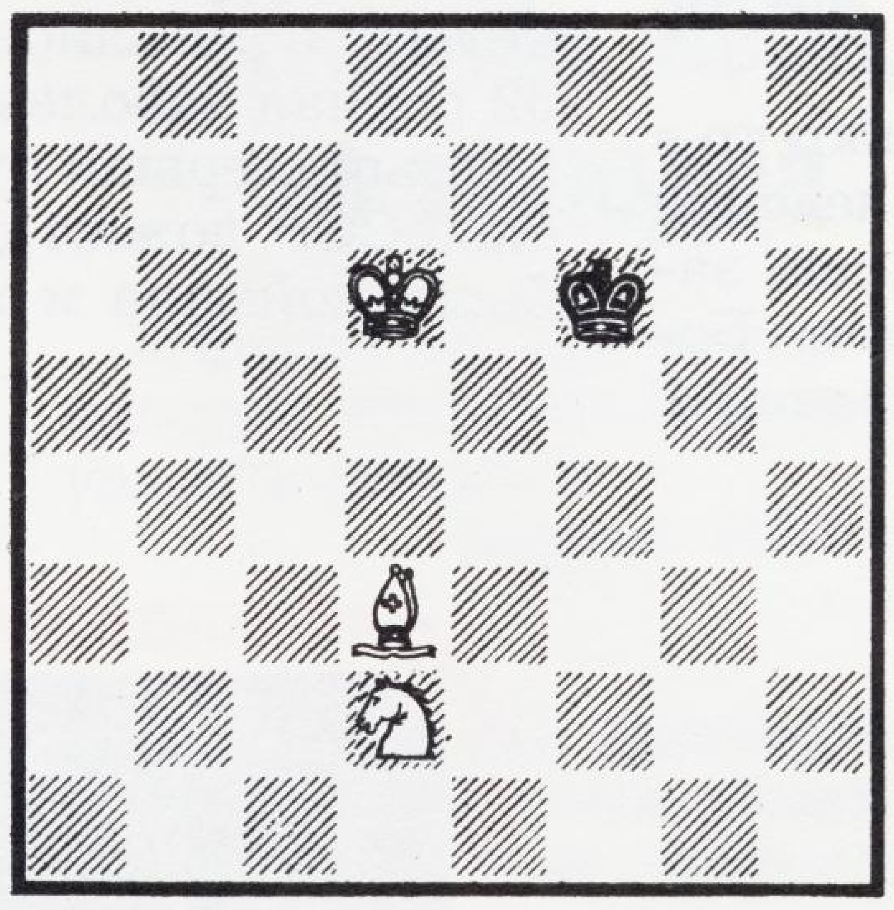


Диаграмма № 2

Прежде всего надо иметь в виду, что мат может быть достигнут только на угловом поле того цвета, которое может быть атаковано слоном. Конечно, король слабейшей стороны старается задержаться в центре доски, а при необходимости отступать уходит на то угловое поле, которое доступно слону.

Надо правильно организовать воздействие своих сил и не забывать о том, что по правилам мат должен быть достигнут за 50 ходов. Если это правило будет нарушено, партия считается закончившейся вничью.

Расставьте такую позицию: Белые: Kpf6, Cf5, Kf7, Черные: Kpf8.

Черные стремятся попасть в угол на a8. Белые должны теснить короля к полю a8. Вот как это делается: 1. Cf5—h7 Kpf8—e8 2. Kf5—e5! Kpe8—d8 (найдите, как играли бы белые в случае 2... Kpf8). 3. Kpf6—e6 Kpd8—c7 4. Ke5—d7! Kpc7—c6 5. Ch7—d3!

Теперь черному королю не прорваться через кордон, конь держит черные поля b6 и c5, слон — белые поля a6 и b5. Отличный пример взаимодействия!

5... Kpc6—c7 6. Cd3—e4 Kpc7—c8 7. Kpe6—d6 Kpc8—d8 8. Ce4—g6 Kpd8—c8 9. Kd7—c5 Kpc8—d8 10. Kc5—b7+ Kpd8—c8 11. Kpd6—c6 Kpc8—b8 12. Kpc6—b6. Дальнейшее уже просто, и вы, конечно, найдете путь к победе.

А теперь задание для занимающихся в школе.

(Диаграмма № 2)

Дайте анализ этой позиции. Пришлите нам ваши варианты, показывающие, как белые организуют матовую атаку. За правильный анализ вы сможете получить 2 очка.

На научной волне

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Кто что изобрел

ЛОГОВО «ЧЕРНОЙ СМЕРТИ»

Когда повествуют о приключениях и подвигах, то героями чаще всего оказываются путешественники, моряки, летчики...

А я расскажу о враче.

Ну что необычайного может быть в жизни врача? Сидел, небось, всю жизнь в кабинете, заглядывал пациентам в уши...

А вот и не угадали. Даниил Кириллович Заболотный плавал по морям побольше иного капитана, а на лошадях да верблюдах проехал чуть ли не всю Азию. Такой уж ему достался враг — гоняться за ним приходилось по всему свету.

Перед этим врагом дрожали самые бравые герои. Человек мог не бояться шторма, разъяренных львов, кровожадных пиратов, но короткое слово «чума» повергало его в панику. В шторм, может, и выплывешь, от зверя убежишь, а от чумы спасения нет.

В 1348 году «черная смерть» унесла четверть населения Европы. В 1720-м от нее почти полностью вымер Марсель. Чума не раз обрушивалась и на Россию. Например, только в 1603 году в Москве похоронили более 120 тысяч ее жертв.

И позднее, в просвещенные времена, чума оставалась бичом человечества. Беспощадным, коварным, загадочным. То она распространялась, как пожар, и врачи были бессильны ее остановить. То вдруг затихала, чтобы снова нагрянуть невесть откуда.

Откуда же?

Истребить «черную смерть», перекрыть ее тайные тропы — значит найти ее логово, место, где она отсиживается в тихие годы. За это рискованное дело и взялся в конце прошлого века доктор Заболотный, сын крепостного крестьянина.

Долгие годы он гонялся за «черной смертью» то в Монголии, то в Аравии или Китае. Обследовал больных, слушал рассказы местных знахарей, записывал предания. И вот что его поражало. Болезнь, как рассказывали, нередко начиналась с поисков «заколдованного клада», зарытого в степи. Уходил на это страшное дело человек, возвращался с богатством, но и с болезнью, губившей и его, и всех близких.

Чума стережет клады... Разве это не сказка? Какую, скажите, пользу может извлечь из нее ученый?

А Заболотный извлек. Он догадался: народная молва в такой фантастической форме передает сведения о том, что первый заболевший — охотник, кладоискатель — всегда приходит к людям из глухой степи. Кто же его, первого, заражает?

Грызуны!

Суслики, сурки, крысы... Степные жители охотно ели их. Мясо сурков считалось лакомством. То, что грызуны болеют чумой, знали давным-давно: в средние века людской мор всегда сопровождался крысиным. Однако именно Заболотный первым догадался, что и сохранять чуму в «тихие» времена могут степные грызуны.

Догадаться было трудно, но доказать — еще труднее. Долгие годы не удавалось поймать ни одного больного зверька.

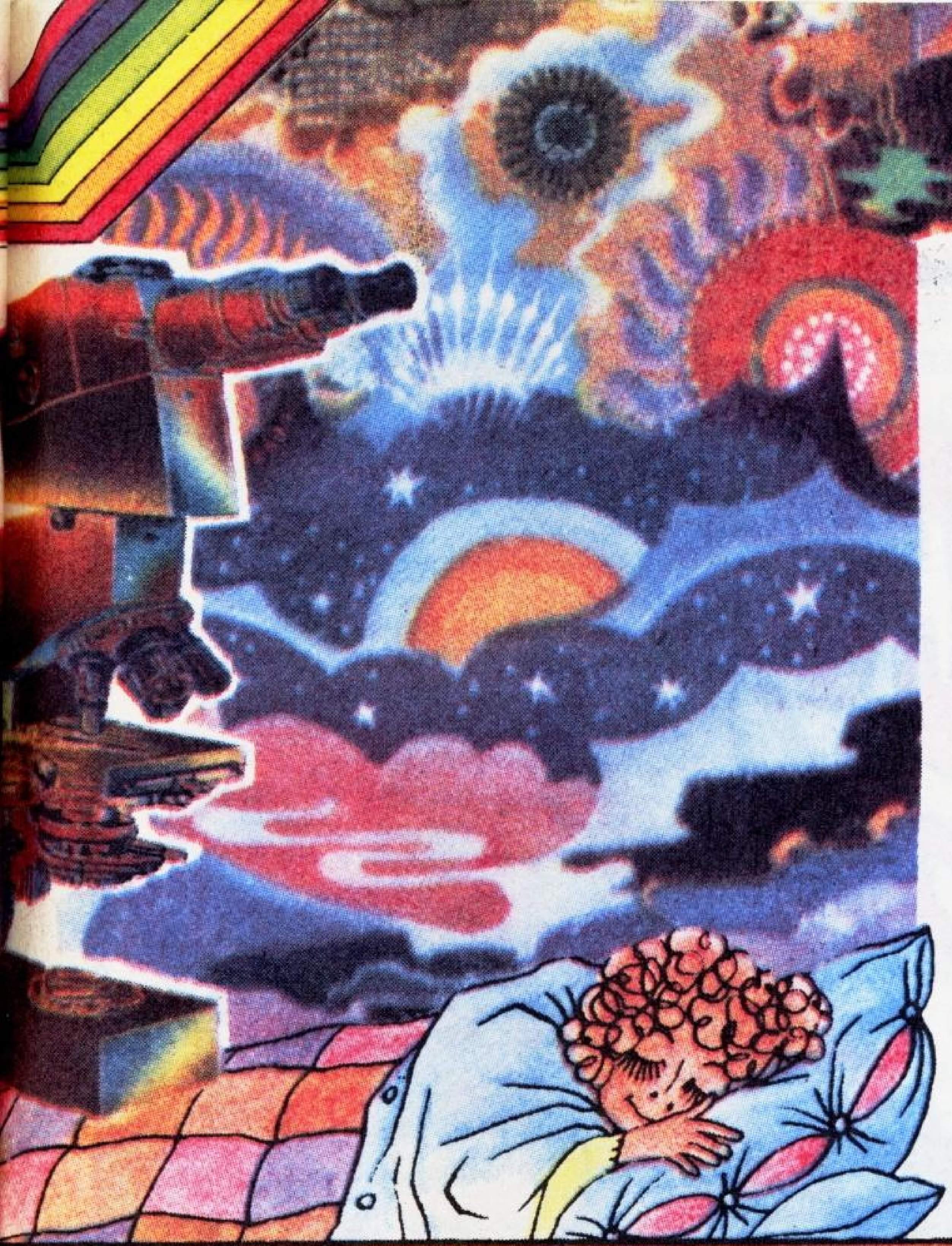
За это время по Азии прокатилось несколько эпидемий. Русские врачи героически боролись с «черной смертью». Немало их погибло: вакцина того времени была несовершенной.

Однажды заболел и сам Заболотный, но ему повезло — выздоровел...

В 1911 году из-под Астрахани пришло трагическое известие: умер один из лучших помощников Заболотного — доктор Деминский. Он поймал-таки больного тушканчика, успел обнаружить в его крови чумные микробы и сам же заразился.

Открытия, сделанные в дореволюционные годы, нашли применение только при Советской власти. Врачи искали места, где сохраняется инфекция, постоянно наблюдали за грызунами... Эпидемии «черной смерти» в нашей стране прекратились. В 1928 году, когда чума унесла в других странах четверть миллиона человек, в СССР было всего 32 случая заболевания. Даниил Кириллович Заболотный, первый президент Академии наук Украинской ССР, дожил до этого времени. «Черная смерть» была поймана и побеждена.

П. САВКО



Знаешь?

Луна удаляется от Земли на 4 сантиметра в год.

* * *

Сновидения помогают мозгу избавляться от ненужной информации.

* * *

Землетрясения можно предсказывать, наблюдая форму облаков.

зачем? почему?

Странствие восьми племен

«Меня интересует, почему мы, коми, живем на севере, венгры — намного южнее, а говор у нас похожий?»

Людмила ИМАТОВА,
п. Югыдъяг, Коми АССР.

Вроде и не так давно это было: всего тысячу лет назад. А многие народы еще не решили, где они будут жить, и брели со стадами и скарбом кто на север, кто на восток, кто на юг в поисках лучших земель, богатства и счастья.

Вот и венгры жили когда-то за Уралом, рядом со своими родственниками, племенами ханты и манси. И вдруг снялись с родных мест. Сначала поселились на реке Дон, пожили там немного, пошли дальше. В 898 году, о чем свидетельствуют летописи, миновали Киевскую Русь. И осели лишь на богатых, плодородных землях Дуная. Годом обретения родины венгры считают год 896. Как видите, со славянскими летописями тут расхождение. Но кто на год-другой ошибся, нам сейчас неважно.

Что заставило восемь племен под руководством вождя Арпада отправиться в столь дальнее странствие?

Вот какая есть версия.

Пока венгерские воины помогали монгольским племенам воевать с другими народами, на их селения напали враги. Детей и женщин убили, дома сожгли, добро разграбили. Вернулись мужчины на пепелище, как жить дальше? Бросили они родные края и пошли на запад. Достигли благодатных земель Дуная, потеснили племена славян, славянок взяли себе в жены. Поэтому в венгерском языке немало слов славянского происхождения. Но обозначают они только кухонную утварь.

Вот как получилось, что у народов, которые живут сейчас так далеко друг от друга, языки похожи.

М. М.

Кусочек неба из колодца

«Правда ли, что из глубокого колодца или шахты можно днем увидеть звезды?»

Марина ИВАНОВА,
г. Тула.

Такое поверье действительно существует, и очень давно. Об этом писал еще древнегреческий философ и ученый Аристотель больше двух тысяч лет назад. Вслед за ним это утверждение повторяли многие другие ученые, даже знаменитый астроном Джон Гершель. Хотя проверить его на опыте, спустившись в колодец, почему-то никому не пришло в голову. А если бы пришло, то они убедились бы, что звезд из колодца не видно...

Днем звезды не видны потому, что их слабый свет просто теряется в свечении небосвода, который в несколько миллионов раз ярче ночного неба. А светится небосвод потому, что солнечные лучи рассеиваются молекулами газов и частицами пыли, которые всегда есть в воздухе.

Если смотреть со дна колодца, то видимый оттуда кусочек неба будет так же ярко светиться, как и весь остальной небосвод. Другое дело, если б удалось построить трубу высотой километров в полтораста. В нее действительно не попадала бы бо́льшая часть света, излучаемого атмосферой. Но сквозь такую трубу был бы виден лишь крохотный участок неба, в котором могло бы просто не оказаться ни одной видимой звезды.

А. ДМИТРИЕВ

Сергей МАХОТИН,
участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей

Дедушка

С дедушкой возле садовой скамьи
Смотрим устало на руки свои.
Я говорю: «Загорели!»
Он говорит: «Постарели...»

Выла ножовка. Рубанок жужжал.
Дедушка резал. Я доску держал.
Стружка струилась, как змейка.
Крепкая вышла скамейка!

...Дедушка медленно к дому идет.
Медленно солнце к закату идет.
Пахнет печеной ватрушкой,
Скошенным сеном и стружкой.

Лето нараспашку

С ручьем на пару — кто быстрей! —
Бегу я по овражку,
И ветер хлопает в моей
Рубашке нараспашку.

Ручей теряется в лесу,
А я под птичьи крики
Вприпрыжку из лесу несу
Полкепки земляники.

Мелькают пчелы, васильки,
Заборы, огороды,
Жужжат стрекозы и жуки,
И три коровы у реки
Мычат, как пароходы.

Мне хорошо сегодня жить
В рубашке нараспашку!
Мне с ветром хочется дружить
И поскорей растормошить
Овсянникова Пашку.

Я друга лучшего бужу,
Подушку отнимаю...
А для чего я так спешу,
И сам не понимаю.

Конец августа

Все молчаливей деревья,
Лето им больше не снится.
Бабушка варит варенье,
Пенка на блюдце дымится.

Утром прохладно и сухо.
Близится срок урожая.
Яблоки падают глухо,
Звездам ночным подражая.

Сто лет назад в одном из городков западной окраины Российской империи родилась девочка. Ни в ее семье, ни в людях, среди которых она жила, ни в ней самой не было на первый взгляд ничего исключительного. Девочка со смешной домашней кличкой «Кнопка» выросла, прожила большую и мудрую жизнь. Она стала коммунистом, известной деятельницей советского театра, драматургом.

А когда Александре Яковлевне Бруштейн исполнилось уже семьдесят лет, она начала писать о своем времени, своих родных, друзьях, обо всем, что пережила и перечувствовала в детстве и отрочестве.

Александра Бруштейн написала об этом три книги: «Дорога уходит вдаль», «В рассветный час» и «Весна». Появление этих книг вызвало огромный читательский интерес. Сотни и сотни писем приходили от юных читателей, писем, наполненных глубоким раздумьем, душевным чувством.

Чем было вызвано это читательское волнение, этот читательский трепет? От нас бесконечно далеко ушло время, изображенное в книгах Александры Бруштейн.

На страницах ее книг появляются люди, каких никогда не видели и не увидят современные читатели: озверелый фабрикант Шабанов, воспитывающий своих детей так, «чтобы они этих скотов-рабочих могли потом в кулаке держать»; городовой Кулакович, бьющий ногой в лицо старую торговку Хану; либеральная дама Серафима Павловна, которая для возбуждения аппетита своих перекормленных детей приглашает к столу детей бедняков и кормит их картошкой и селедкой рядом со своими девочками, которые воротят нос от куриных котлет и сливок...

Но не только это навсегда ушедшее прошлое нас волнует. Нам оказалось бесконечно интересно и важно все, что в это время происходило в душе девочки Сашеньки Яновской — так назвала себя Александра Яковлевна в своих воспоминаниях. Все

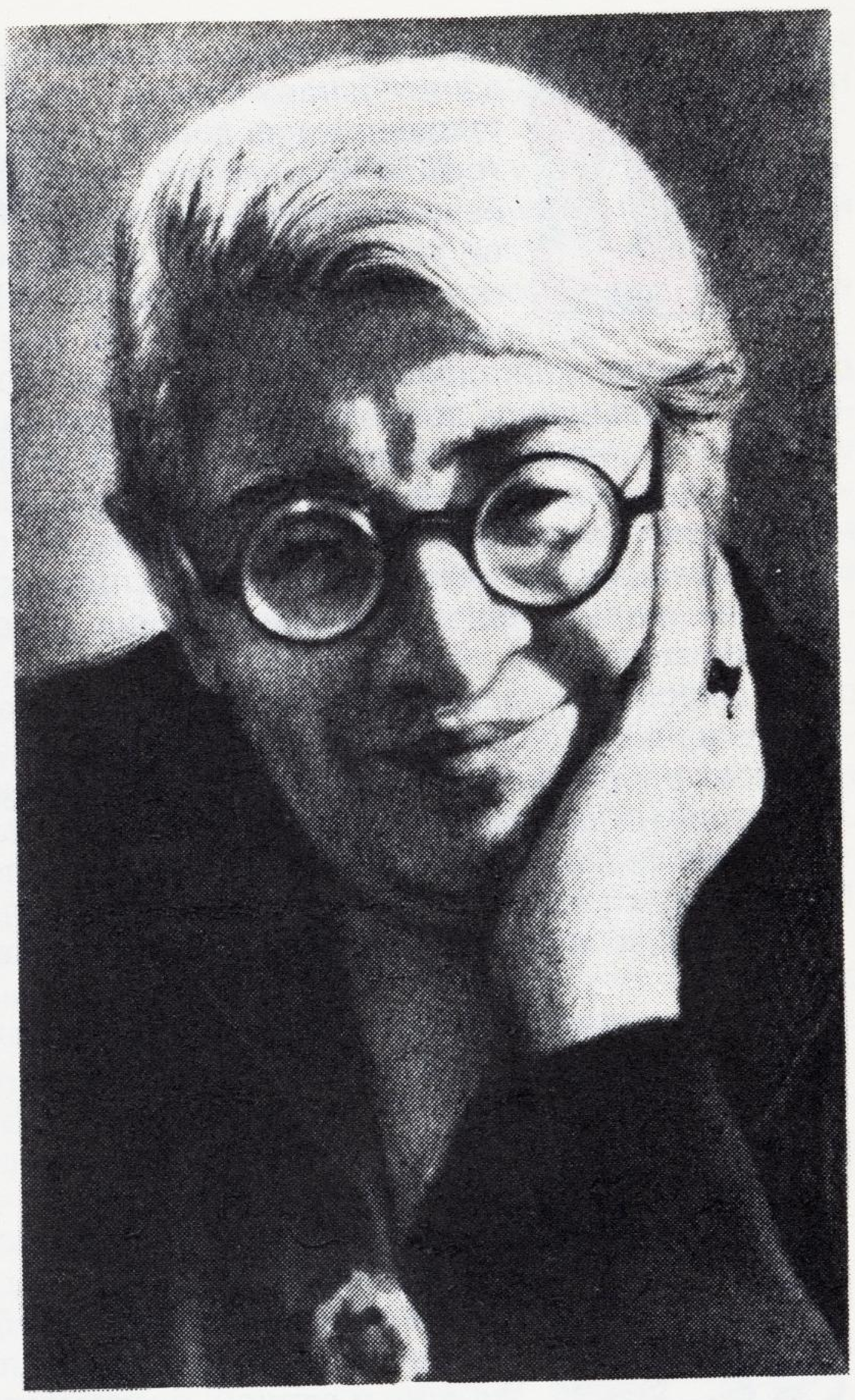
в том страшном мире, где живет маленькая девочка, устроено так, чтобы испоганить душу ребенка, заполнить ее зрелищем издевательства богатых над бедными, сильных над слабыми, торжества подлости над честностью, лжи над правдой. И все же, читая повесть, мы видим, как рождается в героине понимание происходящего вокруг, как созревает ее душа.

Маленькую девятилетнюю девочку привели в балаган, где на забаву сытой, ищущей развлечения публике искалеченный безрукий художник рисует картины ногами. Застывшая от удивления и жалости, смотрит девочка, как человек углем, зажатым в пальцах ноги, под смех и аплодисменты зрителей рисует картинки — смешные, грустные... И предлагает их купить — всего тридцать копеек картинка. Но они никому не нужны, удовольствие публики исчерпано зрелищем уродства. И только одна эта девочка умоляет маму, чтобы она купила для нее удивительную картинку. И тогда художник, тронутый волнением и восхищением девочки, говорит: «Пусть маленькая барышня возьмет рисунок «Дорога уходит вдаль...». Когда я еще был художником — а я был настоящим художником, прошу мне поверить! — это была моя любимая тема: «Все вперед, все вдаль! Идешь — не падай, упал — встань, расшибся — не хныч. Все — вперед! Все — вдаль!»

И девочка уходит из балагана, унося с собой рисунок, на котором извилистая лесная дорожка ведет вдаль, к поднимающемуся солнцу. Она уходит, на всю жизнь запомнив мужественные слова человека, упавшего, но вставшего, расшибшегося, но не плачущего... Через всю трилогию проходит этот образ пути, по которому настоящий человек должен идти прямо, не сгибаясь, не петляя. И недаром последнюю книгу трилогии, «Весна», писательница заканчивает словами: «Благословенны дороги, по которым мы уходим вдаль!»

Детство — прекраснейшая пора жизни. Но не о прелестях детства писала Александра Бруштейн. Она писала о другом — о дороге, которую должен пройти каждый человек от детства и до конца. Жить нужно для людей! — вот в чем состоит та философия, которую усвоила Сашенька Яновская в детстве и которой следовала всю свою большую жизнь писательница Александра Яковлевнаа Бруштейн.

Она родилась 24 августа 1884 года в Вильно (теперешнем Вильнюсе) в семье врача. Окончила гимназию, приехала в Петербург, поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов. Так начинали свою жизнь многие девушки из интеллигентных семей. Но было в жизни, в поступках молодой Александры Бруштейн нечто, отличающее ее от сверстниц. Еще учась в гимназии, начала она преподавать в вечерних и воскресных бесплатных школах для рабочих. И продолжала этим заниматься в Петербурге. Свыше десяти лет она работала в нелегальных организациях «Политического красного креста помощи заключенным и ссыльным революционерам». Александра Бруштейн состояла



Александра Яковлевна Бруштейн.

в группе «Помощи политкаторжанам Шлиссельбургской каторжной тюрьмы». Она собирала деньги и вещи для революционеров, которые содержались в самой страшной каторжной тюрьме России — в Шлиссельбурге.

А после Октябрьской революции Александра Яковлевна включилась в культурно-просветительную работу молодой Советской республики, организовывала «театральные команды» — передвижные театральные группы — и разъезжала с ними по фронтам гражданской войны, выступая перед красноармейцами.

Еще молодой девушкой начала Александра Яковлевна печатать в провинциальных газетах и журналах свои стихи, очерки, переводы. А когда окончилась гражданская война и прекратились ее странствия с «театральными командами», она стала писать пьесы для детей. Только начинали создаваться первые театры для детей. Пьес для них не было, и Александра Бруштейн инсценировала любимые детьми книги Марка Твена, Гюго, Диккенса. Ее пьесы «Голубое и розовое», «День живых», «Так было» и другие до сих пор не сходят со сцен многих детских театров нашей страны.

Но все же для детей нашей страны Александра Бруштейн прежде всего автор книг о детстве и отрочестве Саши Яновской. Эти книги продолжают издаваться и после смерти автора, им суждена долгая жизнь. Отчего они так долговечны? В чем их прелесть, их сила? В том, что они полно отражают мысли и личность их автора. А автор этот был человеком исключительного ума и душевной доброты.

Для Александры Яковлевны никогда не было «чужой» жизни. Она, увидевшая за долгие годы столько горя и испытаний, любила людей беззаветно и жить без этой любви не умела. В книге своих воспоминаний она восклицает: «Нет, люди — это хорошо!» И для людей она никогда не жалела сил. Но при этом сердилась, когда ее называли доброй. Она однажды написала: «Доброта бывает разная. Есть такая доброта, о которой, как и об иной простоте, можно сказать, что она «хуже воровства». Такая доброта со слезами умиления подает неимущему фальшивую копейку, одновременно очень спокойно снимая с него последние штаны...»

А доброта Александры Яковлевны была всегда деятельной, только деятельной. С юности, когда она начала работать в нелегальном «Красном кресте», она привыкла помогать тем, кто в беде, не словами, а только делами. Не повздыхать, поохать, посочувствовать, а немедленно позвонить, написать десятки записок нужным людям, собрать деньги для помощи.

Она считала, что нет в мире более важных дел, как помощь тем, кто попал в беду.

Я познакомился с Александрой Яковлевной, когда ей было уже около семидесяти лет. Она была не только старым человеком, она была еще и глухой, беспомощной без слухового аппарата, который постоянно портился. Она очень плохо видела, и ее ждала прогрессирующая слепота. У нее была сломана нога, и она передвигалась с трудом. Врачи разрешили ей работать не более двух часов в день, чтобы дольше сохранить больные глаза. Александра Яковлевна была всю жизнь связана с медициной и очень серьезно относилась к предписаниям врачей. Два часа в день она проводила за рукописью новой книги.

Ее книги получались полными живых мыслей и сильных чувств, потому что Александра Яковлевна писала с полной самоотдачей.

Как же ее радовало огромное количество читательских писем на ее книги! Она следила, чтобы ни одно письмо, адресованное издательству, не оставалось без ответа, а на многие письма отвечала сама. Она лукаво говорила, что запрет врачей на работу больше двух часов в день не распространяется на ее переписку. А письма Александра Яковлевна писала четким и ясным почерком, и были эти письма полны ума, юмора и добра.

Переписка и общение с детьми были для Александры Яковлевны предметом особенного внимания и любви. К детям она относилась не просто с любовью, а с величайшим уважением. Она говорила: «Я ненавижу такие выражения, как «наша славная детвора» или «наши замечательные ребятишки». В книге «Вечерние огни» она писала: «Даже обращение «Дети!» я не люблю. Ведь когда я выступаю перед студентами или рабочими, я не обращаюсь к ним со словами «Здрасте, взрослые!». И когда она появлялась в школе, в библиотеке, в детском доме перед детьми любого возраста, даже самыми маленькими, она им всегда говорила: «Здравствуйте, товарищи!» И делала это вовсе не для того, чтобы как-то подладиться к детям. Просто они для нее были всегда равноправными товарищами, друзьями.

Смотреть, как Александра Яковлевна разговаривает с детьми, было наслаждением. Мне не раз приходилось организовывать ее встречи с читателями. Она рассаживала детей, своими больными глазами мгновенно усматривала, что кто-то оттеснил малышку, кому-то неудобно сидеть, и сама рассаживала мальчиков и девочек вокруг себя, чтобы всем было удобно, чтобы каждый мог ее видеть и чтобы она могла видеть каждого.

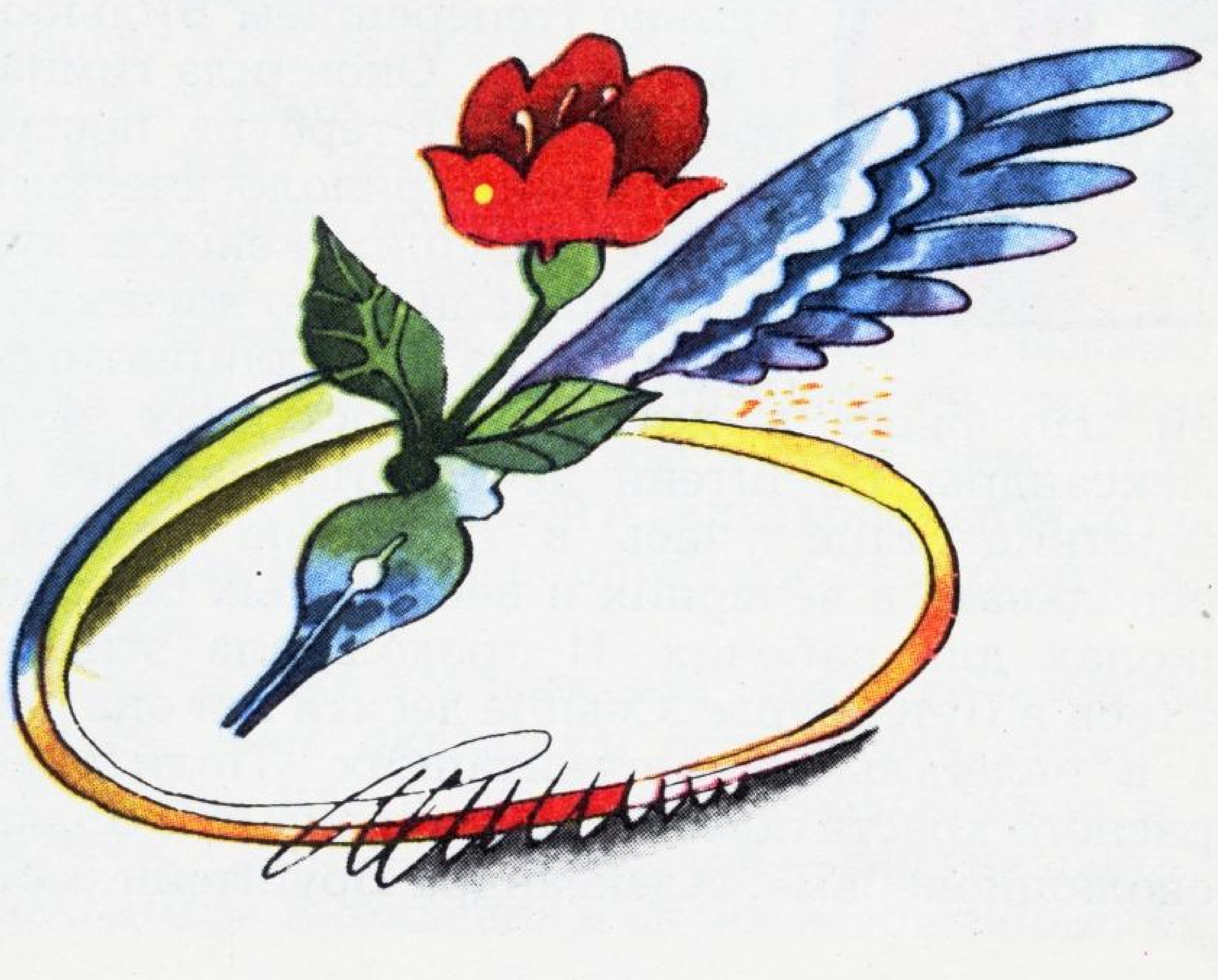
Есть у Александры Яковлевны рассказ о том, как она лечилась в Одессе, у знаменитого профессора В. П. Филатова, пытаясь спасти свои угасающие глаза. Там, в этом рассказе, она ничего не пишет про себя, про свою болезнь. Весь рассказ написан о тех детях, с которыми она лежала в клинике, детях несчастливых, подчас безнадежно обреченных на слепоту. Это написано с таким чувством любви и сострадания, с таким великим желанием хоть чем-то помочь, чем-нибудь облегчить жизнь этих детей, что становится ясным характер Александры Яковлевны, характер ее творчества.

В своих книгах-воспоминаниях Александра Яковлевна много места, внимания и любви отдает своему отцу, который всю свою жизнь делал людям добро и внушил своей дочери, что это и есть главное для каждого человека. Вспоминая о веселой прогулке с отцом, она вдруг прерывает свой рассказ, чтобы воскликнуть: «Папа мой, папа! Через пятьдесят лет после этого вечера, когда мы с тобой «кутили», тебя, 85-летнего старика, расстреляли фашисты, занявшие наш город... и я не знаю, где тебя схоронили. Мне некуда прийти и сказать тебе, что я живу честно, никого не обижаю, что я тружусь и хорошие люди меня уважают... Я говорю тебе это здесь».

Александра Яковлевна Бруштейн умерла в 1968 году. Ей было 84 года. И мы знаем, что все эти долгие годы она прожила красиво, достойно, что она в жизни, в своих пьесах, своих книгах творила добро и хорошие люди платили ей любовью и уважением. Мы об этом вспоминаем сейчас, когда исполняется 100 лет со дня ее рождения, и об этом всегда будут помнить дети и взрослые — читатели ее книг.

Лев РАЗГОН

Рисунки А. БОРИСОВА.



*С **Татьяной** и **Сергеем НИКИТИНЫМИ** вы не раз встречались в теле- и радиопередачах, на концертах. Песни на музыку Сергея Никитина звучат и на ваших пластинках, в фильмах, спектаклях. Сегодня Татьяна и Сергей — гости «Переменки». Встречает их наш корреспондент **Марина Потоцкая.***

— Многие ребята начали играть на гитаре и петь песни после того, как увидели и услышали вас. А где вы, Сергей, научились так здорово играть на гитаре?

СЕРГЕЙ. Я сам научился. Когда был еще школьником, один студент показал мне несколько аккордов на семиструнной гитаре. С этого-то все и началось...

— Знаете, как бывает: вот и гитару купили, и самоучитель есть, а откроешь его — так скучно становится... Как сделать, чтобы интересно было учиться играть?

ТАТЬЯНА. По-моему, надо ставить перед собой не дальние цели — научиться играть, как какой-нибудь великий гитарист, а просто, услышав где-то хорошую песню, попробовать подобрать ее на гитаре, чтобы потом спеть своим друзьям. Увидите, получится быстрее и интереснее, чем по самоучителю!

СЕРГЕЙ. Я именно так и делал, когда начинал.

— Тогда у вас слушателей, наверное, было немного. А сейчас вы с Татьяной поете перед сотнями, а то и тысячами людей! Расскажите о каком-нибудь своем концерте.

СЕРГЕЙ. Рассказать, как я... исполнял мексиканские танцы?

— Вы еще и танцуете?

СЕРГЕЙ. Если это нужно для пользы дела! Когда я учился в университете, мы зимой поехали с нашей студенческой агитбригадой на целину. Колесили по дорогам в открытом грузовике, и один из наших танцоров-«мексиканцев» простудился. Но не отменять же концерты! Пришлось мне не только петь и играть на гитаре, но и танцевать. До сих пор помню несколько мексиканских па!..

— Татьяна, а когда вы стали петь вместе с Сергеем?

ТАТЬЯНА. Это было намного позже «мексиканского» периода. Мы пели вместе вначале в квинтете, тоже в студенческой самодеятельности. Ездили в этом составе в 1979 году в Берлин на фестиваль политической песни... А уж потом у нас получился дуэт — семейный и музыкальный.

— Я вот о чем хочу спросить: как вы все успеваете? Вы оба физики, кандидаты наук, работаете в солидных научно-исследовательских институтах... Многие ребята жалуются: если помимо школы занимаешься волейболом или ходишь в изостудию, то больше уже ничего не успеваешь! А как вы?..

СЕРГЕЙ. Честно говоря, с трудом. Вот когда готовился к защите диссертации, то пел значительно меньше. А Таня защитилась намного раньше меня. Может быть, женщины более организованны?

— Ваши песни нравятся взрослым и детям. Как вам поется в детской аудитории?

ТАТЬЯНА. Очень хорошо! Когда начинаем репетировать новую песню, то всегда раньше показываем ее своему сыну, детям наших друзей... Потому что дети — самые «честные» слушатели: если песня скучная, они сразу зевают и вертятся...

СЕРГЕЙ. А уж если песня нравится,— начинают подпевать и хлопать в такт.

— Расскажите, что нового в вашем репертуаре.

СЕРГЕЙ. Последняя наша пластинка называется «Али-Баба и 40 разбойников». Музыку к ней я написал вместе с Виктором Берковским, тоже, кстати говоря, не профессиональным композитором, а ученым-сталеваром. Ребята, наверное, знают нашу с ним песню «Под музыку Вивальди». А до «Али-Бабы» выходила пластинка «Большая докторская сказка», мультфильмы «Мальчик шел, сова летела», «Большой секрет для маленькой компании»...

ТАТЬЯНА. Хотите узнать, что у нас нового — приходите на наш концерт!

— От имени читателей «Переменки» — большое спасибо за приглашение!

Желаем всем добра, а это значит — не расставаться с музыкой!

С. Никитин

Т. Никитина

Фотография А. БОЙЦОВА.

ПАЛАТА УМА

Рисунки А. Вовиковой.

ГОЛ!!!

Игры Лупы и Пинцета

Кто забьет в ворота мяч
За 16 передач?
Вам придется повозиться,
Труд немалый предстоит:
Только сумма 230
Означает — гол забит!

Примечание: впишите в кружочки номиналы (стоимости марок) с таким расчетом, чтобы на последней передаче у вас в сумме набралось 230 очков. Предварительно разберитесь, как подобрать такую сумму!

Спасите антилопу!

Игры деда Буквоеда

В западню попалась антилопа!
Постарайтесь бедную спасти.
Есть у вас и знания и опыт,
Чтобы злые козни отмести!

Примечание: необходимо засыпать западню буквами так, чтобы образовался непрерывный ряд слов, связанных началами и концами. (Они выделены красным цветом.) Буквы для засыпки в кругу.

					З				А	Н	Т	И	Л	О	П	А				Д			Н	Я			

К штурвалу!

Капитан Перо ищет помощника

Вычеркни буквы, которые дважды
В этой таблице уловит твой взгляд.
Та, что останется, точно подскажет
Место, где должен причалить фрегат.

Б	К	Ч	Р	И	Т	З	Н	А
О	Б	П	Д	Э	Е	М	Г	Л
Э	М	С	Л	О	Я	П	К	Р
З	Ч	Е	Я	Ш	И	С	У	Ш
Н	А	Ф	Д	Т	Ю	Г	Ю	Ф

Чему равен гном?

Приучайтесь думать точно!
Все исследуйте до дна!
Вместо гнома на листочке
Цифра верная нужна!
Я подсказывать не буду
Никаких ее примет,
Но ОДНА И ТА ЖЕ ВСЮДУ
Даст вам правильный ответ.

$$\begin{array}{r} 2\,.\,4\,. \\ +\;7\,5\,6\,. \\ \hline 9\,.\,4\,. \end{array}$$

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ №7

Игры Деда Буквоеда

Что говорит рыба? У тебя острый глаз.

Карандаши. 3, 1, 5, 4, 2, 7, 6.

Игры Лупы и Пинцета

Звонкое имя: вороб-ан-га.

МОЙ КОНЕК

Не скрылось бы солнце

Маленький дворик почти в самом центре Москвы. Лоскуток земли, на котором зеленеет трава и желтыми огоньками светятся одуванчики. Несколько каких-то кустиков, три-четыре невысоких дерева...

Я выхожу из своей комнаты, спускаюсь по лестнице во двор. В руках у меня фотоаппарат «Зенит-Е», он заряжен цветной обратимой пленкой. Между объективом и корпусом навинчено «переходное кольцо», которое позволяет фотографировать с близкого расстояния, крупным планом.

Вечереет, но солнце еще достаточно высоко. На один из одуванчиков сел, кажется, шмель. Я осторожно наклоняюсь, «прицеливаюсь» объективом, смотрю в глазок видоискателя...

Что это?! Передо мной не одуванчик вовсе. Передо мной большая то ли ваза, то ли корзинка, набитая шелковистыми желтыми «лилиями», и прямо на ней, обхватив ее лапами, хозяйничает мохнатый, темно-бурый с рыжими полосками зверь. Медвежонок? Да, он похож на медвежонка, только с прозрачными крыльями... Так вот как выглядит шмель, если посмотреть на него с близкого расстояния! А какой необычный цветок одуванчик!

Потом я увидел жука-пожарника, похожего на рыцаря в старых медных доспехах (жук полз по листу, и лист слегка покачивался под ним)... Большую муху, севшую на кору дерева,— точь-в-точь готовый к взлету реактивный лайнер... И, наконец, знакомую всем златоглазку, или флёрницу, похожую на маленькую стрекозу, которая грациозно ползла по травинке, одетая в просторное «платье» из полупрозрачных крыльев. Она напоминала балерину...

Жизнь моя с того дня изменилась. Какие захватывающие часы проводил я, путешествуя с фотоаппаратом сначала во дворе, потом в одном из московских парков, наконец, на поляне в пригородном лесу! Это были сказочные травяные «джунгли»!

Из жителей этих «джунглей» мне больше всех понравились пауки. Ведь это удивительные мастера-ткачи! Попробуйте внимательно разглядеть паутину какого-нибудь крестовика. В чаще леса, в гуще кустарника, иной раз просто среди высокой травы она висит, словно серебристое кружево. А сам мастер то прячется в домике из листиков с краю паутины, то по-хозяйски располагается в самом ее центре, раскинув ноги и чутко улавливая малей-

Продолжение на последней обложке.

СОДЕРЖАНИЕ

Малая пионерская энциклопедия.— Фотография В. Арсирия ..... II обл.
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой 2
Песочные часы.— Повесть Е. Пинаева. Рисунки А. Дугина 4
Бумажный змей и я. Свисток.— Стихи А. Костецкого 17
Если хочется стать лучше.— А. Лиханов. Рисунки А. Борисова 18
Стихи поэтов Югославии 20
Школа умелых хозяев
Надежные внуки.— А. Санжаровский. 22
Дискуссионный пионерский клуб «За и против»
Хрупкие вещи.— И. Христовая. Рисунки Л. Насырова 25
Первый рассказ в «Пионере»
Светящиеся буквы.— Рассказ А. Дорофеева 30
Города-герои
Киев.— Е. Селезнева. Фотографии В. Арсирия 32
На сцене и за кулисами.— М. Матвеева. Фотографии И. Гаврилова и В. Машатина 34
«Кораблик» 38
Лесная девочка.— С. Богатырева 40
Всесоюзный штаб Тимура 43
«В полдневный жар...»— Повесть Л. Обуховой. Продолжение. Рисунки А. Аземши 44
Плывут по морю... поезда.— А. Архарова, Л. Макарова 52
Переменка 54,61
В стране шаха — владыки черных и белых полей 55
На научной волне 56
Дедушка. Лето нараспашку. Конец августа.— Стихи С. Махотина. Рисунок Ю. Карповой 58
Все вперед, все в даль!— Л. Разгон. Рисунки А. Борисова 58
Ума палата.— Ведет Е. Разговорова 62
Мой конек
Не скрылось бы солнце.— Ю. Аракчеев. Фотографии автора 64
Пионерская «Бригантина».— Песня. Музыка Н. Пескова. Стихи В. Чижова ..... III обл.

На обложке:
Трасса дружбы Советский Союз — Болгария. Рисунок Б. Кыштымова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1984.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва,**
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 01.06.84.
Подписано к печати 18.06.84. А 12804. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1670000 экз. Изд. № 1730. Заказ № 2909.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПИОНЕРСКАЯ «БРИГАНТИНА»

Посвящается Всесоюзному пионерскому лагерю «Океан»

Музыка Н. ПЕСКОВА.

Стихи В. ЧИЖОВА.

Где рассвет берет начало
Над Советскою страной,
«Бригантины» парус алый
Гордо реет над волной.

Припев:
«Бригантина», «Бригантина»,
Пионерская дружина,
Мы с тобою подружились,
Отправляйся в путь скорей.
«Бригантина», «Бригантина»,
Помни юнг своих отважных,
Ты приснишься нам однажды
Через тысячу морей.

Смелый юнга в море вышел,
И открытий жизнь полна,
Но еще сильней и выше
Океанская волна.

Припев.

Мы умеем ставить парус
И картошку печь в золе.
Мы хотим, чтоб слово «дружба»
Стало главным на земле!

Припев.

Начало на 64-й странице.

шие колебания нитей: «кружево» — это ловчая сеть...

Еще нравилось мне фотографировать гусениц бабочек. Они казались мне очень красивыми. А какие грациозные позы они принимали! Некоторые, если их потревожили, мгновенно вскидывали вверх заднюю часть туловища и становились похожими на вопросительные знаки.

Жуки тоже завоевали мои симпатии. Одетые в жесткие панцири, отлитые словно бы из вороненого металла. И так странно было о них думать, что они не автоматы, не заводные игрушки, а живые.

Я понял, что имею дело с удивительным миром, разнообразным, фантастическим. И тогда я подумал: «Маленькие эти существа живут совсем рядом, а я так мало знаю о них». И начал читать книги. Сколько же нового я узнал! Оказалось, например, что пауки, эти маленькие восьминогие чудовища,— первопоселенцы суши. А сейчас их можно встретить везде, даже на высоте 7300 метров, в зонах вечных льдов и снегов. Участники одной из экспедиций на высочайшую гору мира Джомолунгму встретили там, на этой высоте, маленького паука-скакунчика.

По количеству и разнообразию видов насекомых больше, чем всех остальных животных и растений, вместе взятых! Они, насекомые, выходит, «хозяева Земли»...

Да, с того первого дня, когда я вышел с фотоаппаратом в «джунгли» маленького московского дворика, моя жизнь изменилась. Я теперь не мыслю своей жизни без фотографии, без наблюдения, без изучения окружающего нас мира. Конечно, я фотографирую не только насекомых, но и цветы, и капли росы, и травинки-листики, и пейзажи, даже морозные узоры на окнах своей квартиры. Удивительное кроется подчас в самом привычном.

Приглядитесь к тому, что вас окружает, ребята, посмотрите внимательно. Вы увидите, что росток проросшей по весне картошки — мордочка какого-то зверька, травинка в луже — «тропическое» растение, отцветший одуванчик с оставшимися последними «парашютиками» — круглая сцена, на которой танцуют балерины... Мы мечтаем о путешествиях в дальние страны. Но, оказывается, можно путешествовать и не уезжая далеко.

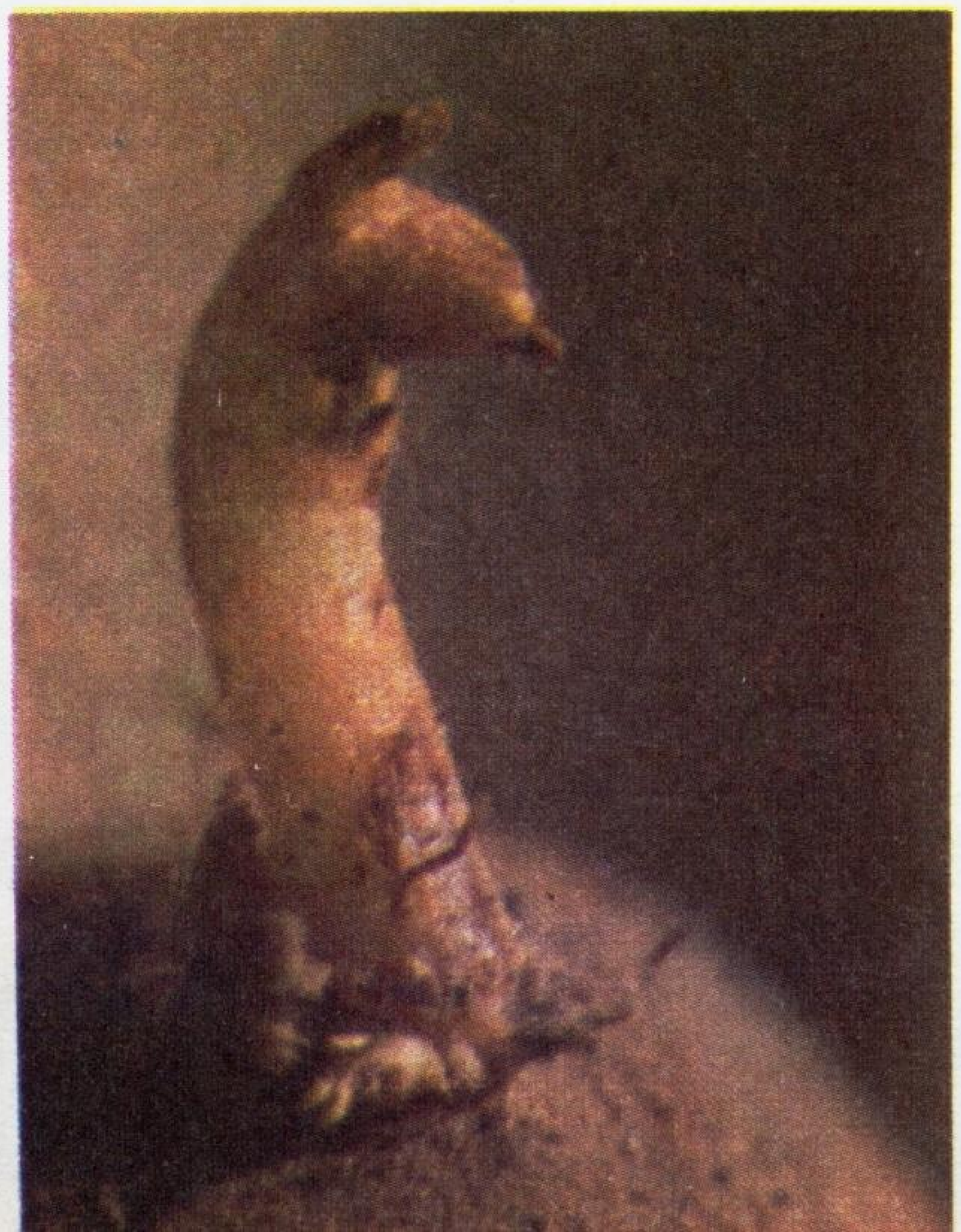
Что же нужно для таких путешествий? Нужен зеркальный фотоаппарат, то есть такой, где наводка на резкость ведется по матовому стеклу. Знакомая всем вам «Смена» не подойдет, потому что там резкость наводится по метражу. А вот в самый раз будет, например, наш отечественный «Зенит-Е». Именно таким фотоаппаратом я пользуюсь уже много лет. Еще нужны «волшебные» переходные кольца, которые навинчиваются между корпусом и объективом фотоаппарата и позволяют снимать с близкого расстояния. От количества колец зависит степень увеличения: чем больше колец и шире само кольцо, тем больше и увеличение. Еще нужно карманное зеркальце для подсветки. Вы ловите зеркальцем солнечный «зайчик» и направляете его на предмет, который фотографируете, чтобы он был лучше освещен.

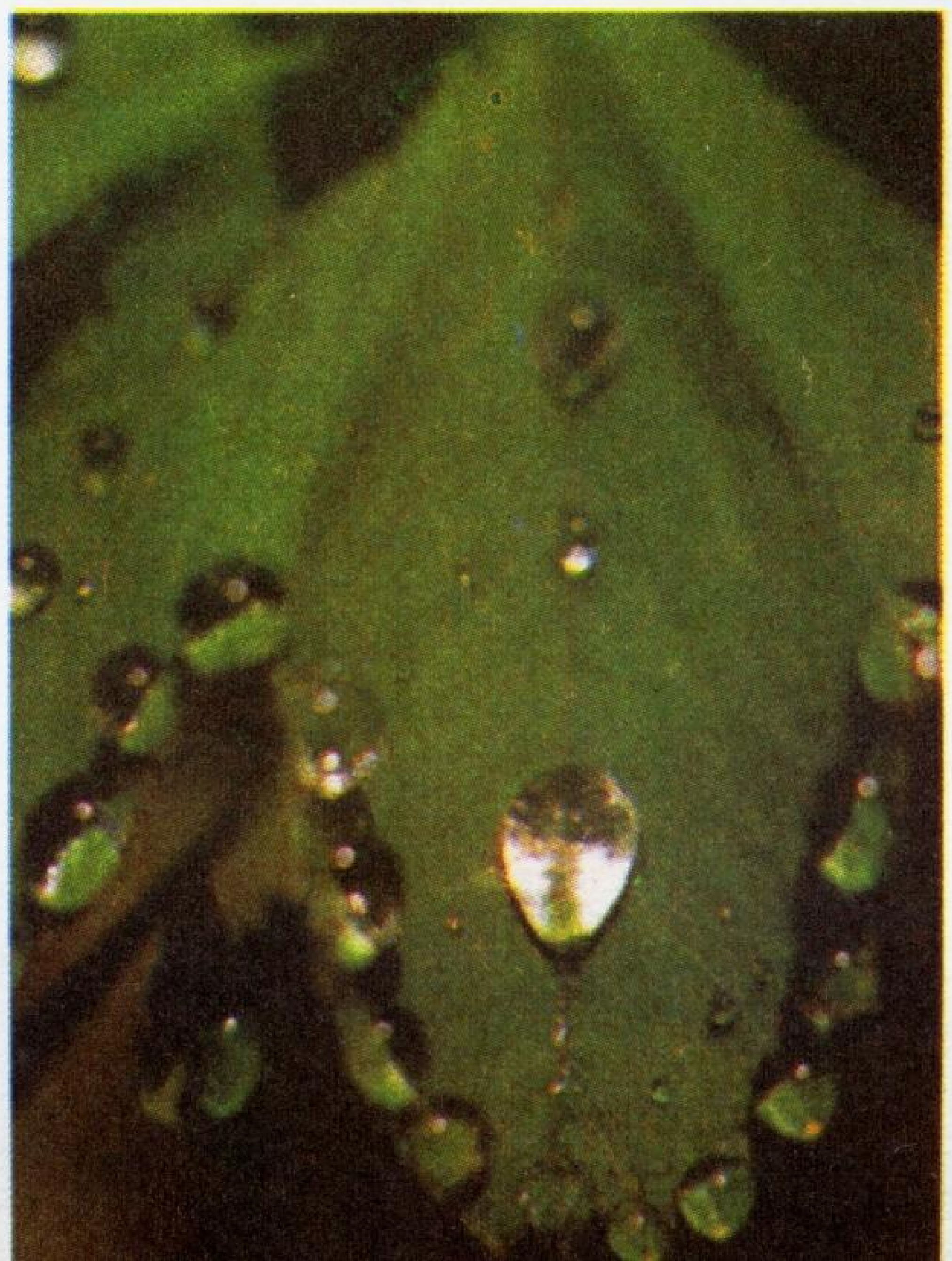
Но самое главное, что нужно,— это внимание, интерес и терпение. И тогда... Разноцветный, сверкающий и яркий мир откроет вам свои тайны. Ваша жизнь станет гораздо интереснее.

А я опять собираюсь в путешествие по дебрям лесной поляны. Не скрылось бы только за тучами солнце и хватило бы фотопленок.

Ю. АРАКЧЕЕВ
Фотографии автора.

ISSN 0130—8009





Цена 30 коп. Индекс 70694.